

СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

ТЕМАТИЧЕСКИЕ РУБРИКИ:

5.3 Психология

5.3.3 — Психология труда,
инженерная психология,
когнитивная эргономика

5.4 Социология

5.4.4. — Социальная структура,
социальные институты и
процессы
5.4.7. — Социология управления

5.8 Педагогика

5.8.7. — Методология и технология
профессионального образования

Свидетельство о регистрации Эл № ФС77-64254 от 25 декабря 2015 года

Научный журнал
«Социально-гуманитарные технологии»
№ 4 (24), 2022
ISSN (Online) 2500-4202

Зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)

Свидетельство о регистрации средства массовой информации:

ЭЛ № ФС77-64254 от 25 декабря 2015 г.

Учредитель Государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования Московской области «Технологический университет имени дважды Героя Советского Союза, летчика-космонавта А.А. Леонова», г. Королев, Россия (141074, Московская обл., г. Королев, ул. Гагарина, д.42) / 16+

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР:

Кирилина Т.Ю., доктор социологических наук, профессор

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Афонин И.Д., кандидат педагогических наук, доцент
Барков С.А., доктор социологических наук, профессор
Гайдабрус Н.В., кандидат философских наук, доцент
Долгорукова И.В., доктор социологических наук, профессор
Захарова Н.Л., доктор психологических наук, профессор
Капранова М.В., кандидат психологических наук, доцент
Костыря С.С., кандидат психологических наук, доцент
Красикова Т.И., кандидат филологических наук, профессор
Лапшинова К.В., кандидат социологических наук, доцент
Ларионов А.Э., кандидат исторических наук, доцент
Магомедов К.О., доктор социологических наук, профессор
Морозюк С.Н., доктор психологических наук, профессор
Морозюк Ю.В., доктор психологических наук, профессор
Романов П.С., доктор педагогических наук, доцент
Старцева Т.Е., доктор педагогических наук, профессор
Тавокин Е.П., доктор социологических наук, профессор

EDITOR-IN-CHIEF:

Kirilina T.Yu., Doctor of Sociology, Professor

EDITORIAL BOARD:

Afonin I.D., PhD {Pedagogy}, Associate professor
Barkov A.S., Doctor of Sociology, Professor
Gaydabrus N.V., PhD, Associate professor
Dolgorukova I.V., Doctor of Sociology, Professor
Zakharova N.L., Doctor of Psychology, Professor
Kapranova M.V., PhD {Psychology}, Associate professor
Kostyrya S.S., PhD {Psychology}, Associate professor
Krasikova T.I., PhD {Philology}, Professor
Lapshinova K.V., PhD {Sociology}, Associate professor
Larionov A.E., PhD {History}, Associate professor
Magomedov K.O., Doctor of Sociology, Professor
Morozyuk S.N., Doctor of Psychology, Professor
Morozyuk Yu.V., Doctor of Psychology, Professor
Romanov P.S., Doctor of Pedagogy, Associate professor
Startseva T.E., Doctor of Pedagogy, Professor
Tavokin E.P., Doctor of Sociology, Professor

Над выпуском работали:

Паршина Ю.С.

Когтева У.А.

23.12.2022 г.

Адрес редакции:

141070, Королев, Ул. Октябрьская, 10а Тел. (495)543-34-31

e-mail: sgtjournal@mail.ru

www.sgtjournal.ru

© «Технологический университет»

СОДЕРЖАНИЕ

5.4.4 СОЦИАЛЬНАЯ СТРУКТУРА, СОЦИАЛЬНЫЕ ИНСТИТУТЫ И ПРОЦЕССЫ	3
<i>Ларионов А.Э., Новичков А.В.</i> Тенденции и перспективы развития российского общества на современном этапе: опыт макросоциологического анализа	3
<i>Кирилина Т.Ю.</i> Ресентимент как инструмент анализа социальных явлений	12
<i>Романов П.С.</i> Трансформация образовательных программ канады в области естественных наук под влиянием научно-технических факторов в XX веке	19
5.4.7 СОЦИОЛОГИЯ УПРАВЛЕНИЯ	25
<i>Кирилов А.М.</i> Система управления молодежной политикой в современной России	25
<i>Когтева У.А.</i> Цифровизация образовательного медиапространства и цифровое неравенство: социолого-управленческий аспект	32
<i>Симонов Д.Д.</i> Управленческий конфликт как объект социологического анализа	38
5.3.3 ПСИХОЛОГИЯ ТРУДА, ИНЖЕНЕРНАЯ ПСИХОЛОГИЯ, КОГНИТИВНАЯ ЭРГОНОМИКА	47
<i>Лисичкина Ю.В.</i> Особенности профессионального Я-перспективного интернет-работников с различным стажем нестандартной занятости	47
<i>Костыря С.А., Пономаренко А.А.</i> Представления о детерминации профессиональной идентичности специалистов социальной сферы	57
<i>Точилина Т.В.</i> Нейробиологический аспект социального развития детей	65
5.8.7 МЕТОДОЛОГИЯ И ТЕХНОЛОГИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ	72
<i>Афонин И.Д.</i> Личность преподавателя как фактор эффективности педагогического общения	72
<i>Когтева Е.В.</i> Обучение профессионально ориентированному аудированию на французском языке в неязыковом вузе	79
<i>Романов П.С.</i> Обзор литературы в диссертации как эволюционирующий объект рассмотрения зарубежных исследователей	85

5.4.4 СОЦИАЛЬНАЯ СТРУКТУРА, СОЦИАЛЬНЫЕ ИНСТИТУТЫ И ПРОЦЕССЫ

ОБ АВТОРАХ:

А.Э. Ларионов,
кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры гуманитарных и социальных дисциплин, Государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования Московской области «Технологический университет имени дважды Героя Советского Союза, летчика-космонавта А.А. Леонова», Королев, Россия.

А.В. Новичков,
кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры гуманитарных и социальных дисциплин, Государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования Московской области «Технологический университет имени дважды Героя Советского Союза, летчика-космонавта А.А. Леонова», Королев, Россия.

ABOUT THE AUTHORS:

A.E. Larionov,
PhD (History), Associate Professor, Associate professor of the Department of Humanitarian and Social Disciplines, State Educational Institution of Higher Education Moscow Region «Leonov Moscow Region University of Technology», Korolev, Russia.

A.V. Novichkov,
PhD (History), Associate Professor, Associate professor of the Department of Humanitarian and Social Disciplines, State Educational Institution of Higher Education Moscow Region «Leonov Moscow Region University of Technology», Korolev, Russia

УДК 316.012

ТЕНДЕНЦИИ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ: ОПЫТ МАКРОСОЦИОЛОГИЧЕСКОГО АНАЛИЗА

Ларионов А.Э., Новичков А.В.

Статья посвящена проблеме перспектив развития и трансформаций российского общества на современном этапе и в среднесрочной перспективе. Указаны и описаны основные негативные тенденции, ведущие к социальному регрессу и хаосу. Применена методология системного подхода к анализу макросоциальных процессов. Существующие негативные тенденции рассмотрены в свете проводимой Россией Специальной военной операцией как важнейшего фактора изменения внутренних показателей российской социальной макросистемы. В числе важнейших проблемных и угрожающих процессов названы разрушение образования и здравоохранение, кризис института семьи и демографической ситуации, глобализационные и космополитические умонастроения российской элиты, социальная несправедливость и имущественное расслоение как основания глубокого социального раскола. Показано сохранение деградиационных трендов российского социума. Указаны риски продолжения такого состояния для выживания России как субъекта мировой истории.

Макросоциальная система, социальный регресс, тенденции развития общества, специальная военная операция.

Для цитирования: Ларионов А.Э., Новичков А.В. Тенденции и перспективы развития российского общества на современном этапе: опыт макросоциологического анализа // Социально-гуманитарные технологии. 2022. №4 (24). С. 3-11.

TRENDS AND PROSPECTS OF DEVELOPMENT OF RUSSIAN SOCIETY AT THE PRESENT STAGE: EXPERIENCE OF MACROSOCIOLOGICAL ANALYSIS

Larionov A.E., Novichkov A.V.

The article is devoted to the problem of prospects for the development and transformation of Russian society at the present stage and in the medium term. The main negative trends leading to social regression and chaos are indicated and described. The methodology of a systematic approach to the analysis of macrosocial processes is applied. The existing negative trends are considered in the light of the Special Military Operation conducted by Russia as the most important factor in changing the internal indicators of the Russian social macro system. Among the most important problematic and threatening processes are the destruction of education and healthcare, the crisis of the institution of the family and the demographic situation, the globalizing and cosmopolitan mentality of the Russian elite, social injustice and property stratification as the

basis of a deep social split. The preservation of the degradation trends of the Russian society is shown. The risks of continuing such a state for the survival of Russia as a subject of world history are indicated.

Macrosocial system, social regression, trends in the development of society, special military operation.

For citation: Larionov A.E., Novichkov A.V. Trends and prospects of development of Russian society at the present stage: experience of macrosociological analysis. *Sotsial'no-gumanitarnye tekhnologii*. 2022; 4 (24): 3-11. (In Russ.)

Темпоральные Modus operandi социально-гуманитарных наук существенно различаются в зависимости от степени завершенности исследуемых объектов. Как известно, операциональным пространством исторической науки являются события и процессы состоявшиеся. Которые можно проследить от зарождения до финала и последствий. Если же какое-то событие ещё длится, так что невозможно уверенно и непредвзято судить о его причинах, акторах, содержании и результатах, то оно подлежит политологическому и социологическому анализу, может использоваться как сырьё для футурологических сценариев или культурологических штудий, но историей стать ему только предстоит. Пока процесс и/или событие не завершены, никто, будучи в здравом уме и твёрдой памяти, не решится уверенно сказать однозначно, каковы будут их результаты и последствия. Уместно вспомнить здесь рассказ «отца истории» Геродота о беседе афинского мудреца Солон с лидийским царём Крезом о счастье, точнее, финал этой беседы (даже если она вымышлена, сути это не меняет): «Тогда Крез с досадой спросил: «Неужели же, любезный афинянин, ты не во что ставишь мое счастье и меня считаешь ниже простых людей?» Солон на это отвечал: «Я знаю, Крез, что всякое божество завистливо и любит смуту, а ты спрашиваешь меня о человеческом счастье... Ты конечно очень богат и царствуешь над многими народами, но назвать тебя счастливым я могу не раньше, как узнав, что век свой ты кончил счастливо... Все-таки ранее смерти человека воздержись с приговором, не называй его счастливым, но лишь благоденствующим... Во всяком деле следует смотреть на конец: многих людей божество ласкало надеждою счастья и потом окончательно ниспровергло их» [5]. Основной пафос данного отрывка – не судить о людях и событиях прежде того, как станет известным окончание их пути.

Мы не говорим здесь о пророчествах по типу библейских текстов, либо гадательных практик, поскольку они принадлежат к области иррационального, т.е. не пересекаются с методами и эпистемологическими постулатами рациональной науки (хотя и не противоречат им, вопреки популярному заблуждению). Впрочем, даже в Библии есть примеры того, как Бог изменял собственные предназначения [7] либо изъявлял готовность это сделать [2]. Для нас смысл этих библейских рассказов заключается в принципиальном отрицании жёсткого детерминизма и фатализма в динамике социальных процессов, во всегдашнем существовании как минимум двух вариантов развития событий хотя в реальности их может быть гораздо больше. Непредрешиённость есть оборотная сторона историзма с его причинностью и взаимосвязью событий.

Однако, разграничивая предметные области социально-гуманитарного познания по состоянию завершенности объекта, мы не должны забывать и того, что на современном этапе его развития социология, политология, история и культурология переплетены между собой настолько тесно, что полностью отделить их друг от друга невозможно. Тем более, если это касается проблематики макросоциологического анализа в том его понимании, какое мы встречаем у таких корифеев социологии, как Макс Вебер [3], Питирим Сорокин [20] или Рэндалл Коллинз [8]. Соответственно, осуществляя характеристику и анализ проблемы современных тенденций и вероятных перспектив развития российского общества (точнее, делая некоторые намётки такого исследования, поскольку полный анализ требует гораздо больших объёмов и времени), мы с неизбежностью будем обращаться к гносеологическому потенциалу других сегментов социогуманитарной сферы в тех случаях, когда это окажется необходимым.

Объектом исследования в нашем случае служит российский социум как целостная динамичная система. Исходной точкой, от которой будет вестись анализ, служит его состояние в

настоящий момент времени (2022-2023 гг.). Однако, необходимо принимать во внимание, что современное состояние макросоциальной системы есть результат предшествующего развития. Следовательно, хотя бы краткие экскурсы в прошлое для понимания настоящего и выявления текущих тенденций. Ввиду естественной сложности социальной системы, в её реальной жизни политика, экономика, культура, социальные коммуникации, правовая сфера «скручены» в единый жгут, краеугольным камнем методологии послужит междисциплинарность.

Говоря о наличном состоянии российского общества, в качестве его существенной характеристики укажем высокую степень социальной поляризации и латентного конфликта ценностей, что фактически означает поддержание на протяжении последних трёх десятилетий состояния расколотости социума. Причём линии раскола проходят сразу по нескольким направлениям. На первое место следует поставить острое, переживаемое на уровне популяции фрустрационное чувство *социальной несправедливости*. Иными словами, в российском социуме присутствует много лет нереализуемый запрос на социальную справедливость. Показательны в этом отношении данные социологических опросов, проведённые российскими социологическими исследовательскими центрами и некоторыми СМИ. Однако, прежде чем обратиться к социологической конкретике, уточним дефиницию **«справедливость»**. Согласно определениям нравственной философии, это есть **некое идеально-желаемое состояние общества, человеческих отношений, при которых деяние и воздаяние, труд и вознаграждение, желания и их удовлетворение соразмерны друг другу и, добавим от себя, не ухудшают общего состояния социальной системы** [22, с. 623-624]. То есть улучшение частной ситуации должно улучшать и упорядочивать систему в целом. В дальнейшие семантические дискуссии здесь мы вдаваться не будем, дабы не уйти слишком далеко от основного предмета нашего обсуждения.

Дефицит справедливости констатируют данные следующих полевых социологических исследований: по сводным данным Фонда общественного мнения (ФОМ) за 2007-2018 гг. от 61% до 68% наших сограждан полагают российское общество устроенным несправедливо. И лишь от 12% до 23% за этот же период считают российское общество справедливым. На момент 2018 г. сторонников несправедливого в целом уклада жизни было 65% [14]. По данным Института социологии РАН, приводимым в газете «Коммерсантъ», среди принципов, на которых должно строиться российское общество, справедливость поставлена на 1-е место максимальным количеством россиян: в 2014 г. об этом заявили 47% опрошенных, а в 2018 г. уже 59%. Оба раза это было больше, чем какой-либо иной критерий [4]. Указание на данное качество как на должное и всё большим числом людей свидетельствует о том, что они полагают его отсутствующим в реальной жизни. По данным ВЦИОМ от 23.11.2018 г. только 16% российских граждан полагают, что в течение года (2017-2018 гг.) уровень справедливости в обществе повысился, тогда как 28% считают, что за этот же период он понизился [21].

Одним из зримо-осязаемых воплощений царящей в российском обществе несправедливости является вопиющий разрыв в доходах населения. На протяжении всего постсоветского периода (1992-2022 гг.) такой важный показатель как Индекс Джини (распределение населения по децильным группам от самых низких до самых высоких среднедушевых доходов) находился в диапазоне от 28 до 42 раз. 28-кратный разрыв наблюдался в 1992 году, когда т.н. «первоначальное накопление» только начиналось. В последующем оно вышло на уровень 38-42 раза. Ни разу с 2003 г. не опустившись ниже 40-кратной отметки[9]. То есть доходы 10% самого бедного населения меньше доходов 10% самого богатого населения в 40-42 раза! При этом реальные располагаемые доходы далеко не всегда находятся в прямой зависимости от количества и качества производимой человеком работы. Предметом исследования в отечественных публикациях является феномен «работающей бедности», которая прямо увязывается с проблемой социальной несправедливости: «помимо общественной бедности появляется так называемая «финансовая бедность», и появляются «новые бедные» или «работающие бедные». Это вызвано тем, что работающие люди не могут гарантировать себе минимальный достаток, что вызвано невысокой заработной платой. «Эксперты считают, что более 30 млн. работающих в России получают зарплату в размере менее 10 тыс. руб. в месяц»... одни работают и зарабатывают, но по факту мало что получают, а другие, по сути, не работают, но,

обладая активами, получают большие финансовые средства для своей жизнедеятельности. Говорить в данном случае о какой-либо социальной справедливости вообще не приходится» [1].

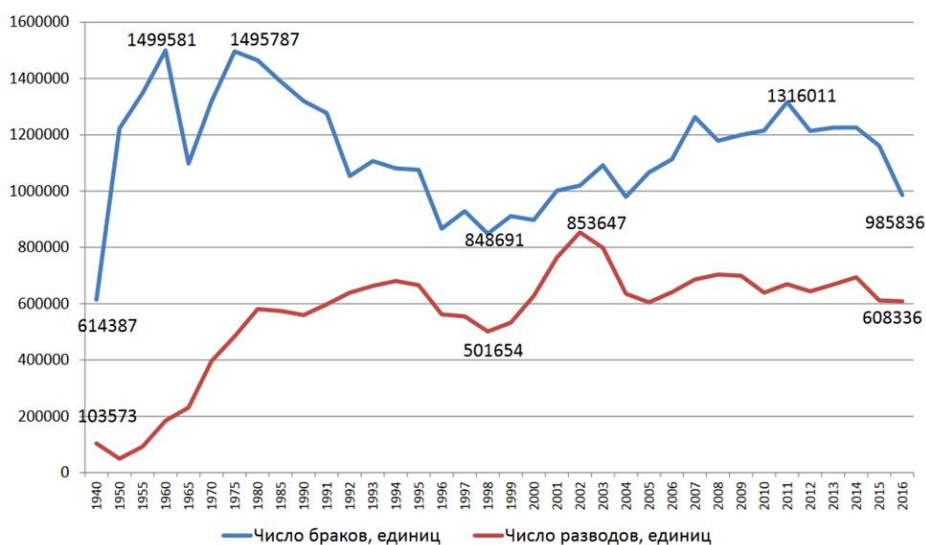
Таким образом, можно говорить о том, что на протяжении 30 лет десятки миллионов граждан России рождаются, живут и умирают с острым негативным фрустрационным чувством царящей в обществе социальной несправедливости как конститутивного порядка, который поддерживается государством и всеми его ресурсами. Это объективный факт. И мощная линия социального разлома, исток скрытых и открытых социальных конфликтов с самыми драматическими проявлениями и следствиями. Ситуация усугубляется тем, что в российском обществе в качестве актуального прошлого сохраняются и поддерживаются воспоминания о Советской эпохе, когда социальная ситуация была кардинально иной. Советское прошлое объективно делегитимирует существующую социально-политическую и социально-экономическую модель современной России. И никакие показатели приобретения высокотехнологичных гаджетов в комплекте с избытком сортов сыра и колбасы в магазинах данную ситуацию переломить не смогут. Всё отмеченное оказывает долгосрочное воздействие на общественное сознание, во многом задавая параметры отношения к государственной власти, формируя отрицательное к ней отношение, которое может проявиться в самый критический момент.

Такова важнейшая тенденция макросоциального развития российского общества на новейшем этапе его истории. Однако, помимо этого, следует обратить внимание на не менее серьёзную тенденцию, которая в одной из наших публикаций получила обозначение «воронки социального регресса» [10]. Понимая под социальным регрессом системную деградацию социальной системы как господствующую тенденцию бытия общества в историческом времени, авторы делают вывод о реальности такого явления как «воронка социального регресса, [которая] затягивает в свою орбиту любые социальные объекты и структуры, перекручивает и разрушает их. Мало того, разрушительная энергия социального регресса словно бы подпитывается за счёт разрушаемых этим inferнальным смерчем объектов» [10].

В этот тренд прекрасно укладываются разрушительные «реформы» структурообразующих подсистем общества, таких как сферы образования и здравоохранения. Не вдаваясь в подробности, о которых говорилось в ряде других наших публикаций [11], отметим, что фактически общедоступные качественные сферы образования и здравоохранения в России к настоящему времени разрушены. На их месте остались имитационные структуры, фактические симулякры. В данном случае мы не говорим, хорошо это или плохо с позиций отдельных социальных групп (например, для тех, кто является бенефициарами-выгодоприобретателями от разработки и внедрения такого рода «реформ» – это хорошо, для пациентов оставшихся без кадров и коек больниц, учащихся школ, оставшихся без учителей – это плохо), но пытаемся оценить с позиций такого объективного критерия, как сохранение макросоциальной системы в потоке исторического времени. Отсутствие внятного государственного целеполагания для системы образования и её фактическое разрушение объективно способствуют дальнейшей социальной энтропии, атомизации российского общества, особенно его молодых поколений. Молодёжь России, недополучая упорядоченной и созидательной информации и социальных навыков в школах, техникумах/колледжах и ВУЗах, восполняют этот недостаток самостоятельно за счёт ресурсов сети интернет. И вовсе не обязательно эти компенсаторные объёмы информации формируют позитивные знания, умения и навыки. В лучшем случае Россия получает индифферентно настроенных в отношении страны и государства индивидов, нацеленных на столь модный сейчас «личный успех» и стремящихся выстроить личную траекторию максимального потребления в глобальных сетях трудоустройства. В худшем мы получаем психопатически ориентированных персонажей. Это замаскированные человеческие потери России. Если добавить к этому общее ухудшение здоровья и долголетия в результате низкого, часто имитационного качества предоставляемых медицинских «услуг» на бюджетно-страховой основе, помножим эти параметры на упомянутую выше «работающую бедность» и стойкое чувство конституированной и охраняемой государством социальной несправедливости, то получим в итоге многомиллионную популяцию людей, которые имеют к государству достаточно обоснованные претензии, не чувствуют никаких обязательств по отношению к стране и народу, стремящихся к личному успеху любой ценой. Крайним выражением таких социально обусловленных настроений может быть ненависть к России, готовность

покинуть её или даже сознательно вредить. Что проявилось со всей отчётливостью в процессе бегства сотен тысяч российских граждан из России после 24 февраля 2022 г. и продолжающегося по настоящее время. По различным данным, выехало из России и не вернулось в течение 2022 года по разным оценкам от 500 тыс. до 1,5 млн. человек [19; 13]. Сам факт такого расхождения в оценках свидетельствует об отсутствии чётких методик подсчёта и контроля. Однако факт наличия огромного числа достаточно молодых граждан России, полагающих ничем себя своей Родине необязанными, служит достаточно тревожным признаком, свидетельствуя о наличии ещё одного, помимо мотива социальной справедливости, глубокого социального разлома внутри российской макросоциальной системы. Кроме всего прочего, огромные цифры людей, готовых бросить всё в России и уехать буквально «в никуда», свидетельствует о глубоком кризисе идентичности в российском обществе и, как следствие, глубокой линии социального разлома между теми, кто уезжает и теми, кто остаётся.

Одним из самых тревожных и, в то же время, наиболее долгосрочных трендов социального развития России является катастрофическая ситуация с демографией. С 1991-1992 гг. и по сей день мы наблюдаем действие двух взаимосвязанных процессов: кризис института семьи и превышение смертности над рождаемостью в России. По официальным данным Росстата (см. диаграмму) в начале 1990-х гг. соотношение браков и разводов было приблизительно 2:1, то 30 лет спустя оно достигло 3:2. И это не говоря о снижении числа заключённых браков [23].

Объективно следует признать, что в массовом сознании институт семьи, как и дети как естественное продолжение жизни катастрофически утратили свою ценность. Мы не рассматриваем здесь социально-экономических причин снижения рождаемости (безработица, низкий уровень доходов большинства населения, обеспеченность жильём, ухудшение качества здравоохранения и образования, хотя они, безусловно, играют важную роль в том состоянии демографической депрессии, в котором пребывает Россия на протяжении 30 лет). Важно, что изменился сам тип отношения общества к продолжению себя в будущем – люди словно смирились с умиранием страны и молчаливо приняли матрицу получения максимума возможных благ для себя «здесь и сейчас» с отказом от будущего. Таким образом, наряду с линиями социальных разломов в российском обществе на протяжении 3-х десятилетий присутствует вполне реальная угроза биологического умирания на протяжении 2-3-х поколений. Это действующая, а отнюдь не гипотетическая тенденция, усугубляемая ранней смертностью от некачественного медицинского обслуживания, распространением в среде молодёжи наркомании и сознательного отказа от семьи и деторождения. Социальный регресс (развал образования и здравоохранения, инволюция культуры, кризис нравственности), социальная поляризация, кризис института семьи, изменение трудовой культуры, распространение гедонизма – всё это ведёт к сжатию российской макросоциальной системы в пространстве реальной истории и её постепенному исчезновению даже без каких-либо масштабных катаклизмов экзогенного характера. Происходит самовычёркивание российского общества из потока исторического времени – как на

институциональном, так и на функциональном уровне. Тренд депопуляции отражён на приводимой ниже диаграмме [17]:

Демографическая ситуация является далеко не единственной угрозой историческому бытию Русской цивилизации и российской социальной макросистемы как субъекта мировой истории. Не просто проявлением, но в значительной степени генератором социального регресса и хаоса в России исторически является феномен деградации и предательства элиты, который с удивительной системностью воспроизводится на протяжении всего более чем тысячелетия социальной и политической истории Руси-России. Об этой проблеме за последние десятилетия написано огромное количество философских, исторических, культурологических и социологических текстов – от глубоко академических до научно-популярных и даже популистских. Мы не видим необходимости пересказывать их здесь. Просто вновь приведём высказывание неоднократно нами цитированного в прошлых работах А.С. Панарина, сумевшего наиболее ёмко в относительно кратких текстах выразить сущность данного губительного феномена: «Новая элита изначально не отождествляет себя с «этим» народом: ее «мы» больше относится к международным центрам власти – интернационалу глобализма, чем к туземному населению. Она держит капиталы, имеет виллы, учит своих детей – не в «этой» стране. Соответственно, судьба «этой» страны ее менее всего интересует. Вместо единого национального пространства, созданного в ходе великих сдвигов модерна и просвещения, сегодня образуются параллельные, практически нигде и никак не пересекающиеся пространства туземной массы и глобализирующейся элиты» [15]. Данная убийственная характеристика практически идеально подходит для современной российской политической, хозяйственной и даже значительной части культурной элиты. Для этого даже не требуется каких-то громких разоблачений и раскрытия немислимых тайн – достаточно данных, находящихся в открытом доступе относительно обладания гражданством или видом на жительство, финансовых активов, яхт, недвижимости, обучения детей в зарубежных странах у десятков представителей высшего эшелона Российского государства. Если же присовокупить к этому те или иные публичные высказывания по вопросам образования, здравоохранения, отношения к советскому периоду истории – то картина получается фантазмагоричная, но, увы, вполне правдоподобная. В результате мы имеем целостную картину: катастрофические и губительные решения в сфере государственного управления, касающиеся слома образования, социальной сферы, здравоохранения, провоцирующие вымирание русской провинции принимались и принимаются по сей день людьми, чьи подлинные интересы и будущее находятся в тех странах, которые открыто демонстрируют свою враждебность России и заявляя о необходимости её уничтожения. Это является невиданным социально-историческим и даже историософским парадоксом: на протяжении многих лет ключевые для страны решения принимаются и осуществляются людьми, которые открыто страну ненавидят и презирают. Этот историко-социально-философский феномен требует своего отдельного осмысления. Но констатировать его сейчас можно вполне уверенно на основании реально наблюдаемых и достоверных фактов. Тенденции социального регресса российской макросоциальной системы, в таком случае, оказываются не столько стихийными, сколько целенаправленными, искусственно организованными и специально поддерживаемыми.

Итак, с какими же тенденциями Россия подошла к началу теперь уже прошлого, 2022 года, а точнее – к символической теперь дате 24 февраля 2022 г.?!)

- 1) Российское общество пребывает в глубоком состоянии депрессии, регресса и деградации;
- 2) Об этом свидетельствуют фактически разрушенные и существующие в состоянии имитаций и симулякров сферы образования, здравоохранения и социального обеспечения;
- 3) Наиболее ярко деградация социума проявляется в усугубляющемся кризисе института семьи и непрекращающемся демографическом кризисе, фактическим вымирании народа;
- 4) Катализатором социального регресса выступает российская элита, ответственная за выработку и реализацию губительных для страны и народа решений;
- 5) Мало того, элита вне зависимости от своего желания задаёт эталоны и стереотипы социального поведения для огромного количества людей;
- 6) Массовый отъезд (фактически – бегство) из России сотен тысяч людей после начала СВО – яркое тому свидетельство;
- 7) Все отмеченные тенденции присутствуют одновременно и могут породить «эффект резонанса» с одномоментным обрушением/коллапсом всей социальной макросистемы России, когда распад станет неконтролируемым и необратимым.

Однако, с 24 февраля 2022 года поверх этих тенденций проявился новый фактор, который можно обозначить популярной метафорой «чёрного лебедя» [24], под которой понимается непрогнозируемое или маловероятное событие, которое резко меняет картину реальности, делая часто неактуальными все прежде значимые расчёты и моменты. Россия оказалась в состоянии хотя и локального, но крупномасштабного военного конфликта в непосредственной близости от своих исходных границ, в котором ей прямо и косвенно противостоят ресурсы и военные силы сильнейших государств Запада, не имея при этом сколько-нибудь однозначных влиятельных союзников. И все отмеченные нами выше негативные социальные тенденции присутствуют.

Факт начала Специальной военной операции России на Украине 24 февраля 2022 года общеизвестен. Равно как и предшествующее этому событию решение о приёме в состав России Донецкой и Луганской народных республик двумя днями раньше – 22 февраля. С формально-юридической точки зрения Донецкая и Луганская области на тот момент являлись частями Украины. Так что неизбежные последствия такого решения были очевидны. Тем не менее, обратим внимание на менее очевидную сторону данных фактов: российское общество после 22-24 февраля объективно, вне зависимости от своего желания и волеизъявления отдельных социальных групп и представителей оказалось втянуто в крупнейший после 1945 года вооружённый конфликт и противостояние с целой группой государств, считающимися самыми сильными и богатыми, технологически развитыми на планете Земля. Подчеркнём: не только государство, а именно общество в целом испытывает на себе влияние новых внешнеполитических реалий, неизбежно проецирующихся на внутреннюю ситуацию и меняющих социальную реальность России. Любой военный конфликт всегда воздействует на социум, меняет его, порой до неузнаваемости. Это очевидно. Но столь же очевидно, что даже самые глубокие изменения, которые общество и государство будут испытывать под влиянием войны, будут генетически связаны с теми социальными процессами, которые имелись в наличии на момент втягивания страны в военный конфликт.

Истина же заключается в том, что российское общество оказалось в состоянии масштабного внешнего вооружённого конфликта и острой конфронтации со странами Европы и Америки, само пребывая в крайне ослабленном и больном внутреннем состоянии. На настоящий момент ни одна из тех тенденций, которые способствуют социальному регрессу и хаосу, в России не остановлены. Такие патологические явления как системная социальная несправедливость и колоссальное имущественное расслоение очевидным образом только усугубляются. В то время, как реальные располагаемые доходы населения и покупательная способность рубля продолжают падать, узкая высшая прослойка общества наращивает свои прибыли и накопления. Согласно официальным данным, к концу 2022 года реальные располагаемые доходы большинства населения упали на 3,5% (номинальные денежные суммы, получаемые гражданами). В результате роста цен на среднестатистический гражданин России может приобрести товаров и услуг на 1/3 меньше, чем в 2021 году [6]. Одновременно с этим состояние 23 крупнейших российских олигархов

выросло суммарно на 16,1 млрд.\$ русская поговорка «Кому война, а кому мать родна» в данном случае получает буквальное воплощение [25]. В то время, как бедные беднеют, богатые продолжают богатеть. С точки зрения символической коммуникации мы имеем объективный сигнал российскому обществу (который людьми обязательно будет воспринят): текущая ситуация служит благополучию избранного меньшинства за счёт бедности, слёз и страданий большинства. То есть социальный раскол объективно усилится.

Не менее проблематичная ситуация с демографией. Согласно официальным данными Росстата, только за 2022 год население России уменьшилось на 550 тыс. человек. Такого превышения смертности над рождаемостью [12]. Депопуляция населения продолжается все последние годы. Добавим к этому значительные цифры военных потерь (которые не раскрываются, но, учитывая накал сражений, являются достаточно значительными). И потери эти в обозримом будущем будут продолжаться, коль скоро продолжается СВО. Причём погибают, в основном, мужчины трудоспособного и бракоспособного возраста. Большое количество детей останутся без отцов или с отцами-инвалидами, также следует учитывать т.н. косвенные потери в виде нерождённых детей. То есть вымирание населения России, прежде всего её станового хребта – русского народа будет продолжаться наряду с продолжающейся социальной деградацией. Тем более, что ранее отмеченные тенденции социального регресса в виде разрушения сфер образования и здравоохранения нигде и никем не остановлены. Пресловутая мера в виде устранения из ФЗ-№273 «Об образовании в Российской Федерации» понятия «образовательная услуга» выглядит как популистская уступка, которая организаторам процесса ничего не стоит [16]. Между тем, все те персонажи, которые десятилетиями осуществляли разрушительные «реформы» образования, погружая его в состояние «управляемой катастрофы» и фактически организуя процесс превращения народа в необразованную толпу «квалифицированных потребителей» (многие из которых побежали из страны при первых признаках военных действий и мобилизационных мероприятий), не только не понесли никакой ответственности, но продолжают и дальше модерировать процессы «цифровизации», «инноваций» и «оптимизации» образования. Только риторика слегка поменялась. Хотя Россия продолжает «консультации» с зарубежными структурами по вопросам продолжающихся глобализационных трендов в образовании и здравоохранении. Представители российской «элиты», которые рассматривают Россию в качестве «кормовой базы», при этом видя своё будущее и будущее своих детей в тех странах, которые выказывают неприкрытую враждебность России и намерение её уничтожить, точно также никуда не делись. Пресловутое «очищение» является косметическим. И может быть развёрнуто в обратную сторону в любой момент. Таким образом, если представить себе российское общество в среднесрочной перспективе, то получится, что СВО ведёт страна с продолжающим нищать населением при богатеющей и презирающей страну элите, с разваленным здравоохранением и образованием, с углубляющей демографической ямой при катастрофических потерях мужского населения, с сохраняющимися ключевые посты и влияние людьми, которые полностью соответствуют приводимой выше характеристике А.С. Панарина. Насколько реалистичной при таких социальных тенденциях является решительная победа в СВО? Каким выйдет российское общество в реальность «после СВО»? Насколько жизнеспособным в длительной перспективе окажется общество, сохраняющее негативные тенденции и патологии в усугублении и без попыток их серьёзного лечения? Эти вопросы, логически вытекают из проведённого нами описания и анализа социальных тенденций в современной России. Мы не предлагаем здесь собственных окончательных выводов, предоставляя сделать их читателям самостоятельно.

Литература:

1. Ашмаров И.А. «Работающие бедные» в современной России // Историко-экономические исследования. Т.19. №4/2018. С. 565,567 // <https://cyberleninka.ru/article/n/rabotayuschie-bednye-v-sovremennoy-rossii?ysclid=ldh60f7b44715947887> Дата обращения 23.12.2022.
2. Быт. 18:26-32.
3. Вебер М. Избранное: Образ общества. М.-СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2017. – 767 с.
4. В поисках социальной справедливости // <https://www.kommersant.ru/doc/4266723> Дата обращения 25.12.2022.
5. Геродот. История. 1:32 // <http://академия-собор.рф/sites/default/files/herodot.pdf> Дата обращения 25.12.2022.

6. Доходы россиян рухнули: Росстат опубликовал данные // <https://www.mk.ru/economics/2022/11/03/dokhody-rossiyan-rukhnuli-rosstat-opublikoval-dannye.html?ysclid=ldmvn5w2ow321309462> Дата обращения 23.12.2022.
7. Ион. 4:10-11.
8. Коллинз Р. Макроистория: Очерки социологии большой длительности. М.: УРСС: ЛЕНАНД, 2015. – 504 с.
9. Коэффициент Джини в России // <https://rosinfostat.ru/koeffitsient-dzhini/?ysclid=ldh5ilwuvv136016318#i-4> Дата обращения 24.12.2022;
10. Ларионов А.Э., Новичков А.В. Воронка социального регресса и модусы исторического времени // Социально-гуманитарные технологии. №3/2022. С. 17-24
11. Ларионов А.Э., Новичков А.В. Российское образование – территория управляемой катастрофы. Ч. 1-5 // Социально-гуманитарные технологии. №3-4/2020, №1-3/2021 // https://www.elibrary.ru/author_items.asp?authorid=635828 Дата обращения 20.12.2022.
12. Население России за год сократилось на 555 тыс. человек // <https://www.rbc.ru/economics/01/02/2023/63da428b9a7947e741363c53?ysclid=ldmzlc6otj480820716> Дата обращения 02.02.2023.
13. «Не надо записывать всех в предатели...» // <https://www.kp.ru/daily/27403.3/4598843/?ysclid=ldha2flaqj979852116> Дата обращения 21.12.2022.
14. О справедливости // ФОМ // <https://fom.ru/TSennosti/14099?ysclid=ldg9hcs4ff423119777> Дата обращения 25.12.2022.
15. Панарин А.С. Народ без элиты: между отчаянием и надеждой // <https://fb2.top/narod-bez-elity-meghdu-otchayaniem-i-nadeghdoy-77268/read/part-1#1> Дата обращения 24.12.2022.
16. Понятие «образовательная услуга» исключено из российского законодательства // <https://edu.gov.ru/press/5483/ponyatie-obrazovatel'naya-usluga-isklyucheno-iz-rossiyskogo-zakonodatelstva/?ysclid=ldmzqb48pv108756841> Дата обращения 21.12.2022.
17. Рождаемость, смертность и естественный прирост населения в России по годам // <https://infotables.ru/statistika/31-rossijskaya-federatsiya/784-rozhdaemost-smertnost> дата обращения 24.12.2022.
18. Росстат по-новому измерил неравенство доходов в стране // <https://www.rbc.ru/economics/13/10/2022/63453c3d9a79470c2cdf05ca?ysclid=ldh5k7x0fy532603823> Дата обращения 24.12.2022.
19. Сколько уехало и вернулось россиян: актуальная статистика миграции за 2022 год // <https://www.puteshestvuy.com/skolko-uehalo/?ysclid=ldh9zzwxkj492726287> Дата обращения 25.01.2023;
20. Сорокин П.А. Социальная и культурная динамика. М.: Академический проект, 2020. – 988 с.
21. Социальная справедливость в России // <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/soczialnaya-spravedlivost-v-rossii?ysclid=ldg9cd0owm474062771> Дата обращения 24.12.2022.
22. Справедливость // Новая философская энциклопедия. Т.3. М.: Мысль, 2010. С. 623-624.
23. Статистика браков и разводов по данным Росстата // <https://rosinfostat.ru/braki-razvodi/?ysclid=ldj91ymyv87933342#i> Дата обращения 22.12.2022.
24. Талей Н.Н. Чёрный лебедь. Под знаком непредсказуемости. М.: КоЛибри, 2022. – 736 с.
25. Bloomberg сообщил, что состояние богатейших россиян с начала 2022 года выросло на \$16 млрд // <https://www.gazeta.ru/business/news/2023/02/01/19631629.shtml?ysclid=ldmykh4yr978055280> Дата обращения 01.02.2023.

ОБ АВТОРЕ:

Т.Ю. Кирилина, доктор социологических наук, профессор, заведующий кафедрой гуманитарных и социальных дисциплин, Государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования Московской области «Технологический университет имени дважды Героя Советского Союза, летчика-космонавта А.А. Леонова», Королев, Россия.

ABOUT THE AUTHOR:

T.Yu. Kirilina, Doctor of Sociological Sciences, Professor, Head of Department of Humanity and Social Disciplines, State Educational Institution of Higher Education Moscow Region «Leonov Moscow Region University of Technology», Korolev, Russia.

УДК 316.4**РЕСЕНТИМЕНТ КАК ИНСТРУМЕНТ АНАЛИЗА СОЦИАЛЬНЫХ ЯВЛЕНИЙ**

Кирилина Т.Ю.

В статье анализируется феномен resentment как важный инструмент анализа социальных явлений. В самом широком смысле понятие resentment характеризует завистливую бессильную злобу низших по отношению к высшим, тягостное сознание тщетности попыток повысить свой статус.

Особое внимание автор уделяет анализу представлений о resentment Ф. Ницше, Вл. Соловьева, Н.А. Бердяева, М. Шелера, Ф. Фукуямы.

В статье делается вывод, что с конца XIX века и на протяжении всего XX века феномен resentment неоднократно выступал в качестве инструмента анализа социальных явлений. Современные демократии, не уделяя достаточного внимания идентичности разных людей и групп, постоянно вызывают у обиженных стран, народов, социальных групп этот самый resentment.

Одним из эффективных способов ослабления resentment может быть решение проблем занятости, доходов, безопасности. Практика показывает, что рассуждать о всеобщем достоинстве и уважении намного проще, чем создавать и воплощать в жизнь финансово затратные социальные программы, которые могли бы значительно сократить неравенство.

Ресентимент, теория морали Ф. Ницше, теория resentment М. Шелера, бессубъектность личности, политический resentment.

Для цитирования: Кирилина Т.Ю. Ресентимент как инструмент анализа социальных явлений // Социально-гуманитарные технологии. 2022. №4 (24). С. 12-18.

RESENTIMENT AS A TOOL ANALYSIS OF SOCIAL PHENOMENA

Kirilina T.Yu.

The article analyzes the phenomenon of resentment as an important tool for the analysis of social phenomena. In the broadest sense, the concept of resentment characterizes the envious impotent malice of the lower in relation to the higher, the painful consciousness of the futility of attempts to raise their status.

The author pays special attention to the analysis of ideas about resentment by F. Nietzsche, Vl. Solovieva, N.A. Berdyaev, M. Scheler, F. Fukuyama.

The article concludes that since the end of the 19th century and throughout the 20th century, the phenomenon of resentment has repeatedly acted as a tool for analyzing social phenomena. Modern democracies, not paying enough attention to the identity of different people and groups, constantly cause this very resentment in offended countries, peoples, social groups. One of the effective ways to reduce resentment can be to solve the problems of employment, income, security. Practice shows that it is much easier to talk about universal dignity and respect than to create and implement financially costly social programs that could significantly reduce inequality.

Resentment, F. Nietzsche's theory of morality, M. Scheler's theory of resentment, subjectlessness of personality, political resentment.

For citation: Kirilina T.Yu. Rensentiment as a tool analysis of social phenomena. *Sotsial'no-gumanitarnye tekhnologii*. 2022; 4 (24): 12-18. (In Russ.)

Феномен ресентимента часто применяется для анализа социальных явлений. Понятие «ресентимент» берет свое происхождение от французского слова *ressentiment*, что означает «негодование, злопамятность, озлобление». В самом широком смысле понятие ресентимента характеризует завистливую бессильную злобу низших по отношению к высшим, тягостное сознание тщетности попыток повысить свой статус. Ресентимент – синдром ущербной агрессивности.

Понятие ресентимента ввел в научный оборот великий немецкий философ Фридрих Ницше в работе «Генеалогия морали». В понимании Ф. Ницше, *ressentiment* (ресентимент) – это особый вид морали, которой в форме самообмана и перенесения ответственности за все свои страдания, унижения и несправедливости на кого-то другого, призван помочь рабам преодолеть презрение к своему рабскому положению и к своей собственной беспомощности. Ресентимент выступает одной из «внеморальных» причин формирования моральных норм и ценностей. Человек ресентимента, испытывая саморазрушительные переживания, не видя возможности самостоятельно что-то исправить и на что-то повлиять, формирует свою систему норм и ценностей, которая, во многом искусственно, помогает ему создавать свое ощущение счастья и осуществлять воображаемую месть.

Согласно Ф. Ницше, ресентимент возник в Европе как «комплекс негативных эмоций», как всплеск ненависти, неприязни. Появление христианства Ф. Ницше во многом связывал с переживаниями рабами ресентимента. Христианство с его всепрощением и послушанием Богу нивелирует в человеке присущий ему от рождения инстинкт свободы, выступающий основным препятствием для смирения человека со своим вынужденным рабским положением. Христианство представляет бессилие как доброту; трусливую подлость как смирение, подчинение ненавистным как послушание; трусость как терпение.

Мораль господ как мораль свободных и отвечающих на свои решения и поступки людей берет истоки в самоутверждении, в обращении к самому себе. Мораль раба, напротив, изначально обращена не к самому себе, а вон и во многом базируется на ресентименте. Ф. Ницше подчеркивал, что «...мораль рабов для своего возникновения всегда нуждается в противостоящем внешнем мире. Мораль рабов нуждается, говоря физиологическим языком, во внешних раздражениях, чтобы вообще действовать, – ее акция в корне является реакцией» [2, с.32].

Таким образом, под ресентиментом Ф. Ницше понимал переживания человека, лишённого благородства, решительности, цельности личности и ненавидящего каждого, кто обладает этими качествами. Человек с моралью ресентимента не способен на поступок и не в состоянии унижить действием того, кому он завидует и кого ненавидит.

Ницше относится с презрением к ресентиментной личности с ее нерешительностью и страхом брать на себя ответственность за свои поступки. Не находя в себе воли противостоять постоянному унижению, ресентиментная личность оправдывает свою злость и ненависть к другим в форме неприятия господствующей в обществе несправедливости. Поэтому поступки, совершаемые человеком ресентимента, уже не являются для него собственными поступками. Он становится проводником идей, чувств и действий, внешних по отношению к нему. Поэтому все его действия, направленные на причинение вреда тем, кого он ненавидит, принимают безличную форму. Человек ресентимента теряет свою субъектность, совершая аффективный поступок, вопреки своей нерешительности.

В понимании Ф. Ницше, мораль рабов, во многом это – мораль бессубъектного «Я». «Я», которое не может проявить самое себя и рождает мстительную тень. Эта «мстительная тень» и есть ресентимент, который в своем потенциале еще больше разрушителен, чем прямая агрессия.

В полемику с Ницше вступил русский христианский философ Н.А. Бердяев, подчеркивая, что суть христианской морали противоположна. Русский мыслитель полагал, что Фридрих Ницше не смог разглядеть в христианской религии её величия, из-за слабости римских христиан, перенесших большое духовное поражение. Н.А. Бердяев, в отличие от Ф. Ницше, был убежден, что христианская мораль в духовном отношении является моралью аристократов, сильных духом людей, а не моралью рабов, слабых и физически, и духовно. Русский ученый считал, что именно христианство требует от

его сторонников и последователей максимального сопротивления и героизма. Н.А. Бердяев подчеркивал, что христианство противопоставило рабской психологии обиды благородную психологию вины. Именно христианство способно вырвать из человеческой души *ressentiment*, исцелить человека от ненависти и большого самолюбия [1].

Анализ феномена ресентимента напрямую связан с представлениями о субъектности и бессубъектности человека. Субъектность – способность человека интериоризировать, усваивать социокультурный опыт, способность самовыражения, брать на себя ответственность за свои поступки. Современные трансформационные процессы непосредственно затрагивают развитие субъектности человека. Субъектность проявляется в преобладании внутренних мотивов, способности к рефлексии, самостоятельному выбору ценностей, жизненных планов.

В свою очередь, мораль ресентимента – мораль бессубъектности. Она проявляется, когда человек живет в ужасе, но не признается себе в этом, переносит свой повседневный кошмар в тень и гиперкомпенсирует его представлением о своей уникальности, особом предназначении. Если мы имеем дело с настоящим ресентиментом, то такое представление о своем особом предназначении скрывает безумную зависть, страшное озлобление, презрение к счастью, дикое желание испортить жизнь всем и прежде всего самому себе. Из-за отсутствия субъективности возникает непреодолимое желание испортить, отравить жизнь ближнему, готовность обожествлять любую силу, любить разрушение, хаос, более, чем созидание.

Примером проявления ресентимента может служить крепостной крестьянин, униженный и бесправный, пускающий «красного петуха» или поднимающий помещика на вилы. Именно в такие моменты носитель ресентимента может по-настоящему чувствовать себя живым и активно действующим. Ресентимент включает в себя все самые негативные переживания человека, такие как злоба, обида, формирующиеся в ответ на унижение, ощущение неполноценности. Гордость от удовольствия совершившегося зла как единственный способ выразить подавленный крик.

Если бы ресентимент оставался только на уровне индивидуального бессознательного, отдельного человека, то скорее всего, он не был бы опасен для общества. Но феномен ресентимента справедлив не только для отдельного человека, но и для группового сознания.

Великий русский философ Владимир Соловьев заметил это в XIX веке. В статье «Национальный вопрос в России» он вывел фундаментальную закономерность истории. Национальное самосознание – это великое дело, но, когда самосознание народа переходит в самодовольство, а самодовольство доходит до самообожания, тогда для него наступает естественный конец – национальное самоуничтожение. Соловьев не отрицал важность чувства патриотизма как чувства солидарности со своим народом. Но граница между таким естественным чувством как патриотизм и самодовольством очень зыбкая, крайне тонкая. Без полноценной рефлексии, работы мысли преодолеть эту черту крайне просто. Если элита переходит эту черту между патриотизмом и самодовольством, то дальнейшее продвижение к самообожанию и к самоуничтожению становится, по мнению В. Соловьева, практически необратимым [3]

По мнению русского мыслителя, с такой сложной задачей не смог справиться даже Достоевский, который проповедовал всечеловека и отрицал за Западом право быть христианским миром.

Соловьев убежден, что деградирующий патриотизм, превращает рассудительных, умных, серьезных людей в неузнаваемых, агрессивных маньяков. Тогда патриоты начинают провозглашать свой народ святым, богоизбранным и богоносным и становятся творцами национального самоуничтожения. Вл. Соловьев пытается ответить на вопрос: «В чем принципиальная разница между истинным патриотизмом и фальшивым национальным самообожанием?» И приходит к выводу, что патриоты хотят, чтобы их страна была как можно лучше, а вторые – считают, что их страна и так лучше всех и теперь надо её ценности насаждать в других странах. В современной истории впервые этот феномен можно было наблюдать в период наполеоновских войн. Наполеоновские войны, с одной стороны, дали Франции огромное величие, а с другой – это был один из самых разрушительных и трагических периодов во французской истории. Французская элита, начиная с 1815 года, последующие 30 лет постоянно возвращалась к этому моменту, так как возник комплекс потери сверхдержавного величия, комплекс изгнания со сверхдержавного Олимпа. У нации

возникает желание провести гиперкомпенсацию. Сделать все, что угодно, в том числе все самое разрушительное, для возвращения страны в статус мировой державы. Эта ностальгия по утраченному величию может стать настолько сильной и непреодолимой, что она просто поражает рассудок. Выходом из такого помрачения становится война во имя восстановления исторической справедливости, которая обречена на самоуничтожение.

Особое коварство этой болезни, как замечал В. Соловьев, проявляется в том, что больной не понимает, что он болен. Чтобы обнаружить эту роковую болезнь, необходим взгляд со стороны. Вл. Соловьев определяет это как сверхдержавный комплекс, подчеркивая при этом, что такое поведение не является особым свойством какого-то конкретного народа.

Формирование ресентимента в результате утраты былого величия является во многом общей закономерностью. Это справедливо и для Франции первой половины XIX века. И для Германии после 1918 года, когда прежде великая держава, будучи изгнанной из статуса мирового лидера, нисколько не сомневаясь в своей уникальности, не может примириться со второстепенной ролью в истории человечества. Германии не только не смогла отказываться от первостепенной роли, но и стала претендовать на роль исключительной нации.

Можно опять обратиться к Ф. Ницше, который отмечал, что мораль рабов возникает как противостояние внешнему миру. Униженное положение и невозможность его изменить компенсируется сверхагрессией, направленной вовне. Ницше отмечал, что человек ресентимента изобретает «злого врага», «злого» как раз в качестве основного понятия, исходя из которого, как антипод выдумывает и «доброе» – самого себя [2].

На бессознательном уровне человек ресентимента начинает бороться, по сути, со страхом жизни. Так как жизнь, с которой он сталкивается в реальности, полна рисков, вызовов, угроз, перед которыми человек ощущает свое бессилие. Вместо того, чтобы встать перед этими угрозами лицом к лицу, человек ресентимента вступает в фундаментальную схватку с миром как таковым. Это может принять форму бунта против Бога. У З. Фрейда это проявляется в эдиповом комплексе.

Выходов из такой ситуации оказывается совсем немного. Это фундаментальная проблема бегства от своей субъектности, бегства от собственной тени через внешнюю агрессию. Главным противоядием в ситуации ресентимента являются демократические институты. Но во многих странах второго мира это не помогло. В период пандемии COVID -19 во многих европейских странах произошел отказ от демократических принципов.

Идея вытесненного величия крайне опасна. И в первую очередь она опасна для самого носителя, но она крайне опасна и для окружающих его людей, к которым он может испытывать разные чувства. Ключевая проблема здесь – это проблема агрессии. Агрессия не может полностью исчезнуть из человеческого общества, но при этом она становится тем, перед чем люди начинают приклоняться. Преклонение перед агрессией это – преклонение перед силой. Этим отличался Ницше. Испытывая преклонение перед силой, он презирал мораль рабов. Но крайне важно не испытывать презрение к бессильным.

К рассматриваемому понятию проявил интерес немецкий философ и социолог М. Шелер, который отмечал, что ресентимент – сложное понятие, отличающееся от зависти, ненависти или неприязни. Особое внимание М. Шелер уделял политическому ресентименту, когда неравенство порождает злобу низшего класса к высшему.

В своей работе «Ресентимент в структуре моралей», вышедшей в свет в 1915 году, М. Шелер дает такое определение ресентимента: «...Ресентимент – это самоотравление души, имеющее вполне определенные причины и следствия. Оно представляет собой долговременную психическую установку, которая возникает вследствие систематического запрета на выражение известных душевных движений и аффектов, самих по себе нормальных и относящихся к основному содержанию человеческой природы, – запрета, порождающего склонность к определенным ценностным иллюзиям и соответствующим оценкам. В первую очередь имеются в виду такие душевные движения и аффекты, как жажда и импульс мести, ненависть, злоба, зависть, враждебность, коварство. Важнейший исходный пункт в образовании ресентимента – импульс мести [5, с.14].

Слово «ресентимент» указывает на то, что душевные переживания являются ответной реакцией, ответным импульсом мести. Импульс мести, даже очень яркий и гневный совсем не

обязательно приводит к ответному действию. Для акта мести свойственны две особенности: сдерживание ответного импульса и ожидание более подходящей ситуации для ответного действия. Подавление ответной реакции во многом связано с ощущением бессилия, характерного для слабых людей. Таким образом, по мнению М. Шеллера, именно импульс мести является самым подходящим отправным пунктом для формирования ресентимента [5, с.16].

Если не происходит необходимой разрядки, то аффекты претерпевают процесс, который можно охарактеризовать как «вытеснение». Оно возбуждает у человека ресентимента чувство бессилия, ясное сознание «немощи», связанное с отвратительным депрессивным переживанием, а также боязнь, страхом, скованностью в выражении эмоций и реализации их в действии. Очень интересно, на наш взгляд, замечание М. Шеллера о том, что «...ни одна литература так не переполнена ресентиментом, как молодая русская литература. Книги Достоевского, Гоголя, Толстого просто кишат героями, заряженными ресентиментом. Такое положение вещей — следствие многовекового угнетения народа самодержавием и невозможности, из-за отсутствия парламента и свободы печати, дать выход чувствам, возникающим под давлением авторитета» [5, с.49].

Если люди из низов верят хотя бы в иллюзорную возможность на что-то повлиять или что-то изменить, то они верят в систему. Если большие массы людей утрачивают такую веру и надежду, то зависть перерождается в ресентимент, то есть в бессильную зависть. Ресентимент очень опасное и деструктивное чувство. Оно нередко проявляется в яростном желании что-нибудь разрушить или кого-нибудь убить. Иногда даже себя.

Разрушительная энергия ресентимента может быть направлена и вовне. В современном постмодернистском обществе, с одной стороны, каждый сам выбирает себе идентичность, в отличие от эпохи модерна, когда идентичность было строго определена, с другой стороны из-за огромных потоков информации, СМИ пытается играть на чувстве ресентимента у человека, чтобы пробить информационные барьеры. СМИ пытаются развить в человека чувство неполноценности, ущербности, для формирования ненависти, злобы, желания отомстить. В советское время ресентимент активно использовали для мобилизации, для борьбы с врагами.

Ресентимент – очень разрушающее и токсичное чувство. Если человек пытается от него избавиться, он начинает его переосмысливать, рефлексировать над ним. И в итоге это чувство только обостряется, усиливается и человек становится еще более злобным, более мстительным. Необходимо дистанцироваться от информации, которая формирует в человека чувство ресентимента. Простому человеку проще уместовать себя частью какой-то незаконно униженной, как ему внушили, группы, частью какого-то целого, что Эрих Фромм называл бегством от свободы. Появляется насущная потребность присоединиться к какой-то общности людей, жить с ними одними интересами, нежели чувствовать свое личное унижение. Чувство мести к внешнему врагу придает униженному человеку смысл в его беспросветной жизни. А СМИ могут создать образ врага из любого. Человек наполняется этой ненавистью и перестает жить своей собственной жизнью. Вместо того, чтобы творить, жить полноценно жизнью, он требует реванша, мести, по отношению к внешнему врагу.

Единственным антидотом, лекарством против ресентимента, когда все им больны в разной степени, является возврат к субъектности, к ответственности. Ресентимент – это не этническое проклятье, не национальное свойство. Ресентимент дремлет в каждом из нас, пока мы не стали полноценными субъектами, участниками общественной жизни, ответственными за все хорошее и за все плохое, которое мы совершаем. Только обретя свою целостность и способность как выбирать, так и не выбирать агрессию, мы можем надеяться на преодоление бездны зла, рожденной бессилием в нашей душе.

Проблема ресентимента не утратила своей актуальности и в эпоху постмодерна. На это обратил внимание американский ученый Френсис Фукуяма. В одной из своих последних работ – книге «Идентичность: стремление к признанию и политика неприятия». В оригинальном названии книги содержится термин политика ресентимента (Policy of Resentment), – которая эксплуатирует чувство беспомощности или обиды (а не «неприятя», как нам предлагают переводчики). Ф. Фукуяма высказывает убеждение, что современные демократии, не уделяя достаточного внимания

идентичности разных людей и групп, постоянно вызывают у обиженных стран, народов, социальных групп этот самый ресентимент. Среди примеров Ф. Фукуяма привод арабскую весну, майдан, Путина, Трампа, Брекзит. Ф. Фукуяма отмечает, что вся история XX века с самого начала – сплошной ресентимент и попытки его преодолеть [4].

В частности, Ф. Фукуяма отмечает, что в современном мире широкое распространение получила политика ресентимента. Многие политические лидеры, желая объединить вокруг себя своих сторонников, муссируют групповые обиды, обостряют чувства унижения и неценности. Социальные группы, у которых сформирован комплекс ощущений, называемый ресентиментом, начинают призывать к восстановлению своего униженного достоинства. Ф. Фукуяма подчеркивает, что униженная группа, желая восстановить свое достоинство, может оказать на общество более сильное воздействие, чем любая социальная группа, просто преследующая экономические интересы.

Примером современного политического ресентимента, по мнению Ф. Фукуямы, является ситуация в современной России. «На этом играет президент России Владимир Путин, говоря о трагедии распада Советского Союза и о том, как Европа и Соединенные Штаты воспользовались слабостью России в 1990-х гг., чтобы расширить НАТО на Восток, до ее границ. Ему претит чувство морального превосходства, которое демонстрируют западные политики. Он хочет, чтобы к России относились не как к слабому региональному игроку (как некогда обронил президент Обама), а как к великой державе» [4, с.20].

Ф. Фукуяма приводит и ряд других примеров политического ресентимента в современном мире. В 2017 г. венгерский премьер Виктор Орбан заявил, что его возвращение во власть в 2010 г. ознаменовало момент, когда «мы, венгры, тоже решили, что хотим вернуть нашу страну, хотим вернуть себе самоуважение и вернуть свое будущее» [6].

Попытки США и Японии воспрепятствовать возвращению Китаю статуса великой державы Си Цзиньпин охарактеризовал как «сто лет унижения» Китая. Ф. Фукуяма отмечает, что и в демократических странах ресентимент оказался мощной силой. К проявлению ресентимента он относит возникновение в США движения «Жизни чернокожих тоже важны» («Black Lives Matter»). Многие избиратели, отдавшие свои голоса за Дональда Трампа, рассчитывали «вернуть Америке былое величие», помнили прежние лучшие времена, когда их положение в собственных сообществах было более надежным» [4, с.20]. Итог Брекзита – прямой результат коллективных усилий тех, кто обижен на лондонскую элиту.

Политика ресентимента во многом является проявлением еще одного феномена – политики идентичности. Любая группа будь то граждане России и Китая, или избиратели в США или Великобритании – считает, что обладает идентичностью, которая не получает адекватного признания – со стороны внешнего мира, когда речь идет о нации, или со стороны других членов своего общества. Такие идентичности могут быть – и остаются – невероятно разнообразными в зависимости от принадлежности к той или иной нации или государству, тем или иным религиозным убеждениям, в зависимости от этнической принадлежности, сексуальной ориентации или пола [4, с. 21, 22].

Выводы:

С конца XIX века и на протяжении всего XX века феномен ресентимента неоднократно выступал в качестве инструмента анализа социальных явлений. Появление личности ресентимента во многом стало следствием кризиса духовности, утраты отдельными людьми и целыми социальными группами своей субъектности.

Немецкий мыслитель Ф. Ницше видел в ресентименте одну из причин возникновения христианства как реакции рабов на свое бесправное и униженное положение. Русский христианский философ Н.А. Бердяев полагал, что мораль рабов основана на ресентименте слабых к сильным, благородным аристократам, на зависти и обиде, на желании получить моральную компенсацию за унижение, взять реванш. Немецкий философ и социолог М. Шелер заговорил о политическом ресентименте, когда неравенство порождает злобу низшего класса к высшему. Импульс мести М. Шелер рассматривал как важнейшую причину возникновения ресентимента. Политический ресентимент для анализа событий XXI века применил американский ученый Ф. Фукуяма. Примеров

за последние годы набралось немало: Путин, Трамп, Брекзит. Среди примеров Ф. Фукуяма привод арабскую весну, майдан, Путина, Трампа, Брекзит.

Феномен ресентимента во многом связан с проблемой бессубъектности и идентичности. Современные демократии, не уделяя достаточного внимания идентичности разных людей и групп, постоянно вызывают ресентимент у обиженных стран, народов, социальных групп. Одним из эффективных способов ослабления ресентимента может быть решение проблем занятости, доходов, безопасности. Практика показывает, что рассуждать о всеобщем достоинстве и уважении намного проще, чем создавать и воплощать в жизнь финансово затратные социальные программы, которые могли бы значительно сократить неравенство.

Литература:

1. Бердяев Н.А. О назначении человека Париж 1931 г. 123 с.
2. Ницше Ф. Генеалогия морали [Текст] / Фридрих Ницше; [пер. с нем. В. А. Вейнштока]. – Санкт-Петербург : Азбука, 2013. – 216 с.
3. Соловьев, В. С. Национальный вопрос в России : Сборник / В. С. Соловьев. – Москва : Рипол классик, 2018. – 904 с.
4. Фукуяма Ф. Идентичность: Стремление к признанию и политика неприятия. М.: Альпина Паблишер, 2019. - 256 с.
5. Шелер М. Ресентимент в структуре моралей – СПб.: Наука, Университетская книга, 1999. – 231 с.
6. Viktor Orbán, «Will Europe Belong to Europeans?» речь в Бэиле-Тушнаде, Румыния, 22 июля 2017 г. Visegrad Post, July 24, 2017, URL: <https://visegradpost.com/en/2017/07/24/full-speech-of-v-orban-will-europe-belong-to-europeans/>

ОБ АВТОРЕ:

П.С. Романов,
доктор педагогических наук, доцент, профессор
кафедры иностранных языков, Государственное
бюджетное образовательное учреждение
высшего образования Московской области
«Технологический университет имени дважды
Героя Советского Союза, летчика-космонавта
А.А. Леонова», Королев, Россия.

ABOUT THE AUTHOR:

P.S. Romanov,
Doctor of Pedagogy, associate professor, professor
of the Department of Foreign languages, State
Educational Institution of Higher Education Moscow
Region «Leonov Moscow Region University of
Technology», Korolev, Russia.

УДК 316**ТРАНСФОРМАЦИЯ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ПРОГРАММ КАНАДЫ В ОБЛАСТИ ЕСТЕСТВЕННЫХ НАУК ПОД ВЛИЯНИЕМ НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКИХ ФАКТОРОВ В XX ВЕКЕ**

Романов П.С.

Появляющиеся публикации зарубежных исследователей по теме высшего образования в североамериканских государствах во многом касаются перестройки учебно-методических программ в области естественных наук. Эта проблема не нова и своими корнями уходит в исторический период после окончания Второй мировой войны и во многом – в конце пятидесятых годов. Запуск Советским Союзом в 1957 году первого искусственного спутника Земли явился для стран атлантического блока настоящим шоком, после которого и возникает вопрос о том, чтобы догнать Советский Союз в области высшего образования.

Канада, высшее образование, учебные программы.

Для цитирования: Романов П.С. Трансформация образовательных программ Канады в области естественных наук под влиянием научно-технических факторов в XX веке // Социально-гуманитарные технологии. 2022. №4 (24). С. 19-24.

TRANSFORMATION OF CANADA'S EDUCATIONAL PROGRAMS IN THE FIELD OF NATURAL SCIENCES UNDER THE INFLUENCE OF EXTERNAL SCIENTIFIC AND TECHNOLOGICAL FACTORS IN THE 20TH CENTURY

Romanov P.S.

The emerging publications of foreign researchers on the topic of higher education in North American states are largely related to the restructuring of educational and methodological programs in the field of natural sciences. This problem is not new and has its roots in the historical period after the end of World War II and in many respects in the late fifties. The launch by the Soviet Union in 1957 of the first artificial satellite of the Earth was a real shock for the countries of the Atlantic bloc, after which the question arises of catching up with the Soviet Union in the field of higher education.

Canada, higher education, science education.

For citation: Romanov P.S. Transformation of Canada's educational programs in the field of natural sciences under the influence of external scientific and technological factors in the 20th century. *Sotsial'no-gumanitarnye tekhnologii*. 2022; 4 (24): 19-24. (In Russ.)

Последние шестьдесят лет развития системы высшего образования Канады тесно связаны с подобной системой Соединенных Штатов, основными положениями которой выступают:

- документ, содержащий основные побудительные мотивы реформы учебно-методических программ в Канаде;

- принципиальные теоретические положения, цели и задачи обучения естественным¹ наукам;
- создание и развитие учебно-методических программ в соответствии с законодательствами местных штатов.

Зарубежные исследователи придерживаются мнения о том, что канадские учебные заведения, студенты и учащиеся не располагают возможностью обучения исключительно по программам, составленным с учетом национальных особенностей канадского общества. Вместе с тем, не все канадские ученые разделяют эту точку зрения. Например, почетный профессор университета штата Саскачеван доктор Glen Aikenhead утверждает, что старый 1984 года Совет по образованию практически не поддерживает связи с образовательными стандартами США за исключением финансовых дисциплин в области бухгалтерского учета. [3, p.3] И все же трудно не заметить преобладающего влияния образовательных стандартов США на канадскую систему высшего образования, особенно отчетливо проявляющуюся в послевоенный период (имеется в виду вторая мировая война). Влияние это направлено по самым различным аспектам, в том числе в педагогической практике, по содержанию учебных дисциплин, по организационным структурным элементам, по изучаемым предметам. Агентами педагогического влияния со стороны Соединенных Штатов выступают как правительственные, так и общественные организации, в том числе национальный научно-исследовательский совет, Ассоциация инновационных внедрений США, Национальная ассоциация преподавателей дисциплин естественно-научного цикла. Все перечисленные организации в период с 50-х годов прошлого века вплоть до 2000 года оказывали непосредственное сильное влияние на формирование учебно-методических программ высшего образования Канады в области естественных наук. Более того, именно эти организации помимо чисто научного влияния оказали открытое политическое воздействие на те периоды застоя в процессы формирования и реализации учебных программ по естественным наукам в целом по Северной Америки. Такое непосредственное воздействие системы образования соседнего государства не свидетельствует о безграничной зависимости одной педагогической системы от другой и как следствие о негативном характере и негативных последствиях такого влияния на образовательную систему Канады. Оценки многих независимых организаций, связанных с педагогической деятельностью (например, Международная программа оценки системы образования), свидетельствуют об устойчивом состоянии образовательной системы Канады.

Многие исследователи проблем эффективности образования Канады единодушны в оценке деятельности такой организации как Научный Совет Канады, работавшим все эти годы с момента опубликования в 1984 году программного документа в области естественных наук под название «Наука для каждого студента- образованные канадцы для будущего общества». В конце двадцатого столетия (1997 год) вышел в свет другой основополагающий документ Министерства образования Канады «Общие основы программ в области естественных наук системы среднего образования Канады», оказавший несомненное сильное влияние на организующую роль этих образовательных стандартов и в конечном итоге на эффективность их внедрения. Вместе с тем этот документ еще не стал решающим фактором в преодолении барьеров и разночтений в образовательных практиках и учебных программах отдельных провинций страны.

Среди последних работ канадских социологов, посвященных теме высшего образования, в том числе программам в области естественных наук можно отметить диссертационное исследование J.J. Murrau из педагогического факультета университета Манитобы². Методологией исследования стал асинхронный и анонимный метод Делфи, проведенный в сообществе теоретиков и практиков педагогической деятельности страны. Принципиальной целью данного исследования по-новому осмыслить тот успешный опыт внедрения инновационных учебно-методических программ в области естественных наук в высшем образовании Канады, оценить научный подход педагогического

¹ физика, химия, биология, астрономия, география, геология, экология, геофизика, астрофизика, биофизика, биохимия, физическая химия, химическая физика, геохимия, метеорология, климатология, почвоведение, агрохимия, химическая технология, горная наука.

² Университет Манитобы (U of M) — государственное некоммерческое учебное заведение. U of M располагается в городе Виннипег, Канада. U of M ведет совместную деятельность с Association of Universities and Colleges of Canada (AUCC), Association of Commonwealth Universities (ACU), Canadian Virtual University (CVU). Вуз находится в топ-700 лучших университетов мира, по версии международного рейтинга QS. Вуз входит в число самых лучших в искусстве и гуманитарных науках, инженерии и технологиях, медико-биологических науках, естественных науках, социальных науках и менеджменте, что подтверждается рейтингом QS. Рейтинг Times Higher Education высоко оценивает университет и ставит его на 22 позицию среди вузов с самой развитой исследовательской деятельностью.

сообщества в решении проблем высшего образования, рассчитанный на период до 2030 года. Выбор временного интервала обусловлен тем, что поколение юных канадцев 2014 года рождения к установленному сроку получат среднее образование и в 2030 году перед ними станет проблема получения высшего образования, в том числе по физико-математическим и техническим наукам. Содержание данного диссертационного исследования охватывает определенный круг вопросов, характерный для западноевропейских исследователей, в том числе историю вопроса и предпосылки исследования, формулировку проблемы и сопутствующие научные вопросы, значимость исследования, гипотезы автора исследования, граничные условия проводимого исследования, определения ключевых терминов, ожидаемый вклад результатов исследования в существующую теорию вопроса или точки прироста знания, краткое описание глав диссертации и ее структура, обзор существующей литературы, инструментарий исследования, содержащий ряд элементов метода Делфи, методы сбора и обработки первичной информации в полевых условиях, тщательный и всесторонний анализ в рамках трех циклов метода Делфи в отобранном контингенте опрашиваемых, подведение итогов, выводы и намечаемые пути реализации полученных результатов исследования в дальнейших научных разработках данной темы.

Создавая своеобразное резюме предыстории данной проблемы, следует отметить, что в зарубежном педагогическом сообществе в последнее десятилетие получила известность научная теория упрочения взаимосвязей педагогической практики в области естественных наук и законодательной базой местных административных территорий. Основные положения этой теории представлены в работах австралийского ученого из университета штата Квинсленд Peter Fensham в 2009 году. Им выдвинуто предположение, что в случае отсутствия твердого и ясного понимания политической подоплеки вопроса, которая порождает проблемы образовательной стратегии в государстве, то по крайней мере в трех аспектах будут сохраняться постоянно возникающие проблемы, а именно: в разработке новых учебных программ, в сохранении строго научной основы выбранной науки в новых учебных программах, обобщение полученных в ходе проведенных исследований результатов и чрезмерное внимание к этим обобщениям со стороны научного сообщества, игнорируя при этом особенности той или иной дисциплины или научной школы.[1, р.1080]. Объединение нескольких компонентов в единый процесс рассмотрения, а именно политика учебных программ, результаты практической работы со студентами в аудиторной деятельности, обучение студентов основам научно-исследовательской работы-способствует решению как минимум двух аспектов. Один из этих аспектов-оценочный критерии для учебных программ, второй-сосредоточение на политике создания учебно-методических программ и их дальнейшей реализации.

Автор указанной работы [2] в качестве исследуемого периода в истории преподавания естественных наук в Канаде выбрал точку отсчета начиная после окончания второй мировой войны. Целесообразность выбора вполне понятна и имеет логическое обоснование, поскольку именно в этот исторический период происходит бурный расцвет таких научных и учебных дисциплин в мировой науке и технике, как атомная энергетика, радиолокация, компьютерная техника и роботизация, радиосвязь, распространение СВЧ колебаний, освоение космического пространства. Создание и внедрение соответствующей аппаратуры требует широкомасштабных производств, обеспеченных квалифицированными научными и инженерными кадрами. Такое допущение позволит рассмотреть пути развития учебных программ в области естественных наук Канады, оказавших несомненное позитивное воздействие на эффективность высшего образования Канады в области естественных наук. Почему именно период после окончания второй мировой войны рассматривается как приоритетный период исследования. а день окончания рассматривается как своеобразная точка отсчета в исследованиях образовательных программ системы высшего образования Канады? Дело в том, что многие североамериканские исследователи придерживаются мнения об отсутствии четкой системы планирования, разработки и внедрения образовательных программ в области естественных наук в Канаде в довоенный период. Более того, в программах среднего образования известного системой K-12 не прослеживается уровень высокого качества программ, что в конечном итоге приводило к определенному разрыву в уровнях знания выпускников средних образовательных заведений и студентов университетов и колледжей страны. По сути дела, это был запланированный разрыв в уровнях знаний учащейся молодежи. В период после окончания Второй мировой войны и

период начавшейся холодной войны со странами социалистического лагеря приводят к резкому росту технологий передовых отраслей науки и техники. Де-факто происходит формирование первого этапа современного научно-технического прогресса, связанный с появлением высоких технологий, предтечи цифровой эры. С изменением развития науки и техники неизбежно наступает пора качественных перемен в технологиях обучения, тем более в области высшего образования, тесным образом связанного с передовым производством. Современные канадские исследователи истории высшего образования считают, что наиболее полно и качественно обоснование необходимости срочной реорганизации системы высшего образования страны, качественного изменения содержания учебных программ было приведено в монографии George S. Tomkins [5]. Монография рассматривается современными исследователями проблемы как канонический труд в области в учебно-методическом наполнения образовательных программ в области высшего образования Канады. Определенное влияние на формирование этого труда оказало такое знаменательное событие мирового масштаба как запуск первого искусственного спутника бывшим Советским Союзом. Это событие, безусловно, произвело колоссальное впечатление на весь западный мир, независимо от тех или иных идеологических оценок, которыми изобиливали многочисленные публикации того времени. Многие из них касались и вопросов реорганизации системы высшего образования западного мира как необходимого условия конкуренции с Советским Союзом на поприще научно-технического прогресса. Повсеместное мнение специалистов в области высшего образования Северной Америки заключается в признании этого момента как поворотного в стремлении реорганизовать всю систему высшего образования, в том числе пересмотреть все учебно-методические программы университетов и колледжей в области естественных наук и, в первую очередь дисциплин, связанных с физикой, математикой, инженерными науками. Естественно, дисциплины общественного цикла ими при этом не рассматривались. Что же характеризовало развитие системы североамериканского образования в пост-спутниковый период? Один из западных исследователей этой темы Kaiser пишет, что американские физики приняли непосредственное участие в анализе развития и особенностей советской системы образования, в том числе возможностей этой системы готовить массовое количество инженеров и техников, а также степень владения английским языком для передачи научно-технической информации в каналах научной коммуникации того периода (то есть в основном журнальные статьи и научно-практические конференции). Также Kaiser делает вывод о том, что в определенной степени при этом североамериканские физики испытывали если не чувство страха, то чувство испуга после того как³ были поставлены перед фактом колоссального успеха советской науки в 1957 году. У них возникло стойкое убеждение в том, что вся система советского научно-инженерного образования того времени была подчинена задаче создания военно-технократического государства [2]. Отчасти слова этого исследователя подтверждает значительное число публикаций североамериканских исследователей на эту тему. Здесь следует отметить такие публикации как Alexander Korol (1957 год), De Witt (1954, 1955, 1961 гг). Особый импульс в перестройке высшего образования в области естественных наук в Северной Америке придала информация об успехах советской науки в области ядерной физики и ракетостроения, то есть когда в Советском Союзе появилась реальная возможность укрепить свою оборону на фоне растущих угроз со стороны НАТО разработкой ядерного оружия и способов его доставки. Таким образом, можно говорить о громадной роли первого спутника Земли, запущенного Советским Союзом, в перестройке всей системы высшего образования США и Канады, особенно в отношении содержания программ, касавшихся области естественных наук. Следует также отметить, что существовал огромный ряд факторов, определявших состояние и эффективность учебных программ в области естественных наук, которые лежали вне сферы научной деятельности. Отдельные исследователи считают таковым создание в период работы президентом США Эйзенхауэра Экспертного совета по науке при президенте США (PSAC) в 1960 году. Этот Совет помимо консультативной и экспертной роли в администрации американского президента был призван послужить мощным подспорьем в работе научного национального фонда США, а также послужить определенным фактором сдерживания инициатив и начинаний демократической партии США в период президентства Джона Кеннеди. Таковы были последствия полета первого спутника земли в различных аспектах западного общества, причем принятые меры по

восполнению недостатков в области преподавания естественных наук порой носили совершенно неожиданный характер и принимали незапланированные формы. Острая нужда североамериканских государств в научных и инженерных кадрах высокой квалификации вызвала в период после 1957 года к жизни концепцию, которая противоречила взглядам западноевропейских и многих американских социологов о необходимости в целях обеспечения высокого уровня высшей школы ограничить наплыв в нее большого числа студентов. Эта концепция состояла в том, что в условиях возросшей роли научно-инженерных кадров высокой квалификации необходимо прежде всего обеспечить более полное выявление имеющихся в стране талантов [4].

В наши дни не существует единообразия во взглядах ученых относительно определения категории «информация». Эти взгляды можно условно разделить на три основные группы: первая – которая рассматривает информацию исключительно как принадлежащую некоему документу (письму, телеграмме, докладу). Ярким выразителем этой точки зрения является создатель математической теории информации С.Е. Shannon. Вторая группа – информация рассматривается здесь в более широком контексте – в сочетании с познанием. Информация есть то, что влияет на мышление человека. В случае информационной услуги информация передается от библиотеки пользователю в форме текста, документа, некоей записи, то есть в форме того, что может быть понято пользователем после прочтения. Выразителем этой концепции выступает американский исследователь J. Tague-Sutcliffe, который считает, что информация – это неосязаемый актив, который зависит от формирования понятий и понимания человеческого бытия. Записи содержат слова или изображения – неосязаемые активы в абсолютном значении, но в относительном применительно к пользователю данной информации. Информация связана с взаимодействием читателя и текста, пользователя и записи. Третья группа – самое широкое толкование концепции «информация». Считается, что информация связана не только с познавательными структурами, но и с мотивацией и целенаправленностью. Поэтому информация связана с самым широким социальным контекстом, такими как культура, работа, с текущими проблемами. Таким образом, при исследовании вопроса стоимости информации и информационной услуги нельзя рассматривать текст сообщения или документа изолированно, следует рассматривать информацию в ее когнитивном и контекстуальном значениях. В работах зарубежных исследователей часто употребляются совместно термины информация и информационная услуга, но достаточно редко приводится объяснение, в чем же разница и сходство этих терминов. Взаимосвязь между информацией и информационной услугой очень сложная, поэтому сложный характер носит и взаимосвязь между стоимостью информации и стоимостью информационной услуги. Информационная услуга – это механизм или организация процесса передачи информации (о состоянии окружающего мира или общественного знания) пользователю. В тех случаях, когда пользователь использует информацию для принятия решения, то можно рассматривать его как лицо, принимающее решение.

Когда механизм передачи информации срабатывает и доставляет информацию пользователю, то можно считать, что информационная услуга завершена успешно. Но при этом пользователь еще не осуществил свою познавательную деятельность (т.е. видоизменяя оценку окружающего мира или получая приращение для себя нового знания) и еще не завершил какое-то применение полученной информации, основанное на познавательной деятельности. В случае, когда пользователь принимает некое решение, то это применение являет собой наилучшее решение из набора вариантов, обладающее ожидаемой наилучшей стоимостью. Для различения стоимости информации и стоимости информационной услуги разработаны специальные модели, при помощи которых исследователи могут разделить информацию и информационную услугу. Рассмотрим в качестве примера модель Saracevic и Kantor.

В основе этой модели лежит первоначальное предположение о том, что пользователи информационной услуги по роду своей деятельности нуждаются в поиске некоей информации и таком образом нуждаются еще и в получении информационной услуги. Таким образом, их взгляды на сущность информации принадлежат из числа упомянутых – третьей группе определений с широким значением этого термина, в которой отражены не только познавательный и интерактивный аспекты информации, но и целенаправленность или феноменологичность. Они предлагают модель «получение-распознавание-применение информации». Модель включает в себя три стадии действий

или три фазы одного цикла, связанные с информацией, получаемой в ходе одной информационной услуги:

- получение: процесс получения информации или объекта, который потенциально может передать информацию в нужный для пользователя момент;
- распознавание: процесс приема, понимания, интегрирования информации;
- применение: процесс использования вновь принятой, понятой и распознанной информации.

Безусловно, между использованием информационной услуги и использованием информации есть и сходство, и различие. К сожалению, пока не удалось установить в работах зарубежных исследователей, в чем же они видят сходство и различие этих двух категорий. Это различие, по мнению зарубежных исследователей, проявляется при измерении информации и требует для рассмотрения этих категорий совершенно разные подходы-модели. Каждая из моделей при оценке стоимости посредством своих элементов выражает какую-то характеристику. Модель Saracevic-Kantor позволяет рассматривать определенные характеристики стоимости информации. Перечисленные выше стадии процесса получения информации могут происходить незамедлительно одна за другой, либо через короткие промежутки времени. В целях решения какой-то задачи стадия или цикл, как правило, может повторяться несколько раз, пользователь может неоднократно воспользоваться информационной услугой.

Литература:

1. Fensham, P. J. The link between policy and practice in science education: The role of research//Science Education, 2009. – 93. – P. 1076 – 1095.
2. Kaiser, D. The physics of spin: Sputnik politics and American physicists in the 1950s. Social Research, - 2006. -73(4) - P.1225-1252.
3. Murray J.J. The logic of consensus on the foundation of science education in Canada: a Delphy study, PhD, Faculty of Education University of Manitoba, Winnipeg. – 2014. – 414 p.
4. New Technology and Human Values. Belmont, -1966. – P.63-100.
5. Tomkins, G.S. A common countenance: Stability and change in the Canadian curriculum. Scarborough, ON: Prentice-Hall Canada. -1986, 2008.

5.4.7 СОЦИОЛОГИЯ УПРАВЛЕНИЯ

ОБ АВТОРЕ:

А.М. Киритив, аспирант первого года обучения {Социологические науки}, кафедра социальных и гуманитарных дисциплин, Государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования Московской области «Технологический университет имени дважды Героя Советского Союза, летчика-космонавта А.А. Леонова», Королев, Россия.

ABOUT THE AUTHOR:

A. M. Kiritiv, 1st year post-graduate student {Sociology}, Department of Humanity and Social Disciplines, State Educational Institution of Higher Education Moscow Region «Leonov Moscow Region University of Technology», Korolev, Russia.

УДК 316

СИСТЕМА УПРАВЛЕНИЯ МОЛОДЕЖНОЙ ПОЛИТИКОЙ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Киритив А.М.

В статье анализируется система управления молодежной политикой в Российской Федерации. Особое внимание уделено изучению основных этапов становления молодежной политики как государственной сферы.

Процесс реализации молодежной политики в России определяется как неотъемлемая часть социального и государственного регулирования, а также как необходимое условие экономического развития страны. Большое внимание уделяется проблемам, препятствующим своевременному совершенствованию системы управления молодежной политикой.

Молодежная политика в современной России – одно из наиболее приоритетных направлений деятельности государства. На сегодняшний день реализуется большое количество проектов и программ, которые охватывают не только центральные районы России, но и все регионы. Молодежь – очень важная часть российского общества, полная энергии и новых идей, поэтому государству важно направить активность молодежи в правильное русло, что, в свою очередь, позволит осуществить большое количество инноваций во всех сферах жизни общества.

Молодежная политика, механизм реализации, система управления.

Для цитирования: Киритив А.М. Система управления молодежной политикой в современной России // Социально-гуманитарные технологии. 2022. №4 (24). С. 25-31.

YOUTH POLICY MANAGEMENT SYSTEM IN MODERN RUSSIA

Kiritiv A. M.

The article analyzes the system of youth policy management in the Russian Federation. Particular attention is paid to the study of the main stages in the formation of youth policy as a state sphere.

The process of implementing youth policy in Russia is defined as an integral part of social and state regulation, as well as a necessary condition for the country's economic development. Much attention is paid to the problems that impede the timely improvement of the youth policy management system.

Youth policy in modern Russia is one of the most priority areas of government activity. To date, a large number of projects and programs are being implemented that cover not only the central regions of Russia, but also all regions. Youth is a very important part of Russian society, full of energy and new ideas, so it is important for the state to direct youth activity in the right direction, which, in turn, will allow for a large number of innovations in all areas of society.

Youth policy, implementation mechanism, management system.

For citation: Kiritiv A. M. Youth policy management system in modern Russia. *Sotsial'no-gumanitarnye tekhnologii*. 2022; 4 (24): 25-31. (In Russ.)

История становления молодежной политики в Российской Федерации начинается с конца восьмидесятых – начала девяностых годов XX века, когда в государстве происходили большие изменения в социальной сфере. Началом формирования молодежной политики в России принято считать проект закона о молодежной политике, принятом в СССР в 1991 году [2].

В истории становления молодежной политики как государственной сферы, исследователи выделяют три этапа: первый этап с 1990 по 1995 гг., второй этап с 1995 по 2000 гг., третий этап с 2000 года по настоящее время.

Первым этапом считается развитие институтов управления молодежной политики, а также формирование нормативно-правовых основ управления молодежной политикой. Данный этап пришелся на 1990-1995 года. В этот период были приняты нормативные акты – указы Президента РФ, законы, которые запустили процесс формирования молодежной политики как сферы государственного устройства. Важным событием на этом этапе стало принятие в 1992 году Закона Об общих началах государственной молодежной политики». Именно в этом нормативном акте было дано первое официальное определение молодежной политики. Так, молодежная политика определялась как вид деятельности государственной политики, цель которой – создать социальные, экономические, организационные и правовые условия для становления молодежи в обществе, а также для более четкой и грамотной самореализации молодежи в рамках интересов всех граждан [2]. В нормативных актах были определены одинаковые права и нормы для каждой молодежной организации и даже для каждого молодежного движения. Кроме этого, там определяли возможность участия молодежных организаций и молодежных движений в формировании и развитии государственной молодежной политики. Кроме этого, на данном этапе были определены правила формирования организаций, занимающихся молодежной политикой, которые являлись государственными и также была создана государственная служба, в обязанности которой входило управление молодежной политикой. Также, создали и некоторые социальные государственные органы, которые также были причастны к формированию молодежной политики в государстве. Так были сформированы нормативно-правовые основы регулирования молодежной политики, а сама молодежная политика стала официальной государственной структурой. Еще одним стимулом для формирования молодежной политики стала акция, проведенная молодежью в 1992. Суть акции заключалась в привлечении государства к проблемам молодежи, к ее запросам. Это натолкнуло органы власти на идею об организации встречи Президента с молодыми активистами в рамках открытой диалог-сессии. Именно после этой встречи был издан Указ Президента РФ от 16 сентября 1992 г. № 1075 «О первоочередных мерах в области государственной молодежной политики» [6], определяющий молодежную политику как одно из важнейших направлений социальной и экономической сферы страны. После издания данного Указа для еще более полного раскрытия обязанностей относительно молодежной политики со стороны государства, было вынесено Постановление, которое определяло, что необходимо создать в структуре федеральных органов комитет, деятельность которого будет направлена на работу с молодежью.

В 1993 году было издано Постановление, которое определяло молодежную политику как деятельность государства. Цель данной деятельности заключалась в развитии объединений и инициатив молодых активных граждан. В Постановлении также отмечалось, что, молодежная политика направлена на формирование необходимых условий в правовой, социальной и экономической сферах. Также были вынесены рекомендации от основных управляющих государственных органов, которые предполагали создание всеми государственным органам нормативно-правовых актов, позволяющих расширять возможности молодежи, а также получать организационную и денежную поддержку от государства. То есть, к 1993 году в стране органами верховной власти было закреплена молодежная политика как официальная структура государственной власти, а также были разработаны необходимые меры, предусматривающие контроль и поддержку молодежной политики со стороны государства. Кроме этого, были разработаны основные цели, задачи и направления молодежной политики. Также, принятые правила и нормы предусматривали данные направления по всем регионам страны, не зависимо от масштабов субъекта. Все нормативные акты действовали по территории всей страны. В структуре власти молодежная политика заняла свое место в ветке исполнительной власти.

В управлении молодежной политикой в постсоветский период в основном применялся программно-целевой подход. В 1994 году Президент РФ издал Указ, в рамках которого была разработана программа, содержащая в себе ряд мероприятий, относящихся ко всем основным направлениям молодежной политики [5]. Что же касается системы управления молодежной политикой в масштабах всей страны, то на первом этапе основные нормативно-правовые нормы вводились и реализовывались на уровне национальных республик. Это было обусловлено тем, что нормативно-правовые нормы были под особым контролем центральной власти после многочисленных споров относительно нормативно-правовых основ каждого субъекта. Конечно, внедрение молодежной политики в структуру власти вызывало большие споры и противоречия, так как по новым правилам это требовало большие финансовые затраты. Также, это было связано и с тем, что в тот период предстоящие выборы Президента и выборы депутатов Государственной Думы также требовали значительного финансирования. Поэтому в органах власти вселить споры относительно важности финансирования молодежной политики. Однако, несмотря на несогласие многих государственных деятелей, было определено, что молодежная политика должна быть приоритете у всех органов власти. Так, все нормативно-правовые акты, в особенности социального характера, определяли, что государство активно развивает молодежную политику, не оставляет без внимания молодежные инициативы, а также стремится всячески помочь молодежи полноценно участвовать в жизни своей страны. Государственные органы осознали, что молодежь как социальная группа обладает большим запасом идей и энергии. Крайне важно направить энергию молодежи в нужное русло. Это будет очень полезно для государства. Если и молодежь, и государство будут двигаться в одном направлении, решать одни задачи, совершенствовать одни сферы деятельности и разбираться с одними проблемами – это внесет большой вклад в работу государства и ускорит его развитие.

Следующий этап становления молодежной политики – ее развитие на региональном уровне. Он приходится на конец 1990-х до 2000-го года. Данный этап принято считать региональным, потому что именно в это время начинают формироваться молодежные организации регионального уровня. В региональных органах власти начинают разрабатываться собственные направления развития, нормативные акты и правила. Также, на данном этапе появляется тенденция участия в молодежной политике, признанных богатыми в обществе, физических лиц. Бизнесмены начинают создавать программы и фонды, инвестировать в сферу молодежной политики.

В конце XX века в связи со сложной экономической ситуацией в стране и затянувшимся кризисом, развитие молодежной политики в стране приостановилось. Новый избранный глава государства не был так заинтересован в формировании активной молодежной политики, отдавая приоритет иным направлениям, в первую очередь, внутренней политике. На закон о государственном регулировании молодежной политики было наложено президентское вето. Однако, несмотря на замедление развития молодежной политики на федеральном уровне, молодежная политика активно развивалась в регионах. Так, к концу 1990-х в тридцати пяти регионах страны были приняты нормативно-правовые акты, посвященные молодежной политике, а в двадцати одном регионе – о поддержке со стороны государства молодежных организаций. Интерес к молодежи со стороны региональных органов государственной власти был связан с формированием региональных государственных органов как официальных институтов власти, формированием региональных бюджетов. У региональных органов власти появилась возможность самим определять приоритетные направления развития, определять возможные сферы для инвестирования. Конечно, делалось это под контролем центральных органов власти, однако, по сравнению с советским передом регионы стали более самостоятельными и независимыми. К тому же, к концу 1990-х годов социальная сфера политики стала все меньше контролироваться государством, что позволило региональным властям проводить ее более самостоятельно. Все это позволило региональным властям разработать и принять основные правила развития молодежной политики и проводить необходимые мероприятия.

Началом третьего этапа формирования молодежной политики принято считать 2000 год. Этот этап, продолжающийся по настоящее время, является самым продолжительным и наполненным. На данном этапе инициатива развития молодежной политики вновь переходит с регионального уровня на более высокий – федеральный. У центральной власти вновь появляется заинтересованность в развитии и совершенствовании данной сферы политической жизни. Также на данном этапе такой

поворот связан и с тем, что федеральные и региональные органы власти становятся более централизованными. Они начинают ставить более схожие цели и работать в одних направлениях. Связано это и с тем, что в начале третьего тысячелетия создаются новые федеральные органы власти, в них вводятся определенные должностные лица, которые регулируют субъекты своего федерального округа. Наряду с этим, отменяются прямые выборы губернаторов, расширяются территории регионов, а также, вводится ужесточение наказаний за нарушения основных норм и принципов реализации исполнительной и законодательной власти в регионах, определяемых Федеральными Законами.

С начала 2000-х гг. усиливается Президентская структура власти, развиваются демократические институты. Это во многом и объясняет возрастание интереса к молодежной политике со стороны федеральных органов власти, резко расширивших свои полномочия.

Однако, даже при активной работе региональных органов власти в конце XX-го века, несмотря на активное внедрение нормативно-правовых актов, среди молодых людей нарастало недовольство уровнем жизни. Помощь государства казалась им недостаточной. Также, молодежь считала, что все её усилия и старания по развитию государства и помощи выхода из сложной экономической ситуации остаются незамеченными и недооцененными. Учитывая сложившуюся ситуацию, государственные органы, начиная с 2000-х гг., вновь стали активно разрабатывать законодательные акты, касающиеся регулирования молодежной политик. Так, была выпущена новая Федеральная программа, направленная на развитие молодежной политики на период с 2001 по 2005 год [1, с. 32]. Цели и задачи данной программы были направлены на организацию свободного времени молодежи, их досуга, укрепление здоровья и популяризацию здорового образа жизни, профилактики наркозависимости и укрепление патриотизма среди молодых людей. Конечно, нельзя было не затронуть и тему работы и профориентации молодежи, а также доступности образования и укрепление тенденции на получение образования.

Как отмечалось ранее, основные функции по развитию и формированию стратегии молодежной политики лежат на социальных органах, однако, на федеративном уровне ей занимаются все ветви власти, все государственные органы. Так, почти каждый федеральный орган в некоторой мере воздействует на решение проблем молодежной политики. Основные их задачи в данном вопросе – реализация основных государственных программ, а также разработка в своих органах власти специальных разделов, посвященных молодежной политике. Все вопросы, которые касаются молодежи, а это – здравоохранение, занятость, образование, социальная помощь – охватывают большое количество органов государственной власти, каждый из которых отвечает за свои обязанности.

В связи с такой сложной структурой, правительством страны было принято решение о создании органа власти, который будет координировать работу всех остальных органов власти именно по вопросам молодежной политики. Так, в 2000 году была создана комиссия по делам молодежи. А в 2001 году были созданы межведомственные комиссии по работе с молодежью, которые занимались рассмотрением предложений по решению экономических, социальных и иных вопросов. Также в 2001 году была разработана правительственная программа, посвященная патриотическому воспитанию. Ее задачи были создание и проведение определенного ряда мероприятий, конкурсов, проектов по патриотическому воспитанию молодых людей.

В связи с тем, что молодежная политика довольно широкое и масштабное направление, его необходимо было унифицировать на центральном федеральном уровне. С этой целью правительство разработало единую Концепцию государственной молодежной политики [3]. Нужна она была и для того, чтобы и регионы и федеральный уровень выстраивали одинаковую стратегию развития и использовали одинаковые подходы к ее реализации.

Так как молодежная политика в стране направлена решение широко спектра вопросов, касающихся и сферы образования, и медицины, и занятости, и досуга, и жилья, то для разрешения всех проблем требуется объединение усилий всех государственных органов, как и на региональном, так и на федеральном уровнях, а также, постоянное финансирование. Работа, направленная на решение проблем молодежной политики должна превратиться в постоянно развивающуюся систему, отходить от норм работы которой, не должен ни один государственный орган. Так, в рамках

программы государственного развития молодежной политики было определено финансирование в размере двух рублей на каждого молодого человека в год. Данный фактор изменил подход в работе молодежной политики. В новой Стратегии развития молодежной политики, опубликованной в 2006 году, молодежь определяется как равноправный участник реализации молодежной политики, а также отмечается большая роль молодежи в вопросах политической деятельности.

На сегодняшний день молодежная политика определяется как важнейшая, неотделимая часть социально-экономического развития страны, созданная и реализуемая государственным органом власти федерального и регионального значения. Основное направление молодежной политики на сегодняшний день – подготовка необходимых кадров для всех социальных сфер, а также подготовка лидеров в политической, экономической сферах. Молодежная политика направлена на поддержку молодежных инициатив, формирование общественных активистов. Перед тем, как была принята Стратегия по развитию молодежной политики, была проделана немалая работа, исследованы и изучены основные проблемы молодежи, проанализированы все сферы молодежной политики.

Основной нормативно-правовой акт по формированию молодежной политики в современной России – Стратегия государственной молодежной политики в Российской Федерации [4]. Именно Стратегия определяет основные подходы и нормы реализации молодежной политики в нашей стране. Также Стратегия является основным механизмом финансирования данной сферы, что говорит о том, что на государственном уровне принят проектный подход реализации молодежной политики. Данный подход подразумевает под собой создание системы молодежных проектов, которые будут разработаны молодежью, а реализовываться будут государством. Также, данные проекты будут иметь возможность финансирования и поддержки от государства. Это помогает сблизить государство и молодежь, вовлечь молодых людей в экономическую и политическую деятельность, а также, помогает повысить статус органов власти у молодых людей. Применение именно проектного подхода по реализации молодежной политики дает возможность с большим эффектом реализовывать мероприятия и получать поддержку молодежи. Конечно же, основным и самым полезным в проектом подходе является возможность получения от государства финансирования на реализацию своих проектов. Такая система называется грантовой. Получить финансирование от государства имеет право каждый молодой человек, создавший свой собственный проект и прошедший конкурс. С каждым годом популярность грантовых проектов растет. Переход от программно-целевого подхода к проектному вслед за федеральным уровнем, произошел и на региональном уровне. Грантовые проекты с каждым годом все становятся для молодежи все большим стимулом для повышения активности в сфере политики.

Выводы. Исходя из анализа основ формирования системы управления молодежной политики в России, было сделано несколько выводов. На протяжении всей истории становления молодежной политики в России этот процесс носил характер маятника. Так, задачи развития молодежной политики сначала активно внедрялись и совершенствовались на федеральном уровне. После они перешли на региональный уровень и ушли на второй план. В начале 2000 г. они снова оказались в центре внимания государственных органов федерального уровня. Однако, на протяжении всего времени последнее слово всегда оставалось за органами федеральной власти. Именно постановления федеральных органов власти определяли основные подходы к реализации молодежной политики, устанавливали основную цель и задачи реализации молодежной политики и определение данного термина. На втором этапе формирования молодежной политики в России работа региональных органов власти направлялась на своего рода компенсацию недостаточного внимания к проблемам молодых людей на высшем уровне. Именно благодаря такой активной работе региональных органов власти в конце 1990-х годов появилось известное на сегодняшний день понятие регионального законодательства по молодежной политике, которое включало в себя:

1. Закон о государственной молодежной политике. На сегодняшний день некоторые его нормативные акты действуют в семидесяти трех субъектах Российской Федерации;
2. Закон о государственной поддержке детских и молодежных организаций. Именно этот Закон дал начало определению общественных молодежных организаций и их видов. Также, данный Закон способствовал разработке нормативно-правовых актов на региональном уровне. На

сегодняшний день в тридцати восьми субъектах Российской Федерации действуют подобные нормативно-правовые акты;

3. Региональная комплексная целевая программа по молодежной политике. Предложенные в данной программе мероприятия и подходы, касающиеся отдельных направлений молодежной политики, получили широкое распространение. Действующая на сегодняшний день программа основывается именно на той, которая была принята в конце 1990-х. Данная программа действует в тридцати субъектах Российской Федерации.

Конечно, не все регионы России активно развивают молодежную политику. В семи регионах нет никакой региональной нормативно-правовой базы. Исходя из этого, можно сделать вывод, что процесс формирования молодежной политики еще не завершен.

Основные задачи формирования и развития молодежной политики на федеральном уровне реализует Департамент по государственной молодежной политике, воспитанию и социальной защите детей Министерства образования и науки Российской Федерации. Второстепенные функции и задачи возложены на другие федеральные органы власти.

Анализ управления молодежной политикой на региональном уровне позволяет сделать вывод, что более половины регионов России имеют в своем аппарате власти собственные отделения молодежной политики. К ним относятся различные центры, отделы, комитеты. Это наглядно демонстрирует, что в регионах молодежная политика представляет из себя отдельный самостоятельный механизм, имеющий собственное направление деятельности.

Анализ законодательной базы современного этапа развития молодежной политики позволил определить несколько направлений деятельности государства в данной сфере. Каждое такое направление обусловлено особенностью молодежи как особой группы общества, проблемами молодых людей, а также статусом молодежи. К основным направлениям молодежной политики можно отнести:

- становление молодого человека как гражданина своей страны, патриота, а также духовно-нравственное воспитание;
- решение социальных и экономических проблем молодежи;
- решение жилищных проблем молодежи;
- поддержка и популяризация молодых предпринимателей;
- интеллектуальное, физическое и творческое развитие молодежи;
- популяризация здорового образа жизни и профилактика негативных привычек среди молодежи.

Деятельность государства в сфере молодежной политики включает в себя информационное обеспечение, научно-исследовательское обеспечение, нормативно-правовые основы, а также совершенствование и расширение кадрового потенциала сферы молодежной политики.

Анализ процесса формирования и реализации молодежной политики в современной России позволил выделить в ней некоторые компоненты:

- законодательный компонент, включающий в себя понимание государством молодежной политики, а также определяющий обязанности государства перед молодежью;
- программный компонент, включающий в себя федеральные и региональные программы по молодежной политике, определяющий ряд необходимых мероприятий;
- институциональный компонент, представляющий из себя систему органов власти, которые занимаются формированием и реализацией молодежной политики;
- информационный компонент. Данный компонент предоставляет информационное обеспечение и сопровождение молодежной политики в средствах массовой информации и на официальных Интернет-ресурсах.

Молодежная политика в современной России – одно из наиболее приоритетных направлений деятельности государства. На сегодняшний день реализуется большое количество проектов и программ, которые охватывают не только центральные районы России, но и все регионы. Молодежь – очень важная часть российского общества, полная энергии и новых идей, поэтому государству важно направить активность молодежи в правильное русло, что, в свою очередь, позволит осуществить большое количество инноваций во всех сферах жизни общества.

Литература:

1. Гельман, В. Я. «Учредительные выборы» в контексте российской трансформации [Текст] / В. Я. Гельман, В. П. Елезаров // Первый электоральный цикл в России (1993–1996) / общ. ред.: В. Я. Гельман, Г. В. Голосов, Е. Ю. Мелешкина. – М., 2020. – С. 32–33.
2. Закон СССР «Об общих началах государственной молодежной политики в СССР» от 16.04.1991 г. [Электронный ресурс]. – <http://www.neon.gov.ru/press/smi/471> (дата обращения 26.11.2022).
3. Концепция государственной молодежной политики от 2001 года [Электронный ресурс]. – <https://studfile.net/preview/404453/> (дата обращения 26.11.2022).
4. Стратегия государственной молодежной политики в Российской Федерации (с изменениями на 16 июля 2009 года) [Электронный ресурс]. – <https://docs.cntd.ru/document/902020299?marker=656010> (дата обращения 26.11.2022).
5. Указ Президента РФ от 15 сентября 1994 г. N 1922 «О Федеральной программе Молодежь России» [Электронный ресурс]. – <http://www.kremlin.ru/acts/bank/7029> (дата обращения 26.11.2022).
6. Указ Президента РФ от 16 сентября 1992 г. N 1075 «О первоочередных мерах в области государственной молодежной политики» [Электронный ресурс]. – <https://base.garant.ru/2300503/> (дата обращения 26.11.2022).

ОБ АВТОРЕ:

У.А. Когтева, преподаватель-исследователь «Социологические науки», специалист по учебно-методической работе 1 категории, кафедра иностранных языков, Государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования Московской области «Технологический университет имени дважды Героя Советского Союза, летчика-космонавта А.А. Леонова», Королев, Россия.

ABOUT THE AUTHOR:

U.A. Kogteva, researcher {Sociology}, Specialist in educational and methodical work of the Department of Foreign Languages, State Educational Institution of Higher Education Moscow Region «Leonov Moscow Region University of Technology», Korolev, Russia.

УДК 316

ЦИФРОВИЗАЦИЯ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО МЕДИАПРОСТРАНСТВА И ЦИФРОВОЕ НЕРАВЕНСТВО: СОЦИОЛОГО-УПРАВЛЕНЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Когтева У.А.

В данной статье рассматривается такое явление как «цифровое неравенство» в рамках цифровизации образовательного пространства, проанализированы некоторые факторы, влияющие на преодоление цифрового разрыва. При анализе явлений цифровизации образовательного медиапространства и цифрового неравенства были использованы данные авторских исследований, проведенных в виде анкетных опросов в 2018 и 2022 гг. В качестве опорного вуза для проведения исследования был выбран ГБОУ ВО МО «Технологический университет», находящийся в крупнейшем наукограде Подмосковья Королёве.

Цифровизация, цифровое неравенство, образовательное медиапространства, информационные компетенции.

Для цитирования: Когтева У.А. Цифровизация образовательного медиапространства и цифровое неравенство: социолого-управленческий аспект // Социально-гуманитарные технологии. 2022. №4 (24). С. 32-37.

DIGITIZATION OF THE EDUCATIONAL MEDIA SPACE AND DIGITAL INEQUALITY: SOCIAL AND MANAGERIAL ASPECT

Когтева У.А.

The article deals with such a phenomenon as "digital inequality" within the framework of digitalization of the educational space. The author of the article analyzes some factors affecting the bridging of the digital divide. When analyzing the phenomena of digitalization of the educational media space and digital inequality, data from author's research conducted in the form of questionnaire surveys in 2018 and 2022 were used. The University of Technology, located in the largest science city of the Moscow region, Korolev, was chosen as the reference university for the study.

Digitalization, digital inequality, educational media space, information competencies.

For citation: Kogteva U.A. Digitization of the educational media space and digital inequality: social and managerial aspect. *Sotsial'no-gumanitarnye tekhnologii*. 2022; 4 (24): 32-37. (In Russ.)

С развитием коммуникационных технологий, увеличением объёма информации, скорости её распространения и доступности, изменяется структура и содержание образовательного медиапространства, меняются условия и порядок взаимодействия всех участников образовательного процесса, формируется глобальное мировое образовательное медиапространство, объединяющее учебные и научные заведения всего мира. Медиапространство понимается автором в широком смысле, включая в себя не только средства медиа, но целесообразно организованную в соответствии

с целями образовательной организации, многоаспектную реальность, в которой происходит взаимодействие со всеми участниками образовательного процесса, а также с внешней средой, посредством классических и новых медиа. При этом понимание медиaprостранства как медиареальности, а также внедрение в него цифровых технологий и искусственного интеллекта, придает ему такие характеристики, как саморазвитие и самообучаемость. Это способствует проявлению дополнительных особенностей процесса управления образовательным медиaprостранством, которое выступает одновременно как объект и субъект управления, и как среда, в которой происходит коммуникация и принятие решений. Наличие таких функций, как самообучение и саморасширение посредством цифровых технологий с одной стороны вносит определенный элемент неопределенности в планирование результатов управленческого воздействия, а, с другой стороны, дает дополнительные возможности для развития инноваций.

С точки зрения образовательного медиaprостранства как некой реальности, цифровизацию можно рассматривать с двух основных ракурсов:

- во-первых, как цифровизацию непосредственно пространства, то есть техническое переоснащение, внедрение нового программного обеспечения, развитие технологий удаленного доступа и дистанционного обучения и др.;

- во-вторых, как цифровизацию взаимодействия, подразумевающую внедрение качественно новых каналов коммуникации между участниками образовательного процесса, а также с внешней средой; расширение присутствия образовательной организации в сети; развитие виртуального профиля организации, ее цифрового двойника; анализ цифрового следа участников медиaprостранства и применение полученных данных для долгосрочного планирования и повышения эффективности и др.

В течение последних десятилетий внедрение цифровых технологий во все социальные практики сопровождалось усилением цифровизации частных и государственных услуг, а также таких социально значимых сфер, как образование, медицина, транспортное обслуживание, сфера социальной защиты населения и других. Для удобства населения создавались и создаются такие сервисы, как «Электронный гражданин», «Электронная приемная», «Электронная регистратура» и другие. Однако, упрощение данных процессов и перевод их в цифровую среду, ставит в уязвимое положение те слои населения, которые не имеют или теряют возможность данными услугами воспользоваться. Большинство исследователей рассматривают цифровое неравенство, как явление, вызванное недоступностью некоторым слоям населения технических средств, либо же недостаточный уровень владения данными техническими средствами, что лишает их возможности получить те социальные блага, которые им положены. Однако, в настоящий момент, цифровое неравенство является более широким понятием, включающим в себя разногласия в самой парадигме цифрового общества [4]. Так, исследование, проведенное автором в 2019 году, позволило увидеть, что пятая часть опрошенных преподавателей (около 20% респондентов по сумме ответов «Полностью согласен» и «Скорее согласен, чем не согласен») имеет достаточные информационные компетенции, однако принципиально не желает применять информационно-коммуникационные технологии и передавать ценности цифрового общества. Данная позиция получила достаточно широкое распространение во время пандемии, когда панические настроения, вызванные самоизоляцией, привели к развитию идей «цифрового концлагеря», «цифрового рабства» и других им подобных.

Цифровизация образовательных процессов, особенно активизировавшаяся во время пандемии Covid-19, несомненно привела к проявлению цифрового неравенства. Подобные процессы можно было наблюдать среди преподавательского состава, которому пришлось буквально на ходу и не всегда успешно, получать и совершенствовать цифровые компетенции. Уровень владения цифровыми компетенциями при этом определяется не только как навыки владения компьютером и программным обеспечением, но в более широком смысле, включая стратегические информационные компетенции, которые подразумевают рефлексию собственных навыков, а также проявление внутренней мотивации к изучению и распространению цифровых компетенций среди коллег и студентов [2]. Именно стратегические цифровые компетенции являются важным показателем уровня цифрового неравенства.

При классификации информационных компетенций, автором за основу была взята типология бельгийских исследователей Г. Валендук и П. Броткорн [3] и трансформирована в соответствии с авторской позицией и анализом различных источников. Авторская классификация предполагает выделение таких групп информационных компетенций, как «Инструментальные компетенции», «Информационные компетенции» и «Стратегические компетенции».

Инструментальные компетенции в первую очередь охватывают первичные технические навыки, которые являются базовыми как в личной, так и в профессиональной среде, включающие также технические возможности и способности рассуждать о повседневных ошибках, вирусах и других технических проблемах.

Аналитические компетенции касаются характера использования онлайн-контента, то есть поиска, выбора, понимания, оценки, обработки информации. В то время как использование информационных технологий всегда требовало инструментальных навыков, аналитические компетенции приобретают свое значение в последнее время, в связи с развитием информационного контента и онлайн-сервисов. Голландские исследователи, занимающиеся исследованием навыков XXI века, вводят дополнительное деление аналитических компетенций на формальные и существенные [5]. Под формальными аналитическими компетенциями они понимают способность понимать файловую структуру компьютера, веб-сайта; понимание архитектуры веб-сайта (карта сайта); способность понимать структуру ссылок в гипертексте; наконец, владение английским языком, являющимся необходимым для эффективного использования мировых информационных ресурсов. Что касается существенных аналитических компетенций, то они касаются навыков поиска информации в интернете; умения отбора информации из избыточного предложения; навыков самостоятельного редактирования этой информации, оценки ее качества; умения комбинировать источники информации, которые поступают из все более разнообразных средств массовой информации и авторов, а также умения устанавливать связи или ассоциации между выбранной информацией.

Существенные аналитические компетенции близки по своему смыслу к **стратегическим компетенциям**, которые предполагают способность активно использовать информацию, придавать ей смысл в своей собственной жизни и принимать решения в отношении своей профессиональной и личной среды.

В 2019-2022 годах автором было проведено исследование в форме экспертного опроса, которое было посвящено оценке процесса цифровизации образовательного медиапространства. В рамках исследования был также измерен уровень информационных компетенций преподавателей. Наиболее интересные результаты, полученные в ходе экспертного опроса относительно владения компетенциями, представляющие интерес в рамках изучения явления цифрового разрыва, отображены на Рисунке 1.

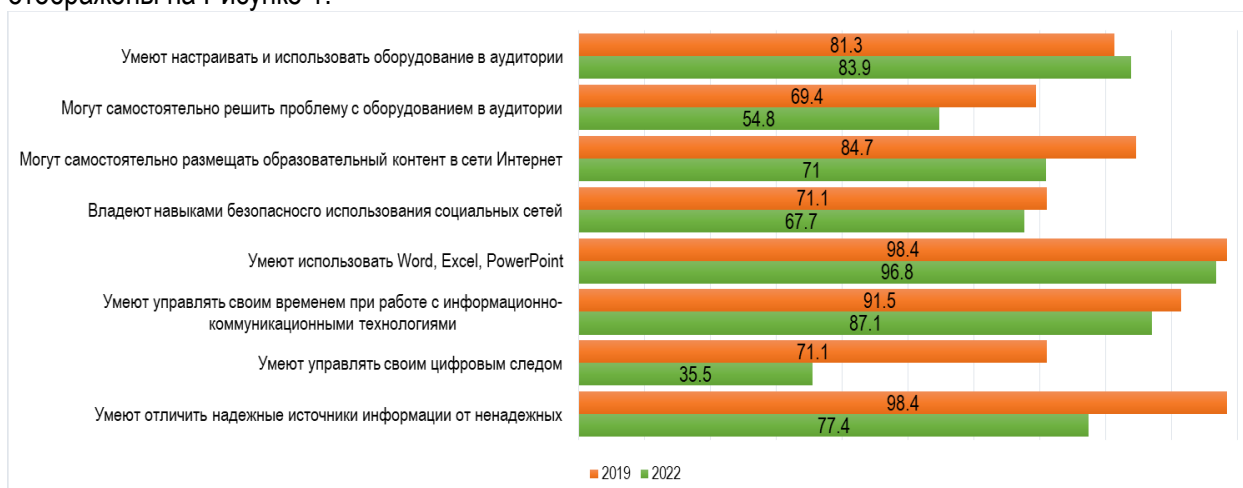

Рисунок 1. Информационные компетенции преподавателей, в%
(составлено автором)

Исследование показало, что в целом уровень информационных компетенций преподавателей достаточно высокий. Это обусловлено высоким уровнем образования и спецификой трудовой деятельности педагогов. Из рисунка 1 видно, что существует тенденция к уменьшению показателей по сравнению с 2019 годом, что может быть вызвано более критичной оценкой экспертами собственных навыков, а также ускоряющимися темпами развития информационных технологий. Критериями наличия цифрового разрыва в данном случае могут выступать следующие индикаторы: «Умение настраивать и использовать оборудование в аудитории», так как этот индикатор сигнализирует об уровне технической грамотности; «Умение управлять своим временем при работе с информационно-коммуникационными технологиями», так как индикатор характеризует аналитические информационные компетенции и умение управлять собственными временными ресурсами, а также «Умение отличать надежные источники информации от ненадежных», так как индикатор отражает наличие рефлексии, а также уровень владения необходимым объемом информации и умение с ней работать.

Цифровое неравенство, выражаемое в доступе к цифровым ресурсам и их применению не только для достижения собственных социальных благ, но и в своей профессиональной деятельности, в сфере образования выражается в том числе в применении преподавателем цифровых средств в организации занятий и взаимодействии со студентами и администрацией университета. В исследовании 2018-2019 годов автором была проведена оценка барьеров в применении информационных технологий в преподавании в представлении как преподавателей, так и студентов. Некоторые результаты представлены на рисунке 2.

Рисунок 2. Причины, препятствующие применению цифровых средств в преподавании дисциплин в оценках преподавателей и студентов, в%
(составлено автором)

Как видно из рисунка 2, студенты и преподаватели видят барьеры в применении информационно-коммуникационных технологий по-разному. По мнению почти половины преподавателей, снижению мотивации в применении ИКТ является уверенностью, что студенты лучше разбираются в технологиях. Студенты чаще всего (32%) отмечали основным фактором, препятствующим применению ИКТ, непредназначенность дисциплины для электронного обучения. Почти четверть опрошенных студентов считают препятствием в цифровизации образовательного процесса «Неумение преподавателя пользоваться оборудованием в аудитории», однако только 10% преподавателей с ними согласны. Также разошлись мнения преподавателей в оценке такого препятствия в применении технологий как «Страх преподавателя перед использованием технических средств». По результатам опроса данный вариант стал наименее популярным среди преподавателей, но, тем не менее, по мнению 19% студентов, он является существенным.

Как уже отмечалось ранее пятая часть преподавателей отметила «Нежелание передавать ценности индустриального и рыночного общества» в качестве причины, препятствующей применению информационных технологий в образовании. Это достаточно важный показатель, так как образование по своей сути является основой формирования мировоззрения и трансмиссии ценностей общества. На сегодняшний день именно через образование происходит формирование патриотических взглядов и других важных для государства ценностей. Поэтому построение конструктивного диалога и работа с преподавательским составом должна быть одной из ключевых задач в процессе цифровизации и ликвидации цифрового разрыва, так как нежелание быть частью цифрового общества является следствием наличия этого разрыва.

Одним из направлений цифровизации образовательного медиапространства, а также важным элементом анализа явления цифрового разрыва, является изучение каналов коммуникации участников образовательного процесса между собой. Результаты исследования, проведенного автором в 2022 году, представлены на Рисунке 3.

Рисунок 3. Распределение ответов респондентов на вопрос о предпочтительных каналах коммуникации, в %
(составлено автором)

Согласно данным, представленным на рисунке 3, можно сделать вывод, что наиболее предпочтительными каналами коммуникации преподавателей и студентов являются образовательный портал и личное общение (87.1% и 64.5% соответственно). Личный мобильный телефон и личную электронную почту готовы использовать около половины опрошенных. Сравнительный анализ данных, полученных в ходе исследований, проведенных автором в 2018 и 2022 годах представлен на Рисунке 4.

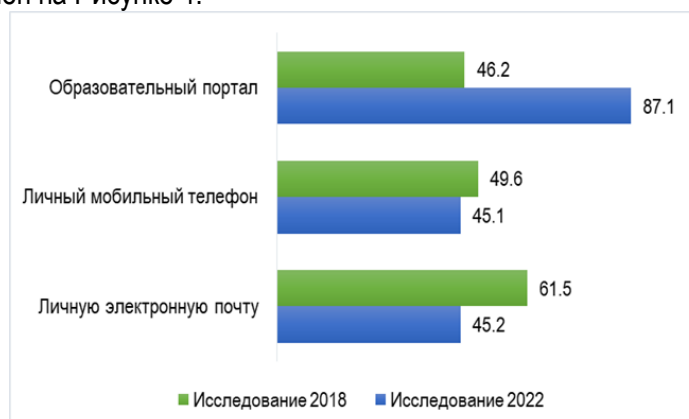

Рисунок 4. Сравнительный анализ наиболее предпочтительных каналов коммуникации участников образовательного процесса по данным исследований 2018 и 2022 гг., в %
(составлено автором)

Как видно из Рисунка 4, с 2018 по 2022 гг. процент респондентов, использующих образовательный портал для коммуникации между участниками образовательного процесса, вырос

почти в 2 раза – с 46,2% до 87,1%. В то время, как применение личных мобильных телефонов и личной почты наоборот уменьшилось, хоть и не так значительно. Данные изменения могут быть связаны с тем, что во время пандемии COVID-19 и одномоментного перехода на полностью дистанционную организацию работы в образовательном учреждении, использование корпоративных ресурсов, таких как образовательный портал, стало обязательным для всех. Также через образовательный портал организовывалась проверка и контроль качества организации дистанционной работы, что частично сохранилось и после выхода сначала на смешанный, а затем на полностью очный формат работы.

Процесс цифровизации образовательного медиапространства, развивающийся по двум основным направлениям, таким как цифровизации взаимодействия и цифровизация пространства, как и любой процесс, связанный с информационными технологиями и их применением в социально-значимых сферах, ведет к образованию цифрового неравенства или цифрового разрыва. Данные социальные явления могут выражаться как в неравном доступе к оборудованию, недостаточно высоком уровне развития технических, аналитических и стратегических информационных компетенций, так и в различии ценностных установок участников образовательного процесса и их принципиальных позиций относительно дальнейшего развития общества, что выражается в нежелании применять информационные технологии. Увеличение объемов передаваемой информации, а также сложности в оценке ее достоверности, порождают неуверенность, которая, в свою очередь, влечет за собой образование цифрового разрыва. Минимизация цифрового разрыва и вопросы цифровой инклюзии являются на сегодняшний день наиболее значимыми при изучении процессов цифровизации и ее влияния на общество.

Литература:

1. Кирилина, Т. Ю. Отношение профессорско-преподавательского состава к изменению образовательных практик, связанных с цифровизацией процесса образования (на примере работы с балльно-рейтинговой системой) / Т. Ю. Кирилина, К. В. Лапшинова // Социально-гуманитарные технологии. – 2021. – № 4(20). – С. 11-18
2. Когтева У.А. Информационные компетенции субъектов образовательного медиапространства в условиях цифровизации // Alma Mater (Вестник высшей школы). 2020. № 6. С. 70-75
3. Brotcorne P., Valenduc G. Les compétences numériques et les inégalités dans les usages d'internet // Les Cahiers du numérique. 2009. Vol. 5. №1. P. 45-68
4. Brotcorne P., Bonnetier C., Vendramin P. La mise en œuvre d'une numérisation impensée dans des services d'intérêt général // SociologieS [En ligne], Théories et recherches, mis en ligne le 02 février 2021, consulté le 03 février 2021. URL : <http://journals.openedition.org/sociologies/16172> DOI : <https://doi.org/10.4000/sociologies.16172>
5. Van Dijk J. Digital divide research, achievements and shortcomings // Poetics. 2006. Vol. 34. № 4-5. P. 221-235

ОБ АВТОРЕ:

Д.Д. Симонов, аспирант первого года обучения {Социологические науки}, кафедра социальных и гуманитарных дисциплин, Государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования Московской области «Технологический университет имени дважды Героя Советского Союза, летчика-космонавта А.А. Леонова», Королев, Россия.

ABOUT THE AUTHOR:

D.D. Simonov, 1st year post-graduate student {Sociology}, Department of Humanity and Social Disciplines, State Educational Institution of Higher Education Moscow Region «Leonov Moscow Region University of Technology», Korolev, Russia.

УДК 316**УПРАВЛЕНЧЕСКИЙ КОНФЛИКТ КАК ОБЪЕКТ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО АНАЛИЗА**

Симонов Д.Д.

Управленческий конфликт – распространенное явление на рабочем месте, которое может возникнуть по разным причинам, таким как различия во мнениях, ценностях, целях и личностных качествах. Цель данной работы – представить управленческий конфликт как объект социологического анализа, изучить его виды и методы разрешения.

В статье анализируются различные подходы к определению управленческого конфликта, а также рассматриваются стратегии, которые менеджеры могут использовать для разрешения конфликтов на рабочем месте.

Автор делает вывод, что управленческие конфликты могут иметь разнообразные источники, включая различия в личностных качествах руководителя, стилях работы, стилях общения или культурных традициях.

Конфликты могут быть деструктивными и разрушительными для организации, если ими не управлять эффективно. Но они также могут быть полезными, если к ним подходить конструктивно, и привести к улучшению коммуникации, творчеству и решению проблем.

Управленческий конфликт, стратегия решения управленческих конфликтов, причины управленческих конфликтов.

Для цитирования: Симонов Д.Д. Управленческий конфликт как объект социологического анализа // Социально-гуманитарные технологии. 2022. №4 (24). С. 38-46.

MANAGEMENT CONFLICT AS AN OBJECT OF SOCIOLOGICAL ANALYSIS

Simonov D.D.

Managerial conflict is a common phenomenon in the workplace, which can arise for various reasons, such as differences in opinions, values, goals and personal qualities. The purpose of this work is to present a managerial conflict as an object of sociological analysis, to study its types and methods of resolution.

The article analyzes various approaches to the definition of managerial conflict, and also discusses strategies that managers can use to resolve conflicts in the workplace.

The author concludes that managerial conflicts can have a variety of sources, including differences in personal qualities of the manager, work styles, communication styles or cultural traditions. Conflicts can be destructive and destructive for an organization if they are not managed effectively. But they can also be useful if approached constructively, and lead to improved communication, creativity, and problem solving.

Management conflict, management conflict resolution strategy, causes of management conflicts.

For citation: Simonov D.D. Management conflict as an object of sociological analysis. *Sotsial'no-gumanitarnye tekhnologii*. 2022; 4 (24): 38-46. (In Russ.)

Один из создателей конфликтной модели общества немецкий социолог Ральф Дарендорф полагал, что конфликт является естественным результатом любой системы управления. Сущность любого социального конфликта состоит в различии социальных позиций и ролей в обществе: у одних есть власть и право управлять, у других таких привилегий нет. В результате диспропорции в распределении власти и отсутствии свободных каналов перераспределения власти противоречия внутри общества обостряются [1].

Видный отечественный социолог, специалист по социологии конфликта, А. В. Дмитриев определяет конфликт как «... столкновение противоположных сторон, мнений интересов, взглядов, сил. В основе конфликта объективное расхождение целей и интересов, ценностей и идентичностей» [2, с. 506]. Социальный конфликт, в свою очередь, А.В. Дмитриев характеризует как конфронтацию социальных групп по поводу многообразных ресурсов жизнеобеспечения. [2, с. 511]

По мнению российского социолога Филиппова А. Ф., автора работ о влиянии политических и экономических преобразований на организационное поведение и менеджмент, конфликт – это неизбежная часть организационной жизни, поскольку он возникает из-за конкурирующих интересов и целей на рабочем месте [8]. Филиппов А. Ф. утверждает, что конфликт следует рассматривать как нормальную и естественную часть процесса управления, а не как признак дисфункции или неудачи. Конфликты могут возникать из-за различий во мнениях, ценностях, целях и личностных качествах сотрудников и менеджеров. У руководителей могут быть разные приоритеты или потребности в распределении ресурсов, таких как бюджет, персонал или время. Если ресурсы ограничены или существуют конкурирующие требования, это может привести к конфликтам между менеджерами. Руководители могут иметь различные цели или задачи для своих отделов или команд, и эти цели не всегда совпадают с общими целями организации. Если цели не определены четко или если они противоречат друг другу, это может привести к напряженности и конфликтам. Также нарушение коммуникации между менеджерами может произойти из-за различий в стилях общения, недопонимания или недостаточного обмена информацией. Если менеджеры общаются неэффективно, это может привести к конфликтам и недопониманию, которые со временем могут обостриться [7].

Управленческий конфликт – это тип конфликта, который возникает в организации или на рабочем месте между отдельными лицами или группами, имеющими различные цели, интересы или перспективы. Его также можно определить, как столкновение интересов или идей, возникающее, когда сотрудники, менеджеры или руководители не согласны с тем, как следует поступать, какие цели должны быть приоритетными или какие решения следует принимать.

По данным исследования, проведенного CPP Global, конфликты на рабочем месте обходятся американским компаниям примерно в 359 миллиардов долларов в оплачиваемых часах, что эквивалентно 2,8 часам в неделю на одного сотрудника [13]. По данным опроса Российской ассоциации управления персоналом, конфликты между руководителями и подчиненными являются наиболее распространенным видом конфликтов на рабочем месте в России, за ними следуют конфликты между коллегами и конфликты с клиентами или партнерами [5; 10]. Пандемия COVID-19 привела к росту числа конфликтов на рабочих местах в России, при этом сотрудники отмечают повышенный стресс и тревогу, связанные с изменениями в организации труда и экономической неопределенностью. Это создало новые проблемы для руководителей в поддержании продуктивной и позитивной рабочей среды [9; 12].

Традиционно под управленческими конфликтами понимают конфликты, которые возникают в системах социального взаимодействия субъектов и объектов управления. Источником управленческих конфликтов выступает противоречие между существующими в управленческой системе групповыми нормами и административными правилами, с одной стороны, и потребностью всех субъектов управления иметь высокие статусы и выполнять такие роли, которые бы обеспечивали возможность для самовыражения [11].

Разрешение управленческих конфликтов имеет большое значение для успеха и долгосрочной жизнеспособности любой организации. Неразрешенные конфликты могут оказывать значительное негативное влияние на производительность труда. Когда сотрудники сосредоточены на разрешении конфликтов, а не на выполнении своей работы, это может привести к задержкам, пропуску сроков и

снижению качества работы. Нерешенные конфликты способствуют снижению вовлеченности сотрудников. Конфликты, которые остаются неразрешенными, могут привести к высокой текучести кадров.

В свою очередь разрешение конфликтов положительно влияет на компанию в целом. Разрешая конфликты и предоставляя сотрудникам чувство самостоятельности и контроля над своей работой, организации могут повысить приверженность сотрудников. Решение конфликтов может привести к выявлению новых возможностей для роста и инноваций. Выдвигая различные точки зрения и идеи, конфликты могут стимулировать творчество и привести к появлению новых способов решения проблем. Решение конфликтов может способствовать формированию позитивной культуры на рабочем месте, основанной на взаимном уважении, сотрудничестве и доверии. Своевременное и эффективное решение конфликтов позволяет организациям удерживать лучших сотрудников и избегать расходов, связанных с наймом и обучением новых сотрудников. Позитивная культура на рабочем месте может привести к повышению удовлетворенности работой, снижению стресса и улучшению здоровья и благополучия сотрудников.

Основными видами управленческих конфликтов, основывающимися на причинах, являются конфликт задач, конфликт отношений и конфликт процесса.

Конфликт задач – это тип конфликта, возникающий из-за разногласий по поводу задачи или целей команды или организации. Конфликт задач сосредоточен на самой работе, например, различные мнения о наилучшем подходе к решению проблемы или достижению цели. Конфликт задач может быть полезен для команд и организаций, если им эффективно управлять. Организация экологических обсуждений поставленной задачи, помогут комплексно взглянуть на задачу, учесть мнения сотрудников, сформировать оптимальные решения.

Главная проблема конфликта задач – это управление напряжением между конструктивными разногласиями и деструктивным конфликтом. Деструктивные конфликты характеризуются высоким темпом нарастания эмоционального возбуждения, отсутствием логики и аргументированных действий. Сотрудники уходят в домысливание, думают за других, искажая слова и поступки других людей под влиянием собственных негативных эмоций. Этот тип конфликта способствует тому, что отчуждение между сторонами только нарастает, переговоры заходят в тупик и контакт утрачивается. Если конфликты становятся слишком горячими или личными, они могут привести к дисфункциональному поведению, такому как личные нападки или уклонение от решения проблем, а также привести к конфликту отношений.

Следующий не менее распространенный вид управленческих конфликтов – это конфликт отношений. Данный тип конфликта возникает из-за личных или межличностных разногласий между членами команды или коллегами. Конфликт отношений основан на восприятии личности, ценностей или поведения. Если члены команды негативно воспринимают друг друга или испытывают трудности в эффективной совместной работе, это может привести к снижению мотивации, ухудшению сотрудничества и даже к оттоку кадров.

Отрицательная сторона конфликта в отношениях заключается в том, что бывает трудно отделить личные проблемы от рабочих вопросов. Когда члены команды находятся в состоянии конфликта, может возникнуть соблазн затронуть прошлые события или личностные различия, которые не имеют отношения к текущей ситуации. Это может усугубить напряженность и усложнить поиск решения, а также привести к конфликту процесса и нескончаемому циклу конфликтов.

Следующая разновидность управленческих конфликтов – это конфликт процесса. Он возникает из-за разногласий по поводу того, как должны выполняться задачи или как должны приниматься решения. В отличие от конфликта задач, который сосредоточен на целях или содержании работы, конфликт процессов основан на различиях во мнениях о том, как должна выполняться работа.

Эффективное разрешение конфликтов требует комплексного подхода. А.Ф. Филиппов подчеркивает важность применения комплексного подхода к разрешению конфликтов, который включает в себя как устранение глубинных причин конфликта, так и эмоционально-психологическую динамику конфликтующих сторон. Он утверждает, что эффективное разрешение конфликтов требует глубокого понимания межличностных и организационных факторов, способствующих возникновению

конфликта. Одним из факторов успеха в решении управленческих конфликтов, по сути, предубеждение их — это построение здоровой организационной культуры, грамотное поведение лидеров в конфликтных ситуациях, а также понимание влияния социально-культурно-политического окружения, в котором организация осуществляет свою деятельность и ограниченности ресурсов.

Как особый вид управленческих конфликтов Н. И. Леонов определяет организационно-управленческий конфликт – конфликт между членами управляющей организации, руководителями и исполнителями, между первичными группами и различными подразделениями в данной системе управления по поводу целей, методов и средств управленческой и организационной деятельности, а также ее результатов и социальных последствий [4]. Организационно-управленческий конфликт представляет собой «столкновения субъектов, связанное так или иначе с противоречивыми позициями, целями, ценностями и представлениями об общественном процессе жизни людей». [4, с.130]. В управленческой сфере организационно-управленческий конфликт имеет в основном объективный характер. Потенциально в организационно-управленческих отношениях уже заложено противоречие. Конечно, не всякое противоречие развивается в конфликт, но всякое противоречие, если оно реализуется к отношениям: руководитель – подчиненный, властвующий – подвластный, управляющий – управляемый.

Влияние организационной культуры на формирование конфликтов в организациях отмечают многие российские социологи. Так, Соловьева М.Н. анализирует роли конфликтов в формировании организационной культуры и способы управления и разрешения конфликтов. Способы разрешения организационных конфликтов во многом отражают более широкие культурные и исторические процессы. Соловьева М. Н. выделяет следующие этапы разрешения конфликтов с учетом корпоративной культуры: – создание атмосферы сотрудничества; – стремление к ясности отношений и общения; – признание наличия конфликта; – определение процедуры решения проблем; – определение альтернативных путей решения; – выработка соглашений; – определение сроков выполнения решений; – воплощение планируемых мероприятий в жизнь; – оценка принятого решения [6].

Для построения доброжелательной и эффективной корпоративной культуры, следует обратить внимание и развивать следующие качества у сотрудников:

- Следование правилам и договоренностям. Одной из стратегий управления конфликтами при выполнении задач является установление норм и основных правил для обсуждения в команде. Например, команды могут договориться активно слушать друг друга, избегать личных нападок и сосредоточиться на выполнении поставленной задачи. Это поможет создать безопасное пространство для разногласий и поощрять конструктивные дебаты.
- Установление четких ожиданий и стандартов межличностного поведения. Команды могут договориться о нормах и основных правилах общения, например, использовать утверждения "я" вместо утверждений "ты", избегать личных нападок и концентрироваться на рассматриваемом вопросе.
- Установление четких ролей и обязанностей для членов команды. Когда члены команды четко понимают свои и чужие роли, это может снизить вероятность возникновения конфликтов по поводу того, кто что должен делать и как должны быть выполнены задачи.
- Использование методов решения проблем. Часто используется мозговой штурм, оценка вариантов и другие методы решения проблем, направленные на создание и оценку потенциальных решений. Затем стороны совместно работают над выбором решения, которое наилучшим образом отвечает их общим целям и интересам.
- Развитие эффективных навыков общения. Сотрудничающие команды должны уметь ясно выражать свои мысли и активно слушать других, понимать чужие интересы, управлять своими эмоциями и поддерживать уважительный тон, даже когда они не согласны.
- Открытость. Одной из ключевых особенностей сотрудничества является готовность сторон открыто делиться своими интересами, потребностями и проблемами. Такой обмен информацией помогает установить доверие и взаимопонимание, а также может привести к поиску творческих решений, удовлетворяющих интересы всех сторон.

- Умение видеть перспективу и сопереживать. Поощряя членов команды учитывать точки зрения друг друга и сопереживать, команды могут снизить эмоциональный накал конфликтов и легче найти общий язык.

- Ответственность. Поощряя членов команды брать на себя ответственность за собственные эмоции и поведение. Помогая членам команды распознавать свои собственные триггеры и реакции, они могут научиться управлять своими реакциями и предотвращать эскалацию конфликтов.

Эффективное управление конфликтами необходимо для успеха организации. Менеджеры, способные выявлять, понимать и управлять конфликтами в своих организациях, имеют больше шансов достичь своих целей и преуспеть в долгосрочной перспективе. Хотя верно, что все стороны, вовлеченные в конфликт, играют определенную роль в его разрешении, на менеджерах лежит уникальная ответственность за управление конфликтами на рабочем месте по нескольким причинам. Во-первых, менеджеры отвечают за обеспечение бесперебойного функционирования организации. Для того чтобы организация была успешной, важно, чтобы конфликты рассматривались и разрешались своевременно и эффективно. Руководители в конечном итоге несут ответственность за то, чтобы конфликты не нарушали функционирование организации, и чтобы сотрудники могли продуктивно работать вместе. Во-вторых, руководители обладают полномочиями для осуществления изменений. Во многих случаях конфликты возникают из-за вопросов, связанных с политикой, процедурами или рабочими заданиями. Руководители имеют право вносить изменения в эти сферы, что может помочь устранить основные причины конфликта. В-третьих, руководители обладают способностью выступать посредниками в спорах. Будучи нейтральной третьей стороной, руководители часто могут выступать посредниками в спорах между конфликтующими сторонами. Они могут выслушать обе стороны, выявить общие интересы и помочь найти взаимоприемлемые решения. А также, менеджеры имеют более широкую перспективу. Руководители отвечают за работу нескольких сотрудников, отделов или даже всей организации. Этот более широкий взгляд может помочь им выявить модели конфликта и основные проблемы, которые могут способствовать возникновению конфликтов.

Если в конфликте участвуют сами руководители, это может создать сложную ситуацию. В случаях, когда в конфликте участвуют руководитель и его подчиненные, может быть целесообразно привлечь нейтральную третью сторону, например, представителя отдела кадров или посредника, чтобы помочь разрешить конфликт. Это поможет обеспечить справедливость процесса и учесть потребности и перспективы всех сторон.

В случаях, когда конфликт происходит между двумя руководителями, может потребоваться привлечение руководства более высокого уровня для помощи в разрешении конфликта. В некоторых случаях для содействия процессу разрешения конфликта может быть привлечен внешний консультант или посредник.

Независимо от конкретного подхода, руководителям важно признать, что конфликты могут оказывать негативное влияние на организацию, и предпринять шаги для их своевременного и эффективного разрешения.

Проактивные меры: Проактивные меры включают в себя внедрение политики и процедур, направленных на предотвращение возникновения конфликтов. Это включает в себя четкое описание должностных обязанностей и ожиданий от работы, создание протоколов общения и формирование позитивной рабочей культуры.

Раннее выявление: Раннее обнаружение предполагает выявление конфликтов сразу после их возникновения. Это требует от менеджеров бдительности и наблюдательности, а также поощрения сотрудников говорить о любых проблемах, с которыми они сталкиваются.

Эффективная коммуникация: Эффективная коммуникация имеет решающее значение для разрешения конфликтов. Руководители должны поощрять открытое и честное общение, активное слушание и уважение к различным точкам зрения.

Совместное решение проблем: Совместное решение проблем подразумевает совместную работу по поиску решений, приемлемых для всех вовлеченных сторон. Это требует готовности к компромиссу и умения находить точки соприкосновения.

Посредничество: Посредничество предполагает привлечение нейтральной третьей стороны для содействия обсуждению и поиску решений конфликтов. Это может быть особенно эффективным, когда существует дисбаланс сил или когда эмоции находятся на высоком уровне.

Постоянная оценка: Комплексный подход к управлению конфликтами требует постоянной оценки и размышлений. Руководители должны оценивать эффективность своих стратегий управления конфликтами и при необходимости вносить коррективы, чтобы обеспечить продуктивное и позитивное разрешение конфликтов.

Глобализация означает растущую взаимосвязь экономик и обществ мира, частично обусловленную развитием технологий и коммуникаций. На политическом уровне глобализация привела к созданию новых международных организаций и соглашений, таких как Всемирная торговая организация (ВТО). Эти соглашения оказали значительное влияние на методы работы предприятий и могут создавать новые возможности для конкуренции и роста, а также новые источники конфликтов. С экономической точки зрения глобализация привела к аутсорсингу рабочих мест в страны с более низкими издержками, а также к усилению конкуренции со стороны иностранных компаний. Это может создать напряженность в организациях, поскольку различные отделы или группы могут иметь разные мнения о том, как лучше реагировать на эти вызовы. На социальном уровне глобализация привела к росту разнообразия и мультикультурализма на многих рабочих местах. Хотя это может быть источником силы и творчества, это также может привести к конфликтам, связанным с различиями в культурных нормах, стилях общения и ожиданиях.

Немаловажное влияние на управленческие конфликты оказывает социальная стратификация. Социальная стратификация – это разделение общества на иерархические слои или классы, часто основанные на таких факторах, как доход, образование и профессия. Эти социальные иерархии могут оказывать значительное влияние на конфликты на работе. Например, социальная стратификация может влиять на типы конфликтов, возникающих на рабочем месте, поскольку люди из разных социальных классов могут иметь разные взгляды и интересы. Социальная стратификация может влиять на динамику власти на рабочем месте, при этом люди из более высоких социальных классов часто имеют больший доступ к власти и ресурсам. Это может привести к конфликтам между людьми или группами с разным уровнем власти, поскольку те, кто обладает большей властью, могут с большей вероятностью утверждать свою власть и контроль над другими. Социальная стратификация также может привести к возникновению коммуникационных барьеров между представителями разных социальных классов. Например, люди из более высоких социальных классов могут иметь другой стиль общения или использовать другой язык.

Социальные конфликты в организации, безусловно, могут быть одним из видов управленческих конфликтов, поскольку они могут включать вопросы, связанные с динамикой власти, коммуникацией и другими проблемами, связанными с управлением. Однако важно отметить, что не все социальные конфликты в организации напрямую связаны с управлением, вместо этого они могут быть обусловлены такими факторами, как культурные различия, личные разногласия или внешние факторы, влияющие на организацию. В целом, управленческие конфликты — это конфликты, которые возникают именно в контексте структуры управления организацией, и включают в себя конфликты между отдельными лицами или группами с различными ролями, обязанностями или интересами в организации.

Социальные конфликты на работе часто могут отражать более глубокие общественные проблемы и борьбу за власть, которые не ограничиваются рабочим местом. Когда возникают конфликты, они могут обнажить неравенство, напряженность и недовольство, которые некоторое время скрывались под поверхностью. В некоторых случаях социальные конфликты на работе могут даже стать толчком к более широким политическим изменениям. Например, забастовки и протесты работников могут привлечь внимание к вопросам трудовых прав и привести к изменениям в законодательстве или государственной политике. Аналогичным образом, конфликты по поводу многообразия и инклюзивности могут привлечь внимание к системной дискриминации и привести к изменениям в корпоративной политике или социальных нормах.

Более того, на социальные конфликты на работе могут влиять и более широкие политические изменения. Например, изменения в политике правительства, экономических условиях или

социальных нормах могут повлиять на динамику власти и создать новую напряженность на рабочем месте. В некоторых случаях эта напряженность может перерасти в социальные конфликты, которые, в свою очередь, могут способствовать более широким политическим изменениям.

Управление конфликтами в организациях – это глубоко политический процесс, включающий переговоры и борьбу за власть между различными группами и людьми в организации. Управление конфликтами в организациях можно рассматривать как политический процесс, поскольку он включает в себя использование власти, влияния и переговоров для разрешения споров и достижения соглашений между различными лицами или группами в организации. Процесс управления конфликтами часто включает в себя распределение ограниченных ресурсов, полномочий на принятие решений и контроль над различными аспектами деятельности организации, что может привести к политической борьбе и динамике власти.

Разрешение конфликтов может иметь важные политические и стратегические последствия для организации, поскольку оно может повлиять на баланс власти и влияния между различными заинтересованными сторонами, распределение ресурсов и выгод, а также общее направление и эффективность деятельности организации.

Поэтому управление конфликтами в организациях часто требует глубокого понимания политического контекста и динамики организации, а также разработки эффективных стратегий управления властью, влиянием и ведения переговоров между различными заинтересованными сторонами. Это может включать использование различных методов разрешения конфликтов, таких как сотрудничество, компромисс, уступки и конкурентный подход, а также установление четких политик, процедур и структур управления, чтобы помочь управлять конфликтами справедливым, прозрачным и подотчетным образом.

Сотрудничество – это метод разрешения конфликтов, в котором особое внимание уделяется сотрудничеству и взаимной выгоде. Это подход, при котором стороны работают вместе, чтобы найти решение, удовлетворяющее интересы всех вовлеченных сторон. Метод сотрудничества часто используется, когда конфликт затрагивает сложные вопросы или когда существует высокий уровень взаимозависимости между сторонами. Он особенно полезен, когда стороны находятся в постоянных отношениях и когда им необходимо поддерживать эти отношения для достижения своих целей.

Одна из потенциальных проблем сотрудничества заключается в том, что оно может отнимать много времени и ресурсов. Его также может быть трудно достичь, если между сторонами отсутствует доверие или имеется история конфликтов. Кроме того, сотрудничество может быть нецелесообразным, если между сторонами существует дисбаланс власти, поскольку сторона, обладающая большей властью, может быть менее заинтересована в сотрудничестве.

Следующий подход к решению управленческих конфликтов — это компромисс. В данном подходе стороны отказываются от некоторых своих интересов, чтобы достичь соглашения, приемлемого для всех вовлеченных сторон. Компромисс предполагает готовность пойти на уступки и принять решение, которое может не полностью удовлетворить все стороны. Метод компромисса часто используется при наличии нескольких конфликтных вопросов, когда интересы сторон частично совпадают. Он особенно полезен, когда стороны готовы работать вместе и поддерживать отношения, но у них разные приоритеты или предпочтения.

Для компромисса важна готовность сторон идти на уступки. Каждой стороне необходимо определить свои ключевые интересы и расставить приоритеты, чтобы выявить области, в которых они готовы пойти на компромисс. Стороны также должны быть готовы сообщить о своих уступках и принять тот факт, что они могут получить не все, что хотят. Для формулирования решения необходимо сосредоточиться на общих нуждах. Сторонам необходимо определить области, в которых у них есть общие интересы или цели, и использовать эти области в качестве основы для переговоров. Сосредоточившись на общих интересах, стороны могут найти решения, выгодные всем участникам процесса.

Зачастую компромисс может привести к решениям, которые не являются идеальными ни для одной из сторон. Когда стороны отказываются от некоторых своих интересов, они могут быть не полностью удовлетворены результатом. Кроме того, компромисс может быть труднодостижим, если у сторон есть глубоко укоренившиеся убеждения или если они не хотят идти на уступки.

Следующий не менее распространенный метод решения управленческих конфликтов – это уступки. Одна сторона должна принять сознательное решение уступить позиции или интересам другой стороны. При таком подходе одна из сторон жертвует своими интересами, чтобы сохранить отношения или предотвратить возникновение более серьезного конфликта.

Метод уступок или приспособления часто используется, когда одна из сторон обладает значительно большей властью или авторитетом, чем другая сторона, или когда конфликт относительно незначителен и не стоит усилий, необходимых для более агрессивной стратегии разрешения конфликта. Уступка также может быть полезна, когда одна из сторон готова уступить, чтобы укрепить добрую волю или создать прецедент для будущих переговоров.

Важным качеством данного решения является готовность одной стороны уступить требованиям или интересам другой стороны. Это может быть трудным решением, поскольку оно требует от стороны пожертвовать своими собственными интересами или целями, чтобы удовлетворить другую сторону. Примирение также может потребовать смирения и готовности взять на себя ответственность за конфликт. Сторона, идущая на уступки, должна четко и уважительно донести свое решение и объяснить причины, по которым оно было принято. Это поможет укрепить доверие и не позволит другой стороне воспользоваться преимуществами приспособления.

Формат уступок в определенной степени может потребовать творческого подхода. Стороне, осуществляющей приспособление, может понадобиться определить альтернативные решения или подходы, которые удовлетворяют обе стороны, даже если они не полностью отвечают их собственным интересам или целям.

Негативный аспект уступчивости заключается в том, что она может быть воспринята как слабость или как приглашение к дальнейшей эксплуатации. Если одна сторона последовательно идет на уступки другой стороне, другая сторона может начать ожидать или требовать уступок, не делая никаких собственных. Кроме того, уступка может оказаться неуместной, если конфликт затрагивает глубоко укоренившиеся ценности или если сторона, идущая на уступку, занимает позицию силы или власти.

Последний вид решений управленческих конфликтов – это конкурентный подход. Данный метод разрешения конфликтов приводит к соревнованию или борьбе за достижение своих целей или интересов. При таком подходе каждая сторона пытается получить преимущество над другой стороной и добиться победы. Конкуренция может быть полезным методом разрешения конфликтов, когда у сторон есть взаимоисключающие цели или когда конфликт настолько серьезен, что другие методы разрешения нецелесообразны. Конкуренция также может быть уместна, когда одна из сторон обладает большей властью или ресурсами, чем другая сторона, и может использовать это преимущество для достижения своих целей.

В ситуации конкуренции распространенным является использование власти и влияния. Стороны могут использовать различные тактики для получения преимущества, включая торг, убеждение, принуждение и угрозы. Цель – убедить другую сторону принять свою позицию или заставить ее уступить. Во избежание негативных последствий необходимо выстроить четкие правила и стандарты. Стороны должны договориться о критериях победы и следовать этим правилам на протяжении всего процесса. Это может помочь предотвратить эскалацию конфликта или его перерастание в насилие.

Конкуренция также может иметь потенциальные негативные последствия. Она может привести к ситуации, когда одна сторона достигает своих целей за счет другой стороны. Это может вызвать горечь, обиду и желание отомстить. Кроме того, конкуренция может испортить отношения и помешать будущему сотрудничеству.

Конкуренция может отнимать много времени и средств, поскольку может потребовать значительных затрат ресурсов и энергии. Она также может быть эмоционально напряженной, поскольку стороны могут испытывать стресс, беспокойство и разочарование.

Подводя итоги можно сказать, что управленческие конфликты могут иметь разнообразные источники, включая различия в личностных качествах руководителя, стилях работы, стилях общения или культурных традициях. Они также могут возникать из-за таких факторов как дисбаланс власти, распределение ресурсов, ролевые ожидания или оценка работы. Конфликты могут быть

деструктивными и разрушительными для организации, если ими не управлять эффективно, но они также могут быть полезными, если к ним подходить конструктивно, и привести к улучшению коммуникации, творчеству и решению проблем.

Эффективное управление конфликтами – это важный навык, которым должны обладать менеджеры и руководители, поскольку конфликты могут оказывать значительное влияние на производительность, моральный дух и общую эффективность организации. Менеджеры должны уметь выявлять конфликты на ранней стадии, объективно оценивать ситуацию и разрабатывать стратегии решения проблемы таким образом, чтобы это было справедливо и равноправно для всех вовлеченных сторон.

Литература:

1. Дарендорф Р. Современный социальный конфликт. Очерк политики свободы / Пер. с нем. – М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2002. – 288.
2. Дмитриев А.В. Социальный конфликт: общее и особенное. – М.: Гардавики, 2002. – 526 с.
3. Конфликты на работе в России: какие они, как решать их и как избежать (TASS): [Электронный ресурс] URL: <https://tass.ru/novosti-partnerov/6193453> (дата обращения: 02.11.2022).
4. Леонов Н. И. Конфликтология: Учеб. пособие / Н. И. Леонов. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Издательство Московского психолого-социального института; Воронеж: Издательство НПО «МОДЭК», 2006. – 232 с
5. Садовников Э. Э., Шевченко С. Г. Конфликты в сфере управления: типы и способы разрешения в условиях кризиса // Российское предпринимательство. 2014. №23 (269). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/konflikty-v-sfere-upravleniya-tipy-i-sposoby-razresheniya-v-usloviyah-krizisa> (дата обращения: 22.11.2022).
6. Соловьева М. Н. Влияние организационной культуры на разрешение конфликтов внутри организации // Экономика и управление: анализ тенденций и перспектив развития. 2013. №8. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vliyaniye-organizatsionnoy-kultury-na-razresheniye-konfliktov-vnutri-organizatsii> (дата обращения: 22.11.2022).
7. Социология управления: Учебник для аспирантов /И. Д. Афонин, Т. И. Бузмакова, Т.Ю. Кирилина [и др.]. – Москва : "Русайнс", 2016. – 312 с.
8. Филиппов А. Ф. Политическая социология. фундаментальные проблемы и основные понятия [Электронный ресурс]. URL:<https://studylib.ru/doc/2356103/politicheskaya-sociologiya-fundamentalnye-problemy-i-osnovnyye-ponyatiya> (дата обращения 11.11.2022г.)
9. Чекмарев О. П., Лукичев П. М., Конев П.А. Факторы изменений рынка труда России под влиянием пандемии covid-19 и стратегии адаптации работодателей // Экономика труда. 2021. №4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/factory-izmeneniya-rynka-truda-rossii-pod-vliyaniem-pandemii-covid-19-i-strategii-adaptatsii-rabotodateley> (дата обращения: 20.11.2022).
10. Эксперты рассказали, как в малых компаниях решали рабочие конфликты в период пандемии [Электронный ресурс]. URL: <https://tass.ru/msp/8826695> (дата обращения 10.11. 2022 г.)
11. Якимова Е. В., Здравомыслов А. Г. Социология конфликта: Россия на путях преодоления кризиса. – М. : Аспект-Пресс, 1995. - 320с // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 11, Социология: Реферативный журнал. 1998. №1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/98-01-008-zdravomyslov-a-g-sotsiologiya-konflikta-rossiya-na-putyah-preodoleniya-krizisa-m-aspekt-press-1995-320s> (дата обращения: 22.11.2022).
12. The impact of the pandemic on the Russian labor market and business environment (PwC): <https://www.pwc.ru/en/research-and-insights/2020/the-impact-of-the-pandemic-on-the-russian-labor-market-and-business-environment.html> (дата обращения 12.11. 2022 г.)
13. Workplace conflict costs US companies \$359 billion. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.inc.com/brian-de-haaff/the-359-billion-problem-driving-your-project-under-the-radar.html> (дата обращения 12.11. 2022 г.)

5.3.3 ПСИХОЛОГИЯ ТРУДА, ИНЖЕНЕРНАЯ ПСИХОЛОГИЯ, КОГНИТИВНАЯ ЭРГОНОМИКА

ОБ АВТОРЕ:

Ю.В. Лисичкина, аспирант 3 года обучения {Психологические науки}, кафедра гуманитарных и социальных дисциплин, Государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования Московской области «Технологический университет имени дважды Героя Советского Союза, летчика-космонавта А.А. Леонова», Королев, Россия.

ABOUT THE AUTHOR:

Y.W. Lisichkina, 3rd year post-graduate student {Psychology}, Department of Humanity and Social Disciplines, State Educational Institution of Higher Education Moscow Region «Leonov Moscow Region University of Technology», Korolev, Russia.

УДК 159.99

ОСОБЕННОСТИ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО Я-ПЕРСПЕКТИВНОГО ИНТЕРНЕТ-РАБОТНИКОВ С РАЗЛИЧНЫМ СТАЖЕМ НЕСТАНДАРТНОЙ ЗАНЯТОСТИ

Лисичкина Ю.В.

Изложены результаты исследования профессионального Я-образа интернет-работников нестандартной занятости, сравнительного анализа профилей профессионального Я-перспективного интернет-работников с различным стажем нестандартной занятости и официально трудоустроенных специалистов. На основе анализа научных работ определяется основные функции профессионального Я-перспективного: отражение ценностей, мотивов и смыслов субъекта трудовой деятельности, определение индивидуальной траектории профессионального саморазвития, формирование профессиональной идентичности.

Доказывается гипотеза о различиях профессионального Я-образа интернет-работников с различным стажем нестандартной занятости. Выявлена тенденция профессиональной маргинализации респондентов, находящихся в условиях нестандартной занятости. Прикладной аспект исследуемой проблемы может быть реализован при разработке программ сопровождения профессиональной ориентации специалистов, обратившихся за помощью в центры занятости с учетом выявленного содержания профессионального Я-образа интернет-работников.

Профессиональное Я-перспективное, интернет-работники, нестандартная занятость, маргинализация.

Для цитирования: Лисичкина Ю.В. Особенности профессионального Я-перспективного интернет-работников с различным стажем нестандартной занятости // Социально-гуманитарные технологии. 2022. №4 (24). С. 47-56.

FEATURES OF PROFESSIONAL I-PERSPECTIVE INTERNET WORKERS WITH DIFFERENT EXPERIENCE OF NON-STANDARD EMPLOYMENT

Lisichkina Y.W.

The results of a study of the professional self-image of Internet workers in non-standard employment, a comparative analysis of the profiles of the professional self-perspective Internet workers with various lengths of work in non-standard employment and officially employed specialists are presented. Based on the analysis of scientific works, the main functions of the professional I-perspective are determined: reflection of the values, motives and meanings of the subject of labor activity, determination of the individual trajectory of professional self-development, formation of professional identity. A hypothesis is proved about the differences in the professional self-image of Internet workers with different length of non-standard employment. The tendency of professional marginalization of respondents who are in conditions of non-

standard employment is revealed. The applied aspect of the problem under study can be implemented in the development of professional guidance support programs for specialists who have applied for help to employment centers, taking into account the identified content of the professional self-image of Internet workers.

Professional I-perspective, Internet workers, precarious work, marginalization.

For citation: Lisichkina Y.W. Features of professional I-perspective internet workers with different experience of non-standard employment. *Sotsial'no-gumanitarnye tekhnologii*. 2022; 4 (24): 47-56. (In Russ.)

Постановка проблемы. Формирование профессионального Я-образа является одним из ключевых факторов реализации личностью своих возможностей, способностей, компетенций. Практика показывает, что многие работники испытывают разочарование в выборе видов и содержания трудовой деятельности из-за неоправданных ожиданий или отсутствия реального образа профессии на этапе учебно-профессиональной подготовки. Отсутствие социальной и экономической стабильности, быстрые и, зачастую, непредвиденные изменения, сопровождающие современную жизнедеятельность личности, обуславливает ряд трудностей построения образа профессии и становления личности как субъекта профессиональной деятельности. В сложных условиях меняющегося рынка труда выбранная и освоенная профессия в ряде случаев становится мало востребованной и низко оплачиваемой. Такая ситуация порождает противоречие между потребностями субъекта и организационно-профессиональной средой, приводит к профессиональной маргинализации, которая находит свое выражение в утрате интереса к труду, ограничением потребностной сферы, поиске наиболее комфортных видов деятельности при сохранении материального вознаграждения. В этой связи возрастает количество специалистов в нестандартной сфере занятости.

Вопросы взаимосвязи нестандартной занятости и психологии субъекта стали широко изучаться отечественными и зарубежными учеными в связи с распространением данного социально-экономического феномена [18]. Исследователи отмечают, что временные контракты, отсутствие официального трудоустройства, низкие заработки, ограниченное участие субъекта в организации деятельности или полное его отсутствие, характерные для нестандартной занятости, оказывает воздействие на мотивацию, надежность деятельности, психологическую безопасность работника [6]. Отдельную категорию лиц нестандартной занятости составляют интернет-работники, которые подвержены психологическому воздействию кибер-технологий. Исследования психологических аспектов деятельности интернет-работника все еще находятся в зачаточном состоянии. Осуществляются попытки определения психологических аспектов таких феноменов, как интернет-доверие, виртуальная командная работа, модель электронного лидерства. Признается факт психологических последствий работы в Интернете на разных уровнях и для разных процессов [16]. Интернет-работники нестандартной занятости, таким образом, оказываются специфичной группой не только из-за особенностей организации трудовой деятельности, но и в связи с повышенным риском психологического воздействия кибер-пространства. Однако в настоящее время проблемы психологии интернет-работников нестандартной занятости остаются мало изученными, а наше исследование позволяет восполнить этот пробел, ответив на некоторые вопросы, связанные с формированием профессионального Я-образа, определяющего качество жизни и деятельности личности.

Краткий обзор исследований.

Согласно представлениям отечественных ученых [5,7,10,13 и др.], образ профессионального будущего лежит в основе модели общения и деятельности личности, является регулятором профессионального поведения, создания ценностей и смыслов трудовой деятельности. Образ профессионального будущего многофункционален и определяется в контексте системы профессионального самоопределения, развития профессионального мастерства [4]; профессионального самосознания [2, 14]. В контексте нашего исследования важно учитывать, что будущий образ профессиональной деятельности является компонентом профессионального

самосознания, в котором отражаются личностные характеристики субъекта, профессионального Я-перспективного.

Согласно исследованиям А.К. Марковой, Е.А. Климова и др. ученых, профессиональное самосознание динамично, а качество его развития зависит от профессиональной деятельности и профессионального совершенствования [7,8,12]. Это положение является основанием для предположения о том, что профессиональное Я-перспективное интернет-работников нестандартной занятости может иметь особые черты, характеризующие ценностно-смысловую сферу субъекта, уровень его профессиональной идентичности.

Профессиональное Я-перспективное – это Я-образ субъекта деятельности, отражающее осознаваемые и неосознаваемые мотивы поведения, чувство принадлежности к профессиональному сообществу, представления о своем соответствии профессиональным стандартам, понимание о своих возможностях и способах профессионального развития. Профессиональное Я-перспективное определяется как сложно структурированная система психических процессов, выражающаяся в актуальном осознании себя в будущей профессиональной деятельности. Содержание профессионального Я-перспективного включает систему представлений человека о себе, оценочные суждения о себе как субъекте профессиональной деятельности в будущем, особенности целевых установок по отношению к профессиональному развитию. Следуя представлениям В.С. Агапова [1], Т.Е. Егоровой [3] и других исследователей о компонентном составе Я-образа, предполагаем, что профессиональное Я-перспективное включает аффективную (переживания относительно своего профессионального будущего); когнитивную (понимание того, какими профессиональными знаниями, умениями и навыками субъект будет обладать в будущем); деятельностную (представление о будущих трудовых действиях) составляющие. Выраженное противоречие между идеальным Я и актуальным профессиональным Я-образом субъекта является причиной смены профессии или мотивации профессионального совершенствования. Идеальный Я-образ субъекта профессиональной деятельности может составлять Я-перспективное. В том случае, если Я-перспективное ограничивается характеристиками Я-актуального, мы имеем дело с низким уровнем развития ценностей самореализации. Такая ситуация может быть обусловлена множественными внешними факторами (например, низкий уровень организационной культуры, неудовлетворительный уровень материального вознаграждения) и внутренними условиями (например, низкая самооценка, высокая тревожность, высокий уровень социальных страхов). Схожую позицию мы встречаем в работе В.Н. Козиева, где раскрывается содержание ретроспективного, актуального, идеального, рефлексивного Я-образов [8]. При этом, ретроспективное Я выполняет функцию оценочной шкалы актуального Я, рефлексивное Я выступает показателем отношения профессионального коллектива к результатам деятельности субъекта, идеальное Я – ценностный ориентир, выступающий регулятором профессионального развития. Понимание профессионального Я-образа в соотношении с представлениями субъекта деятельности о себе является одной из попыток определить механизм динамики профессионального Я-образа и обусловленность Я-перспективного особенностями Я-прошлого и Я-актуального. Подобная попытка была предпринята также К.М. Левитаном, который рассматривал Я-образ как отражение в сознании субъекта отношения других к нему как профессионалу, актуальное Я – представление субъекта о себе в настоящее время, идеальное Я – желания субъекта относительно собственных профессиональных достижений [9]. Однако, мы не встретили исследований, которые бы представили целостную картину системной детерминации компонентов профессионального Я - образа.

Профессиональное Я-перспективное является отражением направленности личности на будущее, планирования перспектив с учетом своих возможностей и внешних социально-экономических факторов. В современной действительности прогноз развития осложняется тем фактом, что компьютерные технологии развиваются быстрее, чем образовательный процесс, а содержание рабочих программ учебно-профессионального процесса не в полной степени соответствует требованиям производства или качеству трудового процесса. Например, сегодня учитель обязан использовать компьютерные технологии в учебном процессе, в оценивании знаний, при оформлении документации. Однако учителя имеют лишь те компетенции, которыми они овладели в вузе, сами же технологии постоянно совершенствуются, а познавательная гибкость и обучаемость

учителя может не соответствовать этим изменениям. В этом случае, не помогают даже курсы повышения квалификации. Это повышает психическую напряженность, тревогу, чувство некомпетентности работника. В связи с этим обстоятельством субъект вынужден формировать свой профессиональный потенциал непосредственно в деятельности, развивая свои когнитивные функции и познавательную активность. Учитывая тот факт, что жизнедеятельность по своей наполненности шире, чем работа (семья, увлечения и др.), у человека может не хватать времени для дополнительного освоения необходимых новых компетенций. Профессиональное совершенствование – это не один факт освоения какой-либо функции, а система, включающая прогнозирование своего профессионального будущего и самореализации, опираясь на новейшие достижения в развитии компьютерных технологий. То есть, профессиональное совершенствование требует комплекса затрат: психологических, временных, а, иногда, и материальных. По всей видимости, может образоваться такая категория специалистов, чьи способности и возможности не позволяют им соответствовать всем требованиям, что является «запуском» процесса профессиональной маргинализации, а, в дальнейшем, ухода из профессии. В этой связи необходима разработка концепции профессионализации личности в изменяющихся технологических, социальных, экономических условиях. Раскрытие содержания профессионального Я-перспективного работников нестандартной занятости, на наш взгляд, является определенным вкладом в развитие данной концепции.

Разработка психологических аспектов профессионализации находит свое отражение в исследованиях Н.С. Пряжникова, Э.Ф. Зеера, Г.М. Белокрыловой, К.А. Володиной, С.Л. Маркова, Л.М. Митиной и др. Авторы подчеркивают роль личной активности субъекта в планировании, прогнозировании и успешности профессиональной деятельности. Поэтому прообраз профессионального Я является, в сущности, инструментом проектирования вектора профессионального развития субъекта, формирования готовности к изменениям в жизнедеятельности. Вынужденные отклонения от намеченного направления приводят к чувству отчуждения от профессионального сообщества и профессии, к неудовлетворенности не только собственным профессиональным статусом, но и жизнью.

Исходя из концепции стадийного профессионального развития [4], можно предположить, что профессиональное Я-перспективное будет неодинаковым в различные периоды становления личности как профессионала. Учитывая выше приведенные факторы внешней изменяющейся ситуации, необходимо особо отметить, что современный субъект профессиональной деятельности вынужден менять профиль своего профессионального будущего не только в соответствии с возрастными этапами развития личности, но и из-за необходимости постоянной адаптации к изменениям технологического или организационного характера. При этом профессиональное Я-перспективное помогает человеку адаптироваться, формируя психологическую готовность к предстоящим трудностям в будущем.

Обращаясь к проблематике нашего исследования и к вопросу о динамичных и нестабильных условиях сегодняшнего социально-экономического пространства, мы ссылаемся на работы Э.Ф. Зеера, где раскрывается феномен асимметрии профессионального будущего как неопределенность профессионализации и характеризуемого неясностью профессионального образования; рассогласованностью ценностных и смысловых ориентиров прошлого, настоящего и будущего [4]. Автор отмечает, что постоянно изменяется структура занятости работников, повышается скорость психологического времени человека.

В начале XXI века активно начали разрабатывать проблемы психологии работника нестандартной занятости. Выявлены положительные связи между нестандартной занятостью и низким уровнем надежности [18], негативными психическими состояниями работника [17], мотивацией деятельности [15]. Наше исследование позволяет получить новые данные, касающиеся психологии работников нестандартной занятости.

Методы.

Целью нашего исследования стало определение особенностей профессионального Я-перспективного интернет-работников с различным стажем нестандартной занятости. При этом под нестандартной занятостью понимается любой вид деятельности, при которой у работника не

оформлен трудовой договор с организацией, что позволяет ему не оплачивать налоги от доходов. Основной гипотезой исследования выступило предположение о наличии различий в содержании профессионального Я-перспективного у интернет-работников в зависимости от стажа занятости. Мы также предположили, что профиль профессионального Я официально трудоустроенных интернет-работников имеет отличие от работников нестандартной занятости. В опросе участвовали 20 респондентов со стажем от 1 до 3-х лет стажа нестандартной занятости. Средний возраст испытуемых - 21,7 лет. 25 респондентов со стажем 4 и более лет нестандартной занятости. Средний возраст испытуемых данной группы респондентов – 34,6 лет; 52 респондента – официально трудоустроенные, из них 19 респондентов, средний возраст которых 22,5 лет; 23 респондента, средний возраст которых составляет 32 года. Возрастные характеристики официально трудоустроенных респондентов важно учитывать при сравнительном анализе данных, полученных в различных группах. Респонденты занимаются следующими основными видами деятельности в интернет пространстве: написание научных или популярных текстов, теггинг, консультирование, руководство сайтом.

Эмпирическим методом исследования стал опрос с помощью опросника «Профессиональное Я-перспективное» Лисичкина Ю.В., Захаровой Н.Л. [11]. Опросник включает 25 утверждений, которые построены на типичных профессиональных ситуациях и не имеют непосредственной связи со спецификой какой-либо профессии. Цель методики – диагностика представлений личности о себе как субъекте профессиональной деятельности в прошлом, настоящем и будущем. Испытуемый оценивает собственные профессиональные качества и деятельность по 10-балльной системе.

Ситуации представлены высказываниями, представляющие следующие аспекты: (1) Профессиональное самоопределение (удовлетворенность профессиональным выбором; удовлетворенность содержанием профессиональной деятельности; интерес к профессиональной деятельности; удовлетворенность вознаграждением за деятельность); (2) Целенаправленность профессиональной деятельности (умение ставить цели, связанные с моей профессией; умение достигать целей, связанных с профессией; планирование профессиональной карьеры); (3) Профессиональная самоэффективность (профессиональная успешность; самореализация в профессии; уровень профессионального мастерства; уверенность в себе как профессионале; готовность к экстремальным ситуациям в деятельности; профессиональный опыт; безошибочность деятельности); (4) Ценностные позиции по отношению к профессии (понимание значимости профессии для общества; интерес к творчеству в профессиональной деятельности; инновации в профессиональной деятельности; интерес к руководящей и наставнической деятельности); (5) Профессиональная автономия (наличие необходимой информации для выполнения профессиональной деятельности; понимание содержания деятельности; дисциплинированность при выполнении деятельности; самостоятельность в деятельности; готовность самостоятельно принимать решения для изменений в организации; управленческие компетенции).

Методы обработки эмпирических данных: количественный и качественный анализы, статистическая обработка с применением t-критерия Стьюдента.

Результаты и их обсуждение.

Существуют различия в оценивании собственного профессионального самоопределения (шкала «Профессиональное самоопределение») молодыми респондентами и интернет-работниками нестандартной занятости со стажем более 4 лет (рис.1). Молодые работники, в целом, не удовлетворены совершенным выбором профессии, содержанием выбранной трудовой деятельности, уровнем материального вознаграждения, предусмотренного данным видом деятельности. Они полагают, что в будущем, они не смогут удовлетворить свои потребности в избранной профессии. Можно сказать, что так называемые «подработки» в интернет - пространстве являются для молодых работников лишь средством существования, а не деятельностью, которой они готовы заниматься для самореализации. Работники со стажем нестандартной занятости более 4 лет удовлетворены собственным профессиональным выбором, который они совершили в начале своей трудовой деятельности. Однако наблюдается нисходящая динамика: уровень удовлетворенности настоящим и будущим снижается. Работники не уверены в том, что они в будущем будут удовлетворены содержанием деятельности.

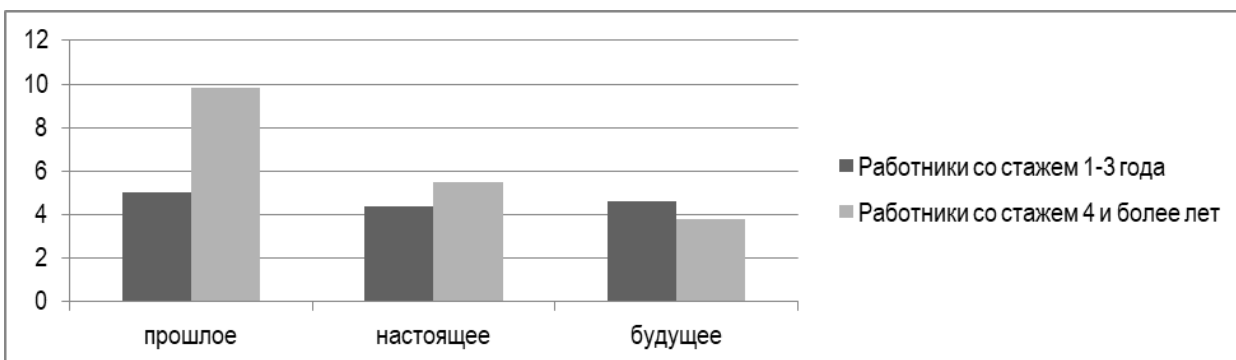

Рисунок 1. Профессиональный Я-образ интернет-работниками с различным стажем нестандартной занятости: данные шкалы «Профессиональное самоопределение»

Такие данные свидетельствуют о маргинализации субъектов деятельности, формировании негативного или неопределенного профессионального Я-образа, который отличается высокой устойчивостью. Похожая картина наблюдается в оценках себя респондентами относительно постановки целей и решения задач в деятельности (шкала «Целенаправленность профессиональной деятельности») (рис.2).

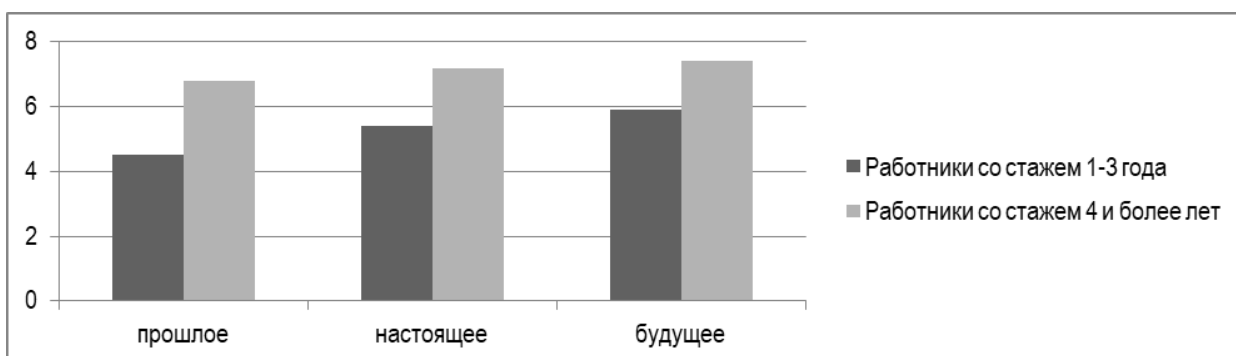

Рисунок 2. Профессиональный Я-образ интернет-работниками с различным стажем нестандартной занятости: данные шкалы «Целенаправленность профессиональной деятельности»

Молодые интернет-работники невысоко оценивают собственные умения ставить и достигать цели, связанные с профессией, планировать трудовую карьеру. Оценки прошлого, настоящего и будущего находятся в одинаковых пределах: 4,5 – 5,6 баллов. Работники со стажем более 4 лет высоко оценивают свои умения в области постановки и достижения целей, уверены в своем профессионализме и решении сложных профессиональных задач. Наименьший оптимизм проявляется по показателю «Планирование профессиональной карьеры»: в настоящем среднее значение – 1,7 б., в будущем – 3,6 б., что является показателем низкого уровня. Такие данные показывают, что интернет-работники нестандартной занятости не имеют представлений о выстраивании собственной профессиональной деятельности в секторе экономики, где возможно продвижение карьеры, т.е. при официальном трудоустройстве. Это может быть связано с рядом причин: с низкой мотивацией карьерного роста, неуверенности в своих профессиональных и личностных качествах, в разочаровании в системе построения карьеры в государственном секторе.

Имеются существенные различия респондентов с различным стажем деятельности по шкале «Профессиональная самоэффективность» (рис.3).

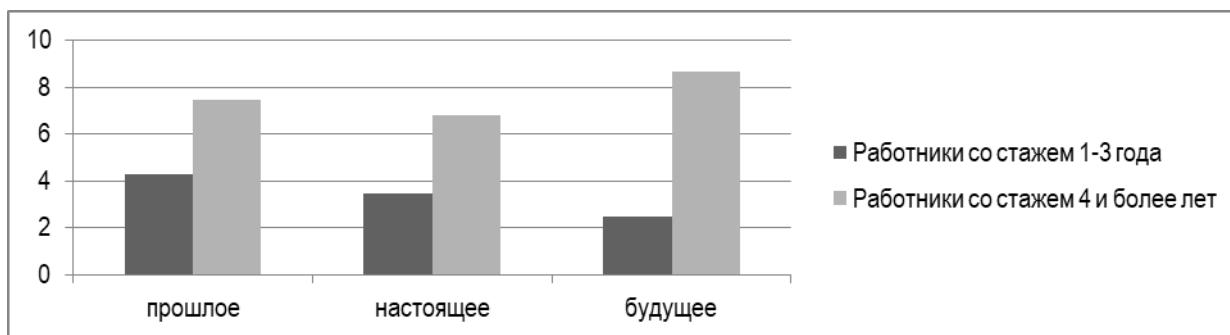

Рисунок 3. Профессиональный Я-образ интернет-работников с различным стажем нестандартной занятости: данные шкалы «Профессиональная самоэффективность»

Данные опроса свидетельствуют, что у молодых работников доминируют отрицательные эмоции относительно выбранной профессиональной деятельности, негативный профессиональный Я-образ, мотивация избегания неудач. Работники со стажем более высоко оценивают собственный профессиональный опыт, что позволяет им оптимистичнее относиться к своему профессиональному будущему. Они полагают, что их уровень профессионального мастерства и готовность решать сложные профессиональные задачи позволит им в будущем подтверждать собственную значимость в работе и иметь перспективы профессионального саморазвития. Высокий уровень уверенности в себе, мотивации изменения профессионального статуса, повышения профессионального уровня снижает степень профессиональной маргинализации субъектов деятельности, оценивающих себя как профессионалов своего дела.

По шкале «Ценностные позиции по отношению к профессии» наблюдается нисходящая динамика в обеих группах респондентов (рис.4).

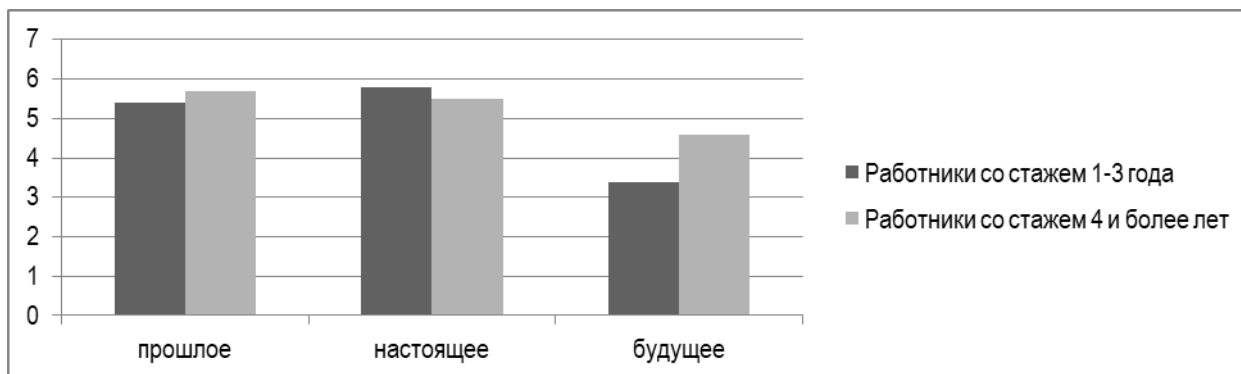

Рисунок 4. Профессиональный Я-образ интернет-работников с различным стажем нестандартной занятости: данные шкалы «Ценностные позиции по отношению к профессии»

Эмпирические данные показывают, что ценности деятельности, значимые для субъекта в прошлом, в настоящем не являются приоритетными. Снизился уровень восприятия профессии как значимой для общества, резко упал интерес к инновационной или творческой деятельности, а также к руководящей или наставнической видам работы. Интернет-работники нестандартной занятости в настоящем и будущем, в большинстве случаев, не видят себя в значимой для общества профессии, т.е. их интересы могут ограничиваться стремлением лишь к материальному благополучию. Возможно, такая ситуация позволяет говорить о наличии имплицитных мотивов изменения профессиональной ситуации: наличие в прошлом ценностей инновации, творческого подхода может актуализироваться в благоприятной организационно-профессиональной среде в условиях формальной занятости.

Согласно данным, иллюстрирующим профессиональный Я-образ респондентов по шкале «Профессиональная автономия», респонденты с большим стажем нестандартной занятости в прошлом, настоящем и будущем оценивают себя выше среднего, а, в некоторых случаях, оценки достигают самых высоких значений (рис.5). Респонденты высоко оценивают собственные

способности понимать задачи деятельности, умения самостоятельно находить необходимую информацию и принимать соответствующие решения, управлять собой и деятельностью других.

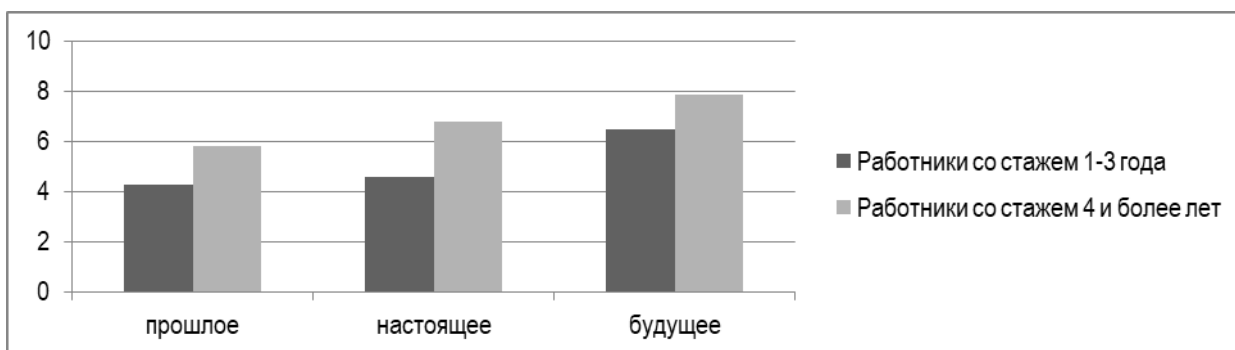

Рисунок 5. Профессиональный Я-образ интернет-работников с различным стажем нестандартной занятости: данные шкалы «Профессиональная автономия»

Восходящая динамика оценки собственной профессиональной автономии у молодых работников свидетельствует о стремлении к достижению высокого уровня автономии, выраженной в возможности и способностях принимать самостоятельные решения, высокой дисциплине и ответственности, четкого понимания требований и норм профессиональной деятельности.

Для представителей профиля профессионального Я-образа работников со стажем нестандартной занятости более 4 лет характерна устойчивость профессиональных установок, ценностей относительно выбора профессии (рис.6). Карьерные ориентации не имеют яркой выраженности. Доминирование низкого уровня автономии, выраженного в отсутствии стремления к самостоятельности низком уровне ответственности за принятие решений. Деятельность не планируется самостоятельно. Устойчивая низкая самооценка, что не позволяет успешно адаптироваться в различных условиях профессиональной деятельности. Они надеются на достижение высокого уровня профессионализма, что позволит им, как они полагают, управлять деятельностью других работников.

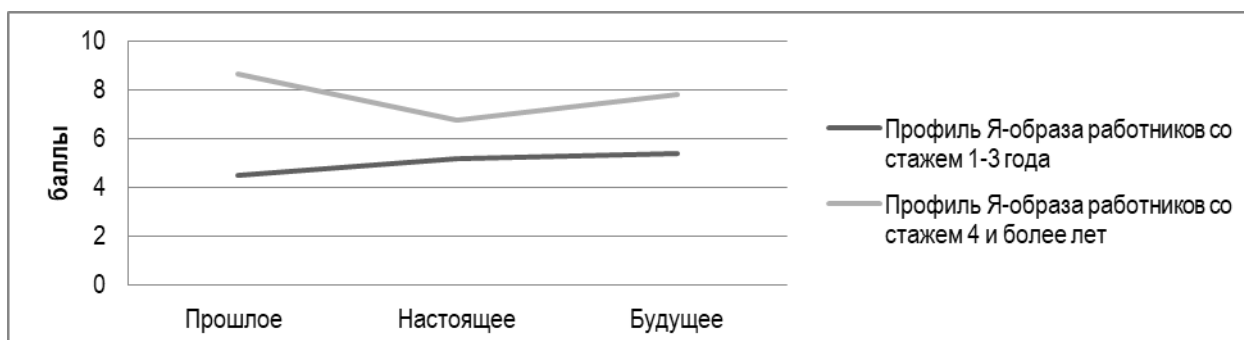

Рисунок 6. Профили профессионального Я-образа интернет работников с различным стажем нестандартной занятости

Профиль, характерный для респондентов со стажем менее 3 лет, характеризуется устойчивой низкой самооценкой, разочарованием в выбранной профессиональной деятельности. У них проявляются признаки маргинализации: отсутствие интереса к деятельности, низкий уровень удовлетворенности результатами деятельности. Изменяются профессиональные интересы, повышается уровень формального отношения к решению профессиональных задач, неуверенность в себе. Преобладает низкий уровень готовности к принятию самостоятельных решений.

Результат расчета t-критерия Стьюдента показали, что респонденты со стажем 1-3 года с различными видами занятости (официально трудоустроенные и нестандартно занятые) не имеют существенных различий ($t_{кр} = 2,31$, при $p \leq 0.05$; $t_{кр} = 3,36$, при $p \leq 0.01$) профилей профессионального Я-образа. Это связано с тем фактом, что современное молодое поколение, представленное

респондентами обеих групп, наиболее ориентировано на успех «здесь и сейчас», будущее становится малозначимым, основные усилия направлены на достижение краткосрочных результатов.

Респонденты со стажем 4 и более лет стажа деятельности показали различия: $t_{кр}=2,31$, $p \leq 0,05$; $t_{кр}=3,36$, при $p \leq 0,01$ $t_{эмп} = 5,7$ находится в зоне значимости. Согласно полученным данным, официально трудоустроенные работники обладают профилем, который характеризуется оптимистичными взглядами, уверенностью в перспективе профессионального роста, по сравнению с работниками нестандартной занятости, имеющим стаж нестандартной занятости более 4-х лет (рис. 7).

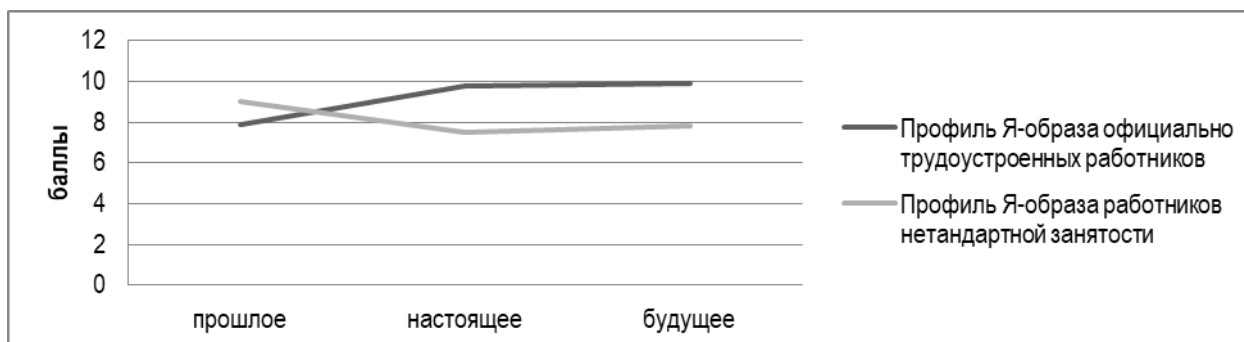

Рисунок 7. Профили профессионального Я-образа интернет-работников с различным видами занятости

Выявленные различия свидетельствуют о существенных преимуществах официального трудоустройства граждан в отношении их профессионального благополучия, чувства уверенности в профессиональном развитии и адаптации к изменяющимся условиям.

Заключение и выводы.

Таким образом, профессиональный Я-образ интернет-работников с различным стажем нестандартной занятости имеет общие и отличительные черты. Общей характеристикой профессионального Я-образа является: отсутствие ясных представлений о карьерном и профессиональном росте, о самореализации в значимой для общества деятельности. У официально трудоустроенных интернет-работников доминирует восходящая динамика профессионального Я-образа от высокой оценки своих качеств к высокому оцениванию себя как профессионала в будущем.

Исследование показало, что молодые интернет-работники нестандартной занятости характеризуются растерянностью и дезориентацией, отсутствием позитивных перспектив собственного развития. Позволим предположить, что такая ситуация со временем может проявиться в форме внутриличностных конфликтов, кризисов, неблагоприятно повлиять на будущую жизнь. Наблюдается общая неудовлетворенность профессиональным самоопределением, материальным и социальным статусом, свойственным для выбранного вида деятельности. Для них характерна также низкая оценка собственных возможностей самореализоваться в профессии.

У работников со стажем нестандартной занятости более 4 лет наблюдается снижение уровня удовлетворенности настоящим и будущим, профессиональное Я-перспективное характеризуется в большей степени неопределенностью своего будущего и чувством бесперспективности.

В связи с полученными данными, является важным организация помощи нестандартно занятым работникам в выстраивании профессиональной карьеры в официальном секторе экономики. Отчуждение от профессии и маргинализация субъекта профессиональной деятельности является значимым поводом для пересмотра системы в целом и отдельных технологий помощи человеку в трудоустройстве.

Литература:

1. Агапов В.С. Становление Я-концепции в управленческой деятельности руководителей. М.: Изд-во ООО «ПКЦ Альтекс», 2012. 488 с.
2. Деркач А. А. Психология развития профессионала. М.: МРАГС, 2000. 125 с.

3. Егорова М.А. Модель профессиональной подготовки специалиста-психолога для системы образования // Психологическая наука и образование. 2003. №4. С. 21– 27.
4. Зеер Э.Ф., Сыманюк Э.Э. Теоретико-прикладные основания прогнозирования профессионального будущего человека// Фундаментальные исследования.2014. № 9-8. С. 1863-1869.
5. Иванова Н.Г. Методологические основы исследования проблемы мотивации личности к профессиональной деятельности // Психология в XXI веке: перспективы развития / Материалы VI Костюковских чтений. Т.2. 2019. С.59-63.
6. Капелюшников Р.И. Нестандартные формы занятости и безработицы в России. М.: ГУ – ВШЭ , 2004. http://www.hse.ru/data/2010/05/04/1216409954/WP3_2004_06.pdf
7. Климов Е. А. Введение в психологию труда. М.: ЮНИТП, 1998. 350 с.
8. Козиев В.Н. Психологический анализ профессионального самосознания учителя/ Дис. ... к. психол. н.: 19.00.07. Ленинград, 1980. 250 с.
9. Левитан К.М. Деонтологический аспект в высшем образовании//Специальное образование. 2015. № 3. С.149 – 159.
10. Леонтьев А.Н. Образ мира. Избранные психологические произведения. М.: Педагогика, 1983. С. 251– 261.
11. Лисичкина Ю.В., Захарова Н.Л. Опросник «Профессиональное Я-перспективное»: общая характеристика, надежность и внешняя валидность//Человеческий капитал. 2023. № 3 (171).
12. Маркова А.К. Психология профессионализма. М.: «Знание», 2014. 308с.
13. Регуш Л.А. Психология прогнозирования: успехи в познании будущего. СПб.: Речь, 2003. 351 с.
14. Шлыкова А.П. Особенности профессиональной идентичности работников неформальной занятости//Человеческий капитал. 2022. № 4 (160). С. 240 – 248.
15. Fritsch M., Sorgner A., Wyrwich M. Self-Employment and Well-Being Across Institutional Contexts Self-Employment and Well-Being Across Institutional Contexts//Journal of Business Venturing.2018.34(6). DOI:10.1016/j.jbusvent.2019.105946.
16. Hoffman M., Blake J. COMPUTER LITERACY: TODAY AND TOMORROW. Department of Computer Science and Interactive Digital Design CL-AC1, Quinnipiac University, 2003. https://www.researchgate.net/publication/228685085_Computer_literacy_Today_and_tomorrow
17. Porta D. D., Hänninen S., Siisiäinen M., Silvasti T. The Precarization Effect// The New Social Division. Making and Unmaking Precariousness. Publisher: Palgrave Macmillan. 2015. Pp. 1-24.DOI:10.1057/9781137509352_1
18. Wiengarten F., Pagell M., Durach C. F. Humphreys P. Exploring the performance implications of precarious work//Journal of Operations Management. 2021. № 67 (2). DOI:10.1002/joom.1155.

ОБ АВТОРАХ:**С.С. Костыря,**

кандидат психологических наук, доцент, доцент кафедры гуманитарных и социальных дисциплин, Государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования Московской области «Технологический университет имени дважды Героя Советского Союза, летчика-космонавта А.А. Леонова», Королев, Россия.

А.А. Пономаренко,

аспирант 2 года обучения {Психологические науки}, кафедра гуманитарных и социальных дисциплин, Государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования Московской области «Технологический университет имени дважды Героя Советского Союза, летчика-космонавта А.А. Леонова», Королев, Россия.

ABOUT THE AUTHORS:**S.S. Kostyrya,**

PhD {Psychology}, Associate professor, Associate professor of the Department of Humanity and Social Disciplines, State Educational Institution of Higher Education Moscow Region «Leonov Moscow Region University of Technology», Korolev, Russia

A.A. Ponomarenko,

2nd year post-graduate student {Psychology}, Department of Humanity and Social Disciplines, State Educational Institution of Higher Education Moscow Region «Leonov Moscow Region University of Technology», Korolev, Russia.

УДК 159.99**ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О ДЕТЕРМИНАЦИИ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ СПЕЦИАЛИСТОВ СОЦИАЛЬНОЙ СФЕРЫ**

Костыря С.С., Пономаренко А.А.

Предметом исследования являются факторы и условия профессиональной идентичности личности. Исследование представляет собой теоретический анализ подходов к определению детерминант профессиональной идентичности. Рассматриваются такие аспекты как компоненты, содержание, становление и динамика профессиональной идентичности. Обобщается опыт зарубежных и отечественных ученых о роли социально-психологических и индивидуальных факторов в становлении и развитии идентичности субъекта профессиональной деятельности. Обосновывается положение о взаимной детерминации профессиональной идентичности и самоэффективности, рефлексивных способностей субъекта, удовлетворенности деятельностью, профессиональным менталитетом. Автор приходит к выводу о системном подходе к обоснованию детерминации и динамики профессиональной идентичности.

Профессиональная идентичность, профессиональное сообщество, детерминанты, социальная сфера, рефлексивные способности, профессиональный менталитет.

Для цитирования: Костыря С.С., Пономаренко А.А. Представления о детерминации профессиональной идентичности специалистов социальной сферы // Социально-гуманитарные технологии. 2022. №4 (24). С. 57-64.

CONCEPTS ON THE DETERMINATION OF PROFESSIONAL IDENTITY OF SOCIAL SPECIALISTS

Kostyrya S.S., Ponomarenko A.A.

The subject of the study is the factors and conditions of the professional identity of the individual. The study is a theoretical analysis of approaches to determining the determinants of professional identity. Such aspects as components, content, formation and dynamics of professional identity are considered. The experience of foreign and domestic scientists on the role of socio-psychological and individual factors in the formation and development of the identity of the subject of professional activity is summarized. The position on mutual determination of professional identity and self-efficacy, reflexive abilities of the subject, satisfaction with activity, professional mentality is substantiated. The author comes to the conclusion about a systematic approach to the justification of the determination and dynamics of professional identity.

Professional identity, professional community, determinants, social sphere, reflexive abilities, professional mentality.

For citation: Kostyrya S.S., Ponomarenko A.A. Concepts on the determination of professional identity of social specialists. *Sotsial'no-gumanitarnye tekhnologii*. 2022; 4 (24): 57-64. (In Russ.)

Концептуализация и функциональная роль профессиональной идентичности специалиста социальной сферы являются широко обсуждаемой темой в различных областях научного знания. Изучение профессиональной идентичности сопряжено с разработкой фундаментальных проблем профессионализации, корпоративной культуры, самооффективности, агентности. Профессиональная идентичность, выраженная, в общем смысле, в представлениях субъекта о себе как субъекте труда и соотношении когнитивно-эмоционального отражения собственной личности и своей профессиональной деятельности, является одним из значимых показателей профессионализации субъекта деятельности, формирования и развития его профессиональных ценностей, антиципационных установок, формируемых мотивов деятельности.

Проблема развития профессиональной идентичности специалиста социальной сферы характеризуется высокой значимостью, которая в теоретическом плане обусловлена недостаточной разработанностью с точки зрения системного определения закономерностей развития профессионально-ментального пространства субъектов деятельности.

Согласно A-M. Fray, S. Picouleau, выделяются три компонента профессиональной идентичности: идентичность по профессии, по принадлежности к группе и по отношению к компании. Следуя логике авторов, профессиональная идентичность, прежде всего, связана с характеристиками профессии, поскольку каждая профессия имеет объективное определение, общее для всех членов профессионального сообщества. Индивид идентифицирует себя с трудовой деятельностью, а использование его знаний, личного стиля действий, стратегий и навыков в деятельности составляют содержательную характеристику его профессиональной идентичности. Человек строит свою профессиональную идентичность на протяжении всего своего обучения профессии и совершенствования [11].

Л.В. Клименко, О.Ю. Посухова указывают, что профессиональная идентичность неразрывно связана с принадлежностью специалиста профессиональному сообществу, а ее становление с необходимостью предполагает овладение социальными ролями и формированием отношений в коллективе коллег, имеющем определенный комплекс профессиональных ценностей. Однако, содержание и специфика профессиональной идентичности, по мнению авторов, обусловлены множеством макросоциальных контекстов: престижностью профессии, вознаграждением за труд, возможностью построения карьеры. На основе результатов профессиональной идентичности учителей, авторы заключают, что в современных условиях значимыми факторами являются корпоративная лояльность, социально ориентированная мотивация, социальная адаптация. При этом барьерами развития профессиональной идентичности являются административная нагрузка, высокие требования к результатам деятельности и прекариатизация труда [3].

D.J. Provan, S.W.A.Dekker, A.J. Rae расширяют факторную модель профессиональной идентичности, включая в нее опыт, характерологические особенности личности, мотивы, убеждения, ценности, карьерный путь, статус специалиста, его востребованность со стороны общества и отдельных организаций [16]. Нельзя не согласиться с данным подходом, который включает как объективные факторы (например, признание обществом заслуг специалиста), так и внутренние условия (индивидуальные свойства личности) развития профессиональной идентичности. На наш взгляд, системный подход к определению детерминации и динамики профессиональной идентичности с необходимостью требует учета психофизиологической цены труда, при которой важными является соотношение психофизиологических особенностей субъекта деятельности, его способностей преодолевать трудности с требованиями профессиональной деятельности.

Отдельного внимания заслуживают исследования, раскрывающие роль профессионального сообщества в развитии идентичности субъекта профессиональной деятельности. Очевидно, что профессиональная идентичность строится через принадлежность к группам: эти группы могут быть командой, специалистами, находящимися на одном иерархическом уровне, связанными общей целью или деятельностью. Любая группа однородной принадлежности по действиям, ценностям, нормам, поведению и убеждениям является источником построения идентичности. Труд рассматривается как

пространство профессиональной социализации и общей идентификации. Принадлежность к организации или какой-либо компании, таким образом, является вектором идентичности. М.-Р. Thollon-Behar указывает, что профессиональная идентичность специалистов социальной сферы зависит не только от психосоциальных рисков профессии, а также от поддержки команды, взаимосвязи между различными подразделениями, опыта как отдельного субъекта, так и команды в целом [17].

Процессы развития профессиональной идентичности и ценностной сферы субъекта труда являются взаимодействующими категориями [4]. Профессиональные ценности формируются в деятельности, и, в конечном итоге, определяют принятие или отвержение профессиональной роли специалистом. Так, М. Mouret, D. Castro полагают, что в этом процессе особую роль играют такие ценности как стремление к изменению образа жизни, укреплению здоровья, управлению стрессом, самоэффективности, специализированная подготовка, возможность карьерного роста и осуществлять профессиональную деятельность в различных организациях [14]. Было обнаружено, что человек, идентифицирующий себя с ценностями своей профессии, будет воспринимать их как свои собственные и рассматривать себя как неотъемлемую часть профессии [15].

A. Dehon, A. Derobertmeasure, M. Demeuse в контексте исследования профессиональной идентичности специалистов социальной сферы отмечают значимость развития саморефлексии, навыков общения, планирования, управления и оценки ситуаций [10]. О неизбежности кризисов профессиональной идентичности пишет Н.А. Перинская, подчеркивая роль рефлексии личности в процессе профессионализации: осознание несоответствия профессиональной компетентности требованиям профессии, по мнению автора, является значимым фактором профессионального совершенствования [5]. О роли осознания (осмысленности) в жизнедеятельности субъекта указывают в своей работе С. Coyette, J. Claus, A. Thelen, отмечая, что интерпретация норм и требований является процессом индивидуализированным [9].

D. Castro обозначает факторы, способствующие формированию профессиональной идентичности психолога как представителя социальных профессий: образование, разнообразный социальный и профессиональный опыт, жизненный путь. Автор указывает на взаимодействующую профессиональную идентичности и жизненного пути: «... профессиональная идентичность представляет собой психологический фундамент, вокруг которого профессионал строит себя на протяжении всей своей жизни» [8, с. 22]. При этом обозначаются функции профессиональной идентичности: обеспечение профессионального развития работников путем присвоения навыков, освоения и углубления новых знаний; создание новых форм действий, методов, создание смыслов, которые приобретаются в профессиональном контексте путем моделирования отношений, эмоций и поведения [8].

Исследователи утверждают, что профессиональная идентичность динамична, представляя собой непрерывный процесс [2,6 и др.]. Существенным дополнением данных положений может быть мнение о профессиональном менталитете Ю.В.Бессоновой, А.А. Обознова: сформировавшийся профессионал, считают отечественные ученые, обладает ценностями и целями, установками и стратегиями, характерными для надежной и эффективной деятельности [1]. Следуя логике авторов, профессиональная идентичность специалиста означает приобретение и развитие профессионального менталитета, свойственного данной профессиональной группе для достижения успеха в трудовой деятельности.

При исследовании вероятной связи между профессиональной идентичностью и самоэффективностью установлено, что существует прямая и значительная связь между индивидуальной профессиональной идентичностью и идентичностью групповой [12]. На основе факторного анализа исследователи выявили три фактора личной профессиональной идентичности специалиста социальной сферы: уверенность в выборе профессии, профессиональная состоятельность и чувство сопричастности с профессией. Были обнаружены также факторы групповой профессиональной идентичности: профессиональная вовлеченность, знание профессиональных правил и отношение к профессии.

D. Weijaard и др. утверждают, что частью профессиональной идентичности является чувство собственной эффективности. Самоэффективность — это восприятие человеком своих способностей

выполнять определенную задачу [7]. Убедительно доказано, что самоэффективность, профессиональная востребованность и профессиональная идентичность являются тесно взаимосвязанными феноменами. Термин «самоэффективность» применяется к профессиональной сфере и определяется как способность профессионала контролировать события, влияющие на его профессиональную жизнь. Исследования самоэффективности показали положительную связь между самоэффективностью и переменными, связанными с работой консультанта, такими как рабочая среда, результативность, уровень тревожности и удовлетворенности [13].

Анализ литературы позволяет сформулировать ключевые положения исследования профессиональной идентичности. Во-первых, профессиональная идентичность признается ключевым компонентом профессионализации, самореализации субъекта в деятельности, функционирования сложной системы «человек-профессия-среда». Профессиональная идентичность формируется как компонент профессионального менталитета под влиянием системы объективных и субъективных факторов. Во-вторых, профессиональная идентичность специалиста социальной сферы является специфическим феноменом, обусловленным особенностями задач и условий деятельности при выполнении различных функций, формируется в процессе деятельности при условии динамики самооценки, когнитивной переработки требований к профессии, овладении профессиональными ролями.

Исследования, проведенные зарубежными учеными, свидетельствуют о выявленных факторах риска профессиональной идентичности. Так, особое внимание уделяется понятию «психосоциальные риски», среди которых можно выделить технологические и коммуникативные изменения, появление и распространение индивидуалистических ценностей. Основываясь на исследованиях D. Castro, можно заключить, что данный конструкт, включающий когнитивную репрезентацию выбора целей, самоопределения и автономии, опосредует отношения между требованиями, ресурсами, с одной стороны, и психологическим благополучием, – с другой [8].

Определяя ресурсы для формирования и развития профессиональной идентичности, отечественные и зарубежные ученые рассматривают такие психологические условия, как оптимизм, жизнестойкость, самоуважение [1,5,14]. Оптимизм в общем понимании определяется готовностью личности расценивать сложные ситуации как вызовы, а трудности – как временные явления, которые необходимо преодолевать. Самоуважение можно определить как восприятие человеком собственной ценности. Позитивное представление о себе традиционно считается важным компонентом психологического и профессионального здоровья. Жизнестойкость традиционно определяется авторами как способность жить и развиваться, несмотря на неблагоприятные или даже катастрофические обстоятельства.

Выше изложенные теоретические положения послужили основой для проведения эмпирического исследования взаимосвязей профессиональной идентичности и психологического благополучия как интегральной характеристики психологического статуса субъекта профессиональной деятельности. Мы предположили, что существует специфика взаимосвязей между компонентами психологического благополучия и профессиональной идентичности личности. Для доказательства или опровержения нашего предположения в 2022-2023 гг. (октябрь-февраль) было проведено эмпирическое исследование. Выборку составили студенты колледжей Москвы и Подмосковья в количестве 180 человек, обучающиеся техническим (информационные системы и программирование, технология машиностроения, технология металлообрабатывающего производства), и творческим (народное художественное творчество, музыкальное искусство эстрады) специальностям.

Методом исследования явилось тестирование с помощью теста «Идентичность-маргинализм» Е.П. Ермолаевой, опросника психологического благополучия К. Рифф (в модификации Т.Д. Шевеленковой, П.П. Фесенко). Методы обработки эмпирических данных: количественный и качественный анализы, статистическая обработка с применением пакета программ («Statistica 20. 0», «Microsoft Excel»), коэффициента корреляции Пирсона.

Анализ корреляционных связей показателей психологического благополучия и профессиональной идентичности показал следующее (таблица 1). С повышением психологического благополучия, связанного с позитивным отношением к окружающим, увеличивается ответственность

к делу, стремление к профессиональному совершенствованию. Можно утверждать, что психологическое благополучие студентов определено восприятием будущей профессиональной деятельности как социально важной, в которой важно проявлять готовность к овладению инновационными технологиями. Отрицательная связь между показателями шкалы «Человек и профессия: профессиональный статус и динамика» и уровнем психологического благополучия здесь свидетельствует о том, что в ситуациях, нарушающих чувства удовлетворенности отношениями с другими, студенты готовы изменить ситуацию. Данная мобильность, по всей видимости, может означать нетерпимость, обусловленную юношеским максимализмом: «Если мне здесь плохо с другими, я могу уйти в другое место».

Таблица 1. Значимые корреляционные связи данных шкалы «Позитивное отношение с окружающими» (опросник «Психологическое благополучие») и шкал теста «Профессиональная идентичность/маргинализм» ($r= p\leq 0,01$)

Шкалы теста «Профессиональная идентичность/маргинализм»	Коэффициент корреляции	
	Группа 1	Группа 2
Человек и профессия: профессиональный статус и динамика	- 0,561	-
Профессионал и социум	0,486	0,501

Выявлено, что с повышением готовности к профессиональной самореализации, самостоятельности в принятии решений, веры в свой профессиональный выбор, стремление к инновационным и нестандартным решениям студенты чувствуют себя благополучно в отношении автономии (таблица 2). С другой стороны, психологическое благополучие, создаваемое чувством личностной автономии, способствует развитию профессиональной идентичности, восприятию значимости своей профессиональной деятельности, готовностью реализовать себя в профессии.

Таблица 2. Значимые корреляционные связи данных шкалы «Автономия» (опросник «Психологическое благополучие») и шкал теста «Профессиональная идентичность/маргинализм» ($r= p\leq 0,01$)

Шкалы теста «Профессиональная идентичность/маргинализм»	Коэффициент корреляции	
	Группа 1	Группа 2
Человек и профессия: профессиональный поступок	0,553	0,574
Человек и профессия: карьера	0,605	0,416

Психологическое благополучие, связанное со способностью быть самостоятельным, регулировать и управлять собственными поступками и деятельностью, позволяет юношам и девушкам быть уверенными в принятии решений и в самореализации. Человек, удовлетворенный степенью личностной автономии, открыт саморефлексии и готов к конструктивному взаимодействию с другими. Личностная автономия, связанная с самоуправлением, способствует профессиональной и ценностной идентичности. Базовая модель автономии, по нашему мнению, с необходимостью постулирует способность личности к постоянной саморефлексии, позволяющей соотносить свои действия и мысли с требованиями социальной или профессиональной среды. На наш взгляд, саморефлексия выступает механизмом автономии и профессиональной социализации одновременно; а смысловое содержание автономии затрагивает не только осознание личностью собственных мотивов, действий, но и адекватности выборов поведения, деятельности, форм и видов общения.

Выявилась отрицательная связь между шкалами «Управление средой» и «Человек и профессия: мораль», «Человек и профессия: альтернативный выбор» (таблица 3).

Таблица 3. Значимые корреляционные связи данных шкалы «Управление средой» (опросник «Психологическое благополучие») и шкал теста «Профессиональная идентичность/маргинализм» ($r = p \leq 0,01$)

Шкалы теста «Профессиональная идентичность/маргинализм»	Коэффициент корреляции	
	Группа 1	Группа 2
Человек и профессия: мораль	- 0,414	-
Человек и профессия: профессиональный поступок	0,469	-
Человек и профессия: альтернативный выбор	- 651	0,389

Это свидетельствует о следующих закономерностях: чем больше субъект при выборе профессиональной деятельности руководствуется интересом к содержанию профессии, профессиональным долгом, интересами общества и гражданской ответственностью, тем меньше его уровень психологического благополучия, связанное с управлением и контролем. Вероятно, высокий уровень социальной и профессиональной ответственности в сознании современного молодого поколения не включает образ счастья и удовлетворенности собственной жизнью.

Положительные связи между шкалами «Личностный рост» и «Человек и профессия: профессиональный поступок», «Человек и профессия: быть или казаться» у респондентов обеих групп показывают, что у лиц, стремящихся развиваться в профессии, уровень психологического благополучия возрастает в условиях открытого и честного профессионального общения (таблица 4).

Таблица 4. Значимые корреляционные связи данных шкалы «Личностный рост» (опросник «Психологическое благополучие») и шкал теста «Профессиональная идентичность/маргинализм» ($r = p \leq 0,01$)

Шкалы теста «Профессиональная идентичность/маргинализм»	Коэффициент корреляции	
	Группа 1	Группа 2
Человек и профессия: профессиональный поступок	0,568	0,476
Человек и профессия: быть или казаться	0,342	0,451

С повышением профессиональной ответственности и чувства долга увеличивается уровень психологического благополучия у юношей и девушек, имеющих целевые жизненные ориентиры (таблица 5).

Таблица 5. Значимые корреляционные связи данных шкалы «Цели в жизни» (опросник «Психологическое благополучие») и шкал теста «Профессиональная идентичность/маргинализм» ($r = p \leq 0,01$)

Шкалы теста «Профессиональная идентичность/маргинализм»	Коэффициент корреляции	
	Группа 1	Группа 2
Человек и профессия: альтернативный выбор	0,664	0,541

Наибольшее количество положительных связей обнаружено между шкалами теста «Профессиональная идентичность» и шкалой «Самопринятие» (таблица 6).

Таблица 6. Значимые корреляционные связи данных шкалы «Самопринятие» (опросник «Психологическое благополучие») и шкал теста «Профессиональная идентичность/маргинализм» ($r = p \leq 0,01$)

Шкалы теста «Профессиональная идентичность/маргинализм»	Коэффициент корреляции	
	Группа 1	Группа 2
Человек и профессия: альтернативный выбор	0,447	0,647
Человек и профессия: профессиональная мотивация	0,476	0,532
Человек и профессия: быть или казаться	0,379	0,439
Человек и профессия: профессиональный поступок	0,401	0,540

Это свидетельствует о следующем: с повышением чувства удовлетворенности и принятия себя, объективности собственной деятельности и личностных качеств повышается уровень профессиональной идентичности. При высоком уровне психологического благополучия, связанном с

чувствами уверенности в себе, самооценности повышается стремление субъекта в признании его как представителя определенного профессионального сообщества, желание реализоваться, качественно выполнять работу.

В целом, выявлено, что уровень психологического благополучия студентов колледжей, обучающихся в различных направлениях, тесно связан с профессиональной идентичностью. Определение профессиональной идентичности личности, специфики ее динамики и закономерностей развития требует выявления особенностей как внутренних условий (идентичность, ценности, мотивы и др.), так и внешних факторов (среда, социальное окружение). Определение взаимосвязей профессиональной идентичности с личностными или профессиональными образованиями в целом, с психологическим благополучием, в частности, является необходимым из-за потребности науки и практики развивать технологическое, методическое и психологическое обеспечение профессионального становления субъекта деятельности.

Наше исследование позволило выявить значимые закономерности развития профессиональной идентичности современных студентов во взаимосвязи с их психологическим благополучием. Обнаруженные положительные корреляционные связи между показателями психологического благополучия и профессиональной идентичностью свидетельствуют о том, что уровень психологического благополучия свойственен студентам, отличающимся ответственностью, мотивацией совершенствования и самореализации, самостоятельностью, стремлением к новым знаниям. Студенты склонны избегать трудные ситуации, профессиональной ответственности для сохранения психологического благополучия.

Заключим, что при обосновании детерминации профессиональной идентичности целесообразно исходить из представлений о системном характере феномена профессиональной идентичности, т.е. о системе, характеризующейся, во-первых, открытостью (подверженностью со стороны внешних влияний), во-вторых, динамичностью, в-третьих, обладающей центральными и периферийными составляющими, тесно взаимосвязанными друг с другом. Функционирование системы профессиональной идентичности обусловлено включенностью личности в пространство профессиональных взаимодействий.

Литература:

1. Бессонова Ю.В., Обознов А.А. Формирование профессионального менталитета и проблемы безопасности в экстремальных видах деятельности // Организационная психология и психология труда. 2019. Т. 4. № 4. С.30-71.
2. Богданова Т.В. Анализ профессиональной идентичности современного российского учителя // Личность в пространстве и времени. 2015. № 5. С. 31–42.
3. Клименко Л. В., Посухова О. Ю. Профессиональная идентичность школьных учителей в условиях прекариатизации социально-трудовых отношений в крупных городах России // Вопросы образования. 2018. № 3. С.36–67.
4. Марина М.Ю. Статус профессиональной идентичности и проблема профессионального выбора студентов-выпускников // Психология обучения. 2009. № 1. С.74–81.
5. Перинская Н. А. Профессиональная идентичность // Знание. Понимание. Умение. 2018. №2. С.209–211.
6. Чикарова Г.И. Профессиональная идентичность учителей как предмет теоретической рефлексии // Гуманитарий Юга России. 2019. Том 8 (37). № 3. С.77–90.
7. Beijaard D., Meijer P. C., Verloop N. Reconsidering research on teachers' professional identity // Teaching and Teacher Education. 2004. № 20(2). Pp. 107-128. URL: <https://doi.org/10.1016/j.tate.2003.07.001>
8. Castro D. Les voies de construction de l'identité professionnelle des psychologues // Le Journal des psychologues. 2020/5. № 377. Pp. 20 – 26.
9. Coyette C., Claus J., Thelen A. Regards croisés sur l'identité professionnelle du communicateur interne dans le secteur public francophone. Le cas des universités belges francophones // Pyramides. 2012. № 4. Pp. 261–288.
10. Dehon A., Derobertmeasure A., Demeuse M.. Appréhender l'identité professionnelle: démarches méthodologiques et implications épistémologiques // Les Dossiers des Sciences de L'Éducation. 2014. № 31(31). Pp. 63–80.
11. Fray A.-M., Picoulet S. Le diagnostic de l'identité professionnelle : une dimension essentielle pour la qualité au travail // Management & Avenir. 2010/8. № 38. Pp.72 – 88. URL: <https://doi.org/10.3917/mav.038.0072>
12. Heled E., Davidovitch, N. The impact of academic, personal, and professional attributes on the occupational identity of school counselors in Israel // International Journal of Educational Methodology. 2019. № 5(4). Pp. 51- 523. URL: <https://doi.org/10.12973/ijem.5.4.513>
13. Larson L. M., Daniels J. A. Review of the counseling self-efficacy literature // The Counseling Psychologist. 1998. № 26(2). Pp. 179–218. URL: <https://doi.org/10.1177/0011000098262001>
14. Mouret M., Castro D. Mais concrètement, c'est quoi ton métier ? // Le Journal des psychologues. 2020/5. № 377). P.12.

15. Pratt M. G. To be or not to be: Central questions in organizational identification// Foundations for organizational science. Identity in organizations: Building theory through conversations. 1998. Pp. 171–207. URL: <https://doi.org/10.4135/9781452231495.n6>
16. Provan D.J., Dekker S.W.A., Rae A.J. Benefactor or burden: Exploring the professional identity of safety professionals // Journal of Safety Research. 2018. № 66. Pp. 21–32.
17. Thollon-Behar M.-P. Analyse de la pratique et identité professionnelle du psychologue // Le Journal des psychologues. 2020/5. № 377. Pp. 32 – 35.
18. Thurnell-Read T., Parker A. Men, masculinities and firefighting: Occupational identity, shopfloor culture and organizational change // Emotion, Space and Society. 2008. № 1(2). Pp. 127–134.

ОБ АВТОРЕ:

Т.В. Точилина,
кандидат психологических наук, доцент, АНОВО
«Московский международный университет»,
Москва, Россия.

ABOUT THE AUTHOR:

T.V. Tochilina,
PhD {Psychology}, Associate professor, Federal
ANOVO "Moscow International University", Moscow,
Russia.

УДК 159.99**НЕЙРОБИОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ СОЦИАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ ДЕТЕЙ***Точилина Т.В.*

Социальное развитие детей остается предметом изучения различных наук. В последнее время технические достижения в области исследования мозга предоставляют возможности его изучения с нейробиологических позиций. В статье проводится анализ взаимосвязи между созреванием головного мозга ребенка, нейрогуморальной динамикой развития и социализацией.

Значительный акцент в работе сделан на секреторной функции нервной ткани, приводятся причины нарушения, влияющие на процесс взросления. В результате работы обозначены перспективы исследования нейробиологического аспекта психического развития детей.

Социальное развитие, нейробиология, созревание мозга, развитие нервной системы.

Для цитирования: Точилина Т.В. Нейробиологический аспект социального развития детей // Социально-гуманитарные технологии. 2022. №4 (24). С. 65-71.

THE NEUROBIOLOGICAL ASPECT OF CHILDREN'S SOCIAL DEVELOPMENT*Tochilina T.V.*

The social development of children remains the subject of study in various sciences. Recent technological advances in brain research provide opportunities to study it from a neurobiological perspective. The article analyzes the relationship between the maturation of the child's brain, neurohumoral dynamics of development, and socialization.

Significant emphasis in the paper is placed on the secretory function of nervous tissue, the causes of disturbances affecting the process of maturation are cited. As a result of the work, prospects for research into the neurobiological aspect of children's mental development are outlined.

Social development, neurobiology, brain maturation, nervous system development.

For citation: Tochilina T.V. The neurobiological aspect of children's social development. *Sotsial'no-gumanitarnye tekhnologii*. 2022; 4 (24): 65-71. (In Russ.)

Настоящее исследование посвящено социальному развитию детей с нейробиологических позиций. Несомненно, определяющую роль в социальном развитии ребенка играет его социальное окружение, которое формирует у него отношение в целом к миру, к себе, к другим людям, способствует или препятствует его познавательному развитию, оказывается влияние на его систему ценностей и установок. С первого года жизни ребенка социальное развитие проходит, как правило, в непосредственной близости родственников (Л.С. Выготский, М.И. Лисина, Е.О. Смирнова, А.У. Хараш, Д.Б. Эльконин, В.Г. Утробина, М. Кле, Л. Коулман, Р. Селман и др.), но в ходе взросления социальным окружением чаще становятся сверстники (В.А. Петровский). Процесс смены социального окружения был раскрыт в исследованиях Л.С. Выготского, Дж. Боулби, З. Фрейда и др.

Социальное развитие ребенка взаимообусловлено биологическими процессами в организме, изменениями в центральной нервной системе. В трудах зарубежных ученых были раскрыты

определенные корреляты развития физиологии мозга и изменений в социальном поведении человека [8, 9, 11].

В зарубежной психологии роль взаимоотношений матери и ребенка была раскрыта в исследованиях Дж. Боулби, Э. Эриксона, М. Эйнсворт. В концепции привязанности Дж. Боулби у ребенка на протяжении первых лет жизни формируется чувство базового доверия вследствие установления надежного контакта между матерью и ребенком. Это новообразование является необходимой основой будущих прочных доверительных отношений с другими людьми. Данный вид привязанности Дж. Боулби назвал «безопасной привязанностью». Результатом формирования безопасной привязанности будет являться неизменная расположенность к новым контактам, тяга к расширению социального круга, квинтэссенцией обсуждаемого процесса станет формирование доверия к миру в целом. В теории Дж. Боулби направленность на создание новых социальных связей в процессе взросления ребенка и сформированная безопасная привязанность создает прочную основу развития индивидуации. Процесс формирования социальных связей является врожденным качеством, он также оправдан с точки зрения эволюции, так как гарантирует выживание индивида и присутствует уже в зародышевой форме у новорожденных.

Для целостного раскрытия вопроса формирования привязанности Дж. Боулби вводит понятие «внутренняя рабочая модель». Согласно автору «внутренняя рабочая модель» состоит из:

- чувства уверенность-неуверенность в объекте привязанности
- ожидания ребенка отвергающих и доброжелательных реакций матери.

По тому, как происходит процесс формирования внутренней рабочей модели, можно судить о когнитивном развитии ребенка, качестве его памяти и внимания [6].

Похожую мысль о роли взаимоотношений ребенка с матерью высказывала М. Эйнсворт, которая определила критерии оценки качества данных взаимоотношений: синхронность, взаимность и отзывчивость при привлечении внимания. Ученым было исследовано более ста семей с детьми в возрасте от года до полутора лет. Дети, у которых была сформирована безопасная привязанность в первые годы жизни, проявляют большую общительность с незнакомыми взрослыми. Такие дети проявляют чаще независимость, они быстрее завязывают дружеские отношения со сверстниками. Дети чаще доброжелательны с сиблингами, демонстрируют эмпатию. У них чаще отмечается эмоциональная зрелость. Следовательно, дети с безопасной привязанностью обладают высоким уровнем социальной компетентности (P. Strauff).

Таким образом, процесс социального развития связан с постепенным отделением ребенка от семейного круга, частота контактов с семьей становится меньше. Так, дошкольники могут переносить отсутствие родителей рядом в течение нескольких часов. Стремление к связи с родителями становится для ребенка критичным в периоды острого стресса. Дети не могут совладать со стрессовой ситуацией и обращаются за поддержкой к родителям. По Е.Е. Массобу, начиная с 7-8-летнего возраста ребенок уже способен самостоятельно преодолевать умеренный стресс и чувство фрустрации. Следовательно, ребенок становится более эмоционально зрелым и не так зависит от родительских чувств. Однако эти изменения не означают ослабления привязанности [6].

В рамках объектных отношений отделение детей от значимых фигур – родителей сопряжено с формированием процесса «вторичной индивидуации». Вторичная индивидуация проявляется как отказ ребенка от влияния родителей и нахождение похожих фигур вне семьи (П. Блос) [6]. Вышеописанный процесс содержит стремление ребенка освободиться от внутренней властной фигуры родителя и связан с поиском новых социальных связей, находящихся в равноценной системе отношений.

Похожие идеи о процессе социального развития ребенка можно увидеть в трудах создателя психоанализа З. Фрейда. Так, в рамках психоаналитической традиции процесс социального развития определяется биологическими причинами, а именно действием либидозных влечений. Расширение коммуникативного круга подростка можно связать с поиском объекта либидозного влечения вне семьи.

Продолжая идеи З. Фрейда о биологических причинах расширения социального круга, зарубежный психолог Г.С. Салливан видел этот процесс как спонтанное вызревание новых типов

потребностей в общении. У ребенка появляется потребность интимного общения с лицом своего пола, которая является основой потребности в интерперсональной близости.

Биологическую причину появления отчужденности между подростком и родителями Inoff-Germain and el. связывали с увеличением количества гормонов в течение пубертатного периода. Гормональные изменения у девочек после менархе провоцируют частоту конфликтов с родителями [1, 6].

В отечественной психологии социальное развитие детей анализируется как непрерывный процесс формирования новообразований, смены ведущей деятельности и социальной ситуаций развития. Исходя из деятельностного подхода, предложенного А.Н. Леонтьевым и С.Л. Рубинштейном развитие личности – процесс непрерывный и постоянный. Он проходит в контексте социального взаимодействия. Ученые рассматривают социальное развитие «процесс, движущей силой которого является разрешение внутренних противоречий и смены типов деятельности, обуславливающее перестройку сложившихся потребностей и зарождения новых» [6, С. 47].

В отечественной психологии социальное развитие ребенка связано с потребностью в общении. Формирование эмоционального контакта с другими предвосхищает крепкие дружеские отношения. Наиболее высокая привлекательность общения со сверстниками приходится на подростковый возраст. Однако интерес к сверстнику начинает появляться уже в первые годы жизни ребенка (Е.О. Смирнова, И.С. Кон) Согласно исследованиям E. Mueller E, D.L. Vandell, K.S. Wilson маленькие дети, начиная со второй половины жизни, охотно контактируют со сверстниками, дети прикасаются и смотрят друг на друга и даже плачут, когда плачут другие [6].

Чарльз Гросс с сотрудниками из Пристонского университета связывают проявление эмпатии и настроенность на эмоции других с работой корковых зон, а именно работой сложных рецептивных полей. Участок в нижней части височной доли отвечает за распознавание эмоций лица, который был открыт Нэнси Кенвишер. Ученый совместно с сотрудниками открыли в головном мозге такие зоны, которые активируются во время восприятия человеческих лиц. Данную область они назвали веретенообразной лицевой зоной.

Большую роль в избирательном восприятии человеческих лиц играет полосатая кора, ответственная за ориентационную избирательность и бинокулярность. В экстрастриальных зонах коры нейроны реагируют на сложные формы, в том числе лица, движение и поведение людей.

Следовательно, после полугода ребенок становится чувствительным к изменениям в социальных взаимодействиях, в том числе со сверстниками, можно говорить об активизации роли нейронов в экстрастриальных зонах коры головного мозга. Отношения со взрослыми и сверстниками у детей складываются и развиваются в процессе «действия». Эти отношения имеют свое собственное содержание и логику развития [5,6]. Как правило, поведение детей отличается подражательностью и это связано с механизмами процесса обучения.

Так как ребенок стремится быть принятым в первичной социальной группе, то игнорирование мнения группы приводит к нейрональному ответу, схожему с ошибкой предсказания вознаграждения (ОП) (Klucharev et al., 2009) [4]. ОП-сигнал является причиной обучения новому поведению, модифицирует поведение человека под распространенные нормы и способствует снижению количества поведенческих ошибок в будущем. Следовательно, нервная система ребенка начинает генерировать ОП-сигнал при рассогласовании его поведения с нормативным поведением [4].

Генерация ОП-сигнала проходит в ростральной цингулярной зоне (RCZ), расположенной в лобной зоне коры головного мозга Данная область представляет собой участок коры, расположенном на 6, 8, 24 и 32 полях Бродмана (Picard, Strick, 1996) (рис.1).

Рисунок 1. Локализация ростральной цингулярной зоны (RCZ). Адаптировано из (Klucharev et al., 2011)

Ростральная цингулярная зона становится активной в том случае, когда необходимы изменения поведения. Например, человек не может добиться цели, и ищет другой путь решения. Таким образом, изменения в активации нейронов области ростральной цингулярной зоны приводит к изменениям в поведении человека [4].

По исследованиям зарубежных ученых (Hauber, Sommer, 2009; Parkinson et al., 2000, Knutson, Wimmer, 2007) в выборе наиболее успешного решения возникшей проблемы также участвует вентральная часть стриатума. Данный участок головного мозга вовлечен в процесс предсказания вознаграждения. Таким образом, можно сделать предположение о существовании специализированной системы, которая отвечает за контроль результатов деятельности и генерацию ОП-сигнала обучения [4].

Значительную роль в понимании социальной информации играет область вдоль верхней височной борозды (STS). Она участвует в обработке информации о социальном перемещении. Нейроны данной области способны расшифровать характер передвижения, провести различия между социальной и искусственной траекторией движения.

Таким образом, вышеуказанные участки коры головного мозга анализируют социальные визуальные стимулы. Благодаря их работе человек способен определить живой и неживой стимулы. Такая способность появляется у детей в первые годы их жизни. Исследования мозга детей младенческого возраста, проводимые с помощью нейровизуализации, подтверждают факт о роли веретенообразной области головного мозга [7, 8, 9]. Таким образом, уже с раннего возраста дети могут отличать социальные стимулы от несоциальных.

Социальное развитие проходит в контексте встраивания социальных норм в поведение ребенка. Данный процесс не может быть осуществлен без коррекции эмоций, их регуляции. Префронтальная кора головного мозга играет ведущую роль в регуляции эмоциональной сферы и связана с появлением социальных эмоций и чувств. Начиная со школьного возраста ребенок учится совладать со своими негативными эмоциями. К подростковому возрасту совершенствуются целенаправленное социальное поведение. Управление эмоциями локализовано в префронтальной зоне коры головного мозга, а именно ее дорсальная и вентральная часть. Вентральная префронтальная кора головного мозга генерирует эмоции, а также играет роль в когнитивной репрезентации. Нейроны вентральной префронтальной зоны сортируют воспринятые стимулы, образуя цепочки мозговых операций [7].

Большую роль в социальном развитии ребенка А.Р.Лурия видел в различиях вклада левого и правого полушарий мозга. Функционирование правого полушария позволяет ориентироваться ребенку в своей личности и личности других людей. Так, по мнению А.Р. Лурия у людей с поражением правого полушария мозга становится невозможным расшифровка социального поведения других людей.

Социальное развитие проходит с участием гормонов. Этот процесс тесно связан с выработкой эндогенных опиоидов мозга, окситоцином и вазопрессинном.

1) Эндогенные опиоиды мозга. Выделяют четыре семейства эндогенных опиатов: эндорфины (α-, β- и γ-), динорфины А и В, неэндорфины альфа и бета, метионин- и лейцин-энкефалины. Эти вещества вызывают анальгетические свойства, а также приятные ощущения и

эмоции со время деятельности. Эти вещества присутствуют в задних рогах спинного мозга, тем самым снижают риск появления дискомфорта в сенсорных путях.

2) Окситоцин. Данный гормон вызывает чувство доверия и умиротворения рядом с партнером. Это гормон близости и расположения к человеку. Изначально, он вырабатывается на социальные призывы ребенка у матери. В дальнейшем гормон цементирует связь между супругами.

3) Вазопрессин. Пептидный гормон гипоталамуса, регулирует реакцию организма на стресс, участвует в модуляции эмоций у животных и человека.

Таким образом, гормональные изменения, которые происходят в организме ребенка, особенно в пубертатном периоде оказывают влияние на эмоциональный фон и на развитие социального взаимодействия у ребенка со взрослыми и со сверстниками.

Так, высокий уровень гормонов гонад во время полового созревания меняет обработку социальных сигналов. В связи с этим, половое созревание сопровождается аффективными реакциями. Процесс созревания, неустойчивый гормональный фон ухудшают способность мозга регулировать эмоциональные реакции на социальные ситуации, у подростков снижается способность интегрировать новые социальные реакции в старые схемы поведения.

Исследование, проведенное E. Nelson, E. Leibenluft, E. B. Tone, D.S. Pine убедительно доказывает то, что негативные эмоции страха, гнева вызывают активацию нейронов в миндалине, орбито-лобной коре и передней поясной извилине [7]. Ученые отметили, что у ребят школьного возраста выявлена большая активность данных участков, по сравнению со взрослыми. Так, взрослых могут избирательно реагировать на те или иные социальные стимулы. Они могут сознательно отключать орбито-фронтальную кору головного мозга. Этот факт позволяет взрослым гибко подходить к выстраиванию социальных отношений по сравнению с подростками. Следовательно, взрослые способны затормозить нежелательную эмоцию, могут «приглушить» аффект и рационально подойти к выбору поведения. Таким образом, можно сделать вывод, что подростки являются более чувствительными к негативным социальным стимулам в отличие от взрослых.

К числу регуляторов социального развития человека можно отнести кортизол. Этот гормон вырабатывается в коре надпочечников. Отвечает за активность мозговой деятельности, поддерживает глюкозу в крови, нервную систему в тонусе. При перевыработке гормона у человека повышается кровяное давление. Большую роль кортизол играет в поддержании баланса напряжение-расслабление. Если социальное окружение представляет опасность, усиленная выработка кортизола, может привести к чувству страха и затормозить формирование социальных навыков у ребенка. Чувство безопасности, которое является необходимым условием полноценного развития ребенка, позволяет строить социальные контакты с внесемейным окружением.

Подводя итог вышеизложенному, хочется отметить, что социальное развитие детей отличается многогранным характером, сложностью и отсутствием линейной динамикой. Данный процесс связан со множеством факторов, к числу которых можно отнести функционирование нервной системы. Социальное развитие как можно увидеть есть процесс взаимообусловленных социальных и биологических причин изменений. К числу перспективных исследований, на наш взгляд, относится изучение нейробиологических основ психического развития ребенка, исследование взаимосвязей социального и биологического сторон развития на различных этапах онтогенеза. С нашей точки зрения, данное научное поле еще обладает высокой научной ценностью и практически востребовано в среде специалистов, работающих с детьми. Следует отметить, что несмотря на широкий охват проблем, которые были подняты выше, с нашей точки зрения большей востребованностью имеют разработки практического характера, которые бы позволили совершенствовать процесс сопровождения развития детей.

Заключение

Настоящая работа направлена на поиск биологических причин особенностей социального поведения детей.

Мы проанализировали походы к социальному развитию в зарубежной и отечественной психологии. Так, можно отметить, что у детей, уже начиная с первого года жизни появляется стремление к общению со сверстниками. В дошкольном возрасте дети начинают выбирать

сверстников в качестве партнеров по играм, а в школьном возрасте у детей происходит поиск места в коллективе, желание быть принятыми (Д.Б. Эльконин, Т.В. Драгунова, Д.И. Фельдштейн).

В последнее время зарубежные исследования посвящены открытиям таких участков головного мозга, которые имеют прямое отношение к социальному развитию человека. Ответственными за расшифровку стимула как социального являются отделы головного мозга - нижняя затылочная кора, нижние области височной коры, внутричерепная борозда и веретенообразная извилина.

В результате исследований с использованием методов нейровизуализации была изучена работа головного мозга при социальном воздействии. По данным В.А. Ключарева, А. Шмидс, А.Н. Шестаковой при социальном взаимодействии в нервной системе происходят процессы отслеживания результатов собственного и чужого поведения, которые играют роль регуляторов [4]. Эти процессы отвечают за вознаграждение или наказания при выборе той или иной модели поведения.

Исследование проводит параллели между развитием индивидуального профиля поведения как отражения нормативного поведения в референтной социальной группе. Таким образом, человек постоянно сопоставляет социально-желательные черты поведения и собственные реакции. Эти процессы связаны с формированием ОП-сигнала. ОП-сигнал влияет на изменения поведения человека и настраивают его на соблюдение социальных норм, запуская при этом выработку дофамина как регулятора эмоционального состояния. Положительное подкрепление в виде выработки дофамина укрепляет связь между выбором индивидуального поведения и нормами, принятыми в обществе.

Можно отметить, что современные исследования нейробиологических механизмов, лежащих в основе регулирования социального поведения вызывают повышенный интерес ученых. В рамках прикладных наук при совершенствовании методов изучения головного мозга эта область исследований становится все более заметной в научных кругах. Методы нейровизуализации позволяют экспериментально исследовать нейронную ткань при построении моделей социального поведения. Полученные данные могут найти применение в различных областях знаний.

Нейробиологические данные позволяют раскрыть детали работы динамической системы мозга [6]. Несмотря на то, что нейробиологические исследования получили распространение несколько лет назад, становится очевидным, что данные этих исследований убеждают нас в необходимости продолжения изучения синтеза нейробиологических подходов и социальных наук. Данный подход является перспективным направлением развития нейронауки, позволяющей раскрывать факторы созревания головного мозга.

Литература:

1. Беар М., Коннорс Б., Парадизо М., Нейронауки. Исследование мозга. 4-е издание в 3-х томах. – СПб: «Диалектика», 2021.
2. Боулби Дж. Создание и разрушение эмоциональных связей. Руководство практического психолога. М. «Канон+», 2021. – 272 с.
3. Выготский Л. С. Собрание сочинений: в 6 т. / Гл. ред. А. В. Запорожец. — М.: Педагогика, 1982—1984. Т. 4 : Детская психология / Под. ред. Д. Б. Эльконина. — 1984. — 433 с
4. И. Е. Лукьянова И.Е., Сигида Е.А., Утенкова С.Н. Дисфункция правого полушария головного мозга или издержки воспитания и образования <https://cyberleninka.ru/article/n/disfunktsiya-pravogo-polushariya-golovnogo-mozga-ili-izderzhki-vospitaniya-i-obrazovaniya> // Специальное образование. 2019.
5. Ключарев В.А., Шмидс А., Шестакова А.Н. Нейроэкономика: нейробиология принятия решений // Экспериментальная психология. 2011. Т. 4. № 2. С. 14–35.
6. Портал психологических изданий PsyJournals.ru — http://psyjournals.ru/exp/2014/n4/72898_full.shtml [Нейробиологические механизмы социального влияния - Экспериментальная психология - 2014. Том. 7, № 4
7. Точилина Т.В. Динамика социальных контактов при переходе от младшего к среднему школьному возрасту // Автореферат на соискание звания кандидата психологических наук, 2006. – 25 с.
8. Точилина Т.В. Социальное развитие подростков с позиции нейронауки // Подросток в мегаполисе. Сборник научных статей, 2021.
9. Berna Güröglü . Adolescent brain in a social world: Unravelling the positive power of peers from a neurobehavioral perspective // European Journal of Developmental Psychology, 2020 : <https://doi.org/10.1080/17405629.2020.1813101>
10. Eric E. Nelson, E. Leibenluft, E. B. Tone, D.S. Pine. The social re-orientation of adolescence: A neuroscience perspective on the process and its relation to psychopathology//Psychological Medicine, March, 35 (2), 2005

11. A. Kafle, M. Thakali. Social relations: role of parent and peer relationships in adolescent psychological development. – Kemi, 2013. – 54 с.
12. Shkurko A. V. Human brain and social behavior / A. V. Shkurko // Chemistry and life. - 2013. — № 11. — P. 36-39.

5.8.7 МЕТОДОЛОГИЯ И ТЕХНОЛОГИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ

ОБ АВТОРАХ:

И.Д. Афонин, кандидат педагогических наук, доцент, доцент кафедры гуманитарных и социальных дисциплин, Государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования Московской области «Технологический университет имени дважды Героя Советского Союза, летчика-космонавта А.А. Леонова», Королев, Россия.

ABOUT THE AUTHORS:

I.D. Afonin, PhD {Pedagogy}, Associate Professor, Associate professor of the Department of Humanitarian and Social Disciplines, State Educational Institution of Higher Education Moscow Region «Leonov Moscow Region University of Technology», Korolev, Russia.

УДК.378

ЛИЧНОСТЬ ПРЕПОДАВАТЕЛЯ КАК ФАКТОР ЭФФЕКТИВНОСТИ ПЕДАГОГИЧЕСКОГО ОБЩЕНИЯ

Афонин И.Д.

В статье рассматриваются основы педагогического взаимодействия в условиях высшей школы. Особое внимание уделено роли личности педагога в контексте его профессиональной деятельности. Авторы отмечают, что личностные качества преподавателя высшей школы являются, во-первых, профессионально важными, во-вторых, фактором успешности процесса обучения и воспитания, в-третьих, условием формирования педагогически целесообразных взаимоотношений с обучаемыми.

Автор делает вывод, что эффективное педагогическое взаимодействие в условиях высшей школы – сложная социальная проблема, требующая с одной стороны широкого спектра профессиональных умений, навыков, а с другой – личностных качеств, обеспечивающих педагогу уважение и авторитет в глазах обучаемых.

Педагогическое общение, педагогическое взаимодействие, педагогический опыт, коммуникативная структура, педагогическая ситуация, образовательный процесс, стиль педагогического общения, педагогическое мастерство, педагогические навыки, педагогические умения, психолого-педагогическая эрудиция, педагогическое мышление, педагогический такт, педагогическая техника.

Для цитирования: Афонин И.Д. Личность преподавателя как фактор эффективности педагогического общения // Социально-гуманитарные технологии. 2022. №4 (24). С. 72-78.

TEACHER'S PERSONALITY AS A FACTOR OF THE EFFICIENCY OF PEDAGOGICAL COMMUNICATION

Afonin I.D.

The article deals with the basics of pedagogical interaction in the conditions of higher education. Particular attention is paid to the role of the teacher's personality in the context of his professional activities. The authors note that the personal qualities of a higher education teacher are, firstly, professionally important, secondly, a factor in the success of the learning and upbringing process, and thirdly, a condition for the formation of pedagogically expedient relationships with students.

The author concludes that effective pedagogical interaction in higher education is a complex social problem that requires, on the one hand, a wide range of professional skills and abilities, and, on the other hand, personal qualities that provide the teacher with respect and authority in the eyes of students.

Pedagogical communication, pedagogical interaction, pedagogical experience, communicative structure, pedagogical situation, educational process, style of pedagogical communication,

pedagogical skills, pedagogical skills, pedagogical skills, psychological and pedagogical erudition, pedagogical thinking, pedagogical tact, pedagogical technique.

For citation: Afonin I.D. Teacher's personality as a factor of the efficiency of pedagogical communication. *Sotsial'no-gumanitarnye tekhnologii*. 2022; 4 (24): 72-78. (In Russ.)

Педагогическое общение составляет основу профессиональной деятельности вузовского преподавателя. Оно охватывает все основные формы образовательного процесса. При этом его содержание не исчерпывается обменом информацией в рамках обучения и воспитания. По мнению большинства преподавателей высшей школы, важнейшей функцией общения в вузе является создание эффективной системы педагогического взаимодействия с обучаемыми посредством всех доступных коммуникативных средств.

Многочисленные исследования в области педагогической практики, особенно в последние десятилетия, свидетельствуют о том, что определенные затруднения в области организации эффективного педагогического общения испытывают начинающие преподаватели [2]. Им необходимо внимательно изучать опыт мастеров-педагогов. Молодой педагог, стремящийся основы эффективного педагогического общения должен, в первую очередь, освоить его процессуальные характеристики и содержание.

Творческая работа вузовского преподавателя как устойчивое взаимодействие учебной и воспитательной работы, имеет определённую коммуникативную структуру. Процесс подготовки к педагогическому общению проходит 4 основных этапа:

1. Прогностический этап. В ходе этого этапа педагогом осуществляется моделирование интеракции с аудиторией.

2. Начальный этап. В процессе начального периода общения педагог осуществляет выстраивание непосредственного общения с аудиторией.

3. Управленческий этап. В ходе этого этапа на лекции или семинаре творческая работа осуществляется педагогом в форме решения дидактических задач.

4. Аналитический этап. На этом этапе осуществляется анализ результатов процесса взаимодействия [1].

На первом, прогностическом этапе, в процессе моделирования педагогического общения происходит планирование его содержания, отвечающего:

- педагогическим целям и задачам;
- общей педагогической и нравственно-психологической ситуации в аудитории;
- творческой индивидуальности самого педагога;
- индивидуальным особенностям обучаемых и аудитории в целом;
- предполагаемой системе дидактических методов и приемов.

Всё перечисленное важно иметь в виду при подготовке к общению с обучающимися. От этих факторов зависит содержание предстоящей педагогической деятельности, уникальное эмоциональное единение педагога и обучающихся.

Второй, начальный этап педагогического общения – установление педагогом позитивного контакта с обучающимися, начало взаимодействия с аудиторией. Для педагога существенными элементами второго этапа выступают:

- конкретизация ситуаций и структуры предстоящего педагогического общения;
- уточнение запланированной раньше модели общения;
- реализация первоначального контакта педагога с обучающимися.

Данный этап педагогического общения имеет большую психолого-педагогическую значимость, которая заключается в коррекции и конкретизации контекстуальных, риторических и социально-психологических особенностей предстоящей учебной деятельности.

Третий, управленческий этап педагогического общения – представляет собой управление педагогическим общением в процессе непосредственного взаимодействия преподавателя с обучающимися. На этом этапе педагогу важно, чтобы метод обучения точно согласовывался с

системой педagogического общения. Данное соответствие может быть достигнуто благодаря применению педагогом интерактивных методов работы с обучающимися.

Например, к лекции наряду с дидактическими и методическими требованиями к её организации, предъявляют и конкретные социально-психологические требования, опосредованные спецификой как учебных, так и воспитательных задач.

Успешной организации познавательной деятельности обучающихся в ходе лекций и практических занятий способствует динамичный стиль общения с аудиторией, что является важным фактором успешности преподавания и организации целенаправленного взаимодействия со студентами. Достижение единства делового и личностного аспектов в деятельности преподавателя придает занятию не только информационный характер, но и определенную мировоззренческую направленность. Создание на занятии целостной, педагогически целесообразной системы взаимоотношений и взаимодействия обеспечивает эффективное циркулирование информационных потоков. Использование необходимых дидактических методов и приемов, в значительной мере способствует повышению уровня профессиональной мотивации обучаемых.

На заключительном, аналитическом этапе преподавателю необходимо проанализировать осуществлённую педагогическую ситуацию, уточнить варианты её корректирования, соотнести все это с содержательными и методическими аспектами проведенного занятия. Педагог тем самым прогнозирует и планирует предстоящее общение с аудиторией.

Современный образовательный процесс предъявляет особые требования к формированию педагогически целесообразных профессиональных взаимоотношений со всеми категориями обучаемых. Педагогический опыт последних десятилетий показывает, что большинство преподавателей вузов в своей работе используют различные формы и методы создания в учебных коллективах обстановки доверия и взаимного уважения. И здесь можно выделить несколько основных направлений:

- организация взаимодействия факторов «ведомости» и факторов сотрудничества обучаемого и обучающихся при организации учебно-воспитательного процесса;
- формирование у обучающихся ощущения профессиональной общности с вузовскими преподавателями;
- фокусирование системы педагогического общения на взрослом человеке со сформированным самосознанием, тем самым недопущение рецидивов авторитарных форм воспитательного воздействия;
- применение в качестве факторов управления образовательным процессом профессионального интереса студентов и реализация на его основе продуктивности педагогического общения;
- активная интеграция обучающихся в разнообразные формы научно-исследовательской работы;
- организация научного сотрудничества обучающихся и педагогов – общая научно-исследовательская деятельность, совместное участие в конференциях, коллективные публикации и др.;
- осуществление различных форм неформального, нерегламентированного взаимодействия преподавателей и обучающихся: беседы о культуре, науке, искусстве, карьере и т. п.;
- формирование условий для роста общественной активности студентов посредством их участия в различных формах воспитательной работы;
- участие профессорско-преподавательского состава в студенческом досуге (смотри, конкурсы, вечера, спортивные мероприятия и т. п.);
- воспитательная работа преподавателей во внеучебное время [4].

Существенными характеристиками педагогического взаимодействия выступают его систематичность и непрерывность. Необходимо обеспечивать переходы от официально-регламентированного к неофициально-доверительному общению; от аудиторных форм к внеаудиторным; от учебно-ориентированного к научно-поисковому.

Большое значение здесь имеет индивидуальный *стиль педагогического общения* педагога, который может проявляться в:

- особенностях его коммуникативных способностей;
- достигнутом уровне взаимоотношений с различными категориями обучающихся;
- его профессиональной и творческой индивидуальности преподавателя;
- особенностях характера и темперамента педагога.

Стиль педагогического общения во многом зависит от стиля деятельности педагога. Начиная педагог для формирования умений и навыков оптимального педагогического общения может в процессе подготовки к занятиям применить коммуникативный тренинг, цель которого – решить две взаимосвязанные задачи:

Во-первых, изучить, осмыслить и освоить закономерности педагогического общения;

Во-вторых, овладеть «технологией» непосредственной педагогической коммуникации, развить соответствующие способности, сформировать умения и навыки работы с аудиторией.

Анализ профессиональной деятельности опытных преподавателей вузов свидетельствует о важности начального периода их становления как педагогов. Начиная преподавателям необходимо изучать передовой педагогический опыт и сосредоточить свое внимание на формировании специальных навыков, которые являются основными компонентами педагогической деятельности. Традиционно выделяют три основных группы педагогических навыков.

Общепедагогические навыки. К такому типу навыков относят педагогическое наблюдение, педагогический такт, педагогическое воображение, педагогическое мышление, применение педагогической техники и др.

Методические навыки педагога. Данные навыки включают в себя: навыки проработки учебной и методической литературы; навыки составления плана проведения семинара, разработки конспекта лекции (доклада); навыки тайм менеджмента, распределения внимания в ходе занятий; навыки своевременного и корректного применения способов активизации внимания и познавательной деятельности обучающихся; навыки применения интерактивных средств обучения и др.

Организаторские навыки помогают преподавателю на высоком организационном уровне проводить занятия, обеспечивая эффективное взаимодействие с обучаемыми на конкретном занятии и в ходе других мероприятий [2].

Опыт показывает, что успешное овладение этими навыками обеспечит их трансформацию в более сложные *педагогические умения*, которые проявляются в правильном использовании уже имеющихся знаний и навыков в соответствии с различными обстоятельствами в ходе образовательного процесса. От этого зависит степень продуктивности педагогического общения и, как следствие, результативность всего учебно-воспитательного процесса.

К числу таких умений можно отнести:

- умение целенаправленно изучать индивидуальные особенности обучающихся и учебных групп и учитывать их в учебно-воспитательной работе;
- умение организовать познавательную деятельность обучающихся, их самостоятельную работу и самовоспитание;
- умение находить качественный материал для занятий и публичных выступлений;
- умение логично и понятно излагать учебный материал, контролировать и давать объективную оценку результатам своего труда и деятельности обучающихся;
- умение постоянно поддерживать обратную связь с аудиторией;
- умение оценивать и анализировать трудности в образовательном процессе и проектировать их преодоление;
- умение владеть собой, своим эмоциональным состоянием, проявлять педагогический такт;
- умение оперативно ориентироваться в изменяющейся педагогической ситуации;
- умение планировать и осуществлять систему коммуникации, в частности ее риторическую составляющую.

Педагогическое мастерство во многом базируется на педагогических умениях. Начиная педагогу важно четко осознавать, что данные умения формируются годами педагогического труда. Только благодаря наличию диалектической взаимосвязи разнообразных знаний, навыков, умений и личностных качеств педагог может осуществлять эффективное обучение и воспитание будущих специалистов.

Личность преподавателя многогранна. Ему присуще множество различных качеств. Это и духовно-нравственные качества, и социально психологические качества, и деловые качества, и управленческие качества. Среди многообразия качеств педагога можно выделить те, без которых педагогическая работа вряд-ли будет иметь успех. Так, например, профессиональная и *психолого-педагогическая эрудиция* позволяет педагогу с научных позиций определить цели и задачи воспитания, закономерности развития личности обучающихся и учебной группы. Педагог, знающий основы педагогики и психологии, способен осуществлять предметный анализ явления, поступка и факта, применять наиболее адекватные меры педагогического воздействия (приемы, средства, формы, методы и т.д.). При таком подходе преподаватель может надеяться на успех и достижение необходимого результата.

Опытный педагог обладает высокой степенью педагогической наблюдательности. Благодаря таким качествам, педагог способен видеть разнообразные аспекты в поведении обучающихся. К характерным чертам таких преподавателей следует отнести:

- постоянное и целенаправленное наблюдение за поведением и работой обучающихся;
- умение на основании, на первый взгляд, незначительных признаков разглядеть уникальность внутреннего мира молодых людей, увидеть динамику их внутренних переживаний и расположений духа;
- умение распознавать и анализировать индивидуально- психологические особенности личности обучающихся, их основные черты характера, умственные способности, волевые качества и т.д.;
- способность замечать в учебных группах все то, что не умудрённый опытом педагог просто не заметит [3].

В тесной связи с педагогической наблюдательностью находится *педагогическое воображение*. Речь идет об умении педагога прогнозировать развитие сложившейся педагогической ситуации, мысленно проектировать содержание педагогического взаимодействия, предугадывать вероятные факторы, способные оказать влияние на поведение и деятельность обучающихся и на их отношение к учебному процессу.

Важными отличительными чертами *педагогического воображения* являются: реалистичность, содержательность и широта. Наряду с этим, педагог должен осознавать, что преувеличение или преуменьшение его представлений о личности обучающегося может привести к негативным последствиям, как следствие – к противоположной реакции.

Особую значимость в осмыслении преподавателем профессиональных задач и их успешном решении имеет *педагогическое мышление*, характеризующее уровень развития его педагогического мастерства. В основе такого мышления:

- способность анализировать свою деятельность и деятельность обучающихся, подвергать анализу отношение обучающихся к учебе, к будущей профессии;
- способность устанавливать причинно-следственные связи между событиями из педагогической практики;
- способность абстрагироваться от случайного в поведении и учебной деятельности обучаемых;
- способность планировать педагогически целесообразное воздействие, своевременно принимать рациональные решения и находить эффективные пути для их реализации;
- способность формулировать адекватные выводы из своей педагогической деятельности и давать объективную оценку действиям обучающихся и др.
- способность применять в педагогической деятельности универсальные методы познания, такие как: абстрагирование и обобщение; анализ и синтез, индукция и дедукция; аналогия и моделирование; классификация и систематизация и др.

С развитием мышления педагога напрямую связана *речь преподавателя*. Благодаря слову педагоги способны оказывать позитивное воздействие поведение и чувства обучающихся. Крайне важно, чтобы речь современного педагога была грамотной, высококультурной, содержательной, аргументированной и логичной. Педагог несет полную ответственность за высказанную информацию и артикулируемые идеи.

Благодаря высокой культуре речи и её выразительности преподаватель способен более убедительно доказывать и оказывать более эффективное воздействие на сознание обучающихся. Грамотная речь педагога помогает преподавателю успешнее решать учебно-воспитательные задачи. Если педагог, даже опытный, не в состоянии облечь в нужную форму свои мысли и чувства, то его даже самые благие намерения не дадут положительного результата. А речь, построенная на штампах, скудности словарного запаса, убогости лексики и т.д. не только создаёт своеобразный смысловой «барьер» между педагогом и обучаемыми, но и отрицательно влияет на отношение последних к изучаемым предметам.

К наиболее значимым качествам педагога следует отнести и *требовательность*, которая проявляется, прежде всего, в отношении преподавателя к самому себе, к своей педагогической деятельности.

Требовательность является необходимым условием успешной деятельности педагога. С одной стороны, педагог обязан быть чрезвычайно требователен к себе, а с другой стороны – должен уметь четко формулировать требования к обучающимся. Умение предъявлять обучающимся ясные, конкретные, однозначные требования и достигать их исполнения является показателем педагогического мастерства.

Требовательность педагога должна учитывать сложившуюся педагогическую ситуацию. Педагог в состоянии достичь наибольшей эффективности своей деятельности, если его требовательность:

во-первых, педагогически обоснована и уместна. Требовательность педагога должна, в первую очередь, учитывать воспитательные и образовательные интересы;

во-вторых, основывается на профессиональном знании педагогической деятельности и социально-психологических особенностей обучающихся. Крайне важно, чтобы требовательность была не эпизодической, а систематической;

в-третьих, учитывает интересы каждого обучающегося и обучающегося коллектива в целом. Педагог должен являться примером в том, что он сам требует от обучающихся. Требовательность педагога никогда не вызовет негативной реакции, если она тактична по форме и сочетается с уважением личного достоинства обучаемого.

Опыт педагогической практики свидетельствует о том, что успех педагогической деятельности непременно связан с умением педагога соблюдать требования *педагогического такта*, который неразрывно связан с педагогической требовательностью. Характерными чертами педагогического такта являются:

- отсутствие грубости и излишней придирчивости при предъявлении требований;
- не допущение фамильярности в общении с коллегами и обучающимися;
- непринужденность и простота общения с обучающимися;
- отсутствие упрямства при проявлении принципиальности и настойчивости;
- деликатный юмор и добрая ирония без унижения обучающихся;
- не допущение унижений обучающихся и подавления их личности при предъявлении педагогом требований и претензий к обучающимся, осуществлении педагогических внушений, предупреждении нежелательного поведения у обучающихся;

Педагогический такт, безусловно, выступает существенным фактором эффективного педагогического воздействия.

Эффективное педагогическое общение, как показывает анализ деятельности опытных педагогов, невозможно без умелого применения преподавателями *педагогической техники*. Рациональный выбор педагогом различных инструментов, приемов и методов педагогического воздействия, скорость, легкость и совершенство их применения могут способствовать достижению высоких и устойчивых результатов в обучении и воспитании.

Содержанием педагогической техники является:

- техника организации и проведения учебных занятий, разнообразных воспитательных мероприятий;
- умение владеть своим голосом, результативно применить различные тона и стили речи; применение в ходе педагогического общения мимики и разнообразных жестов;

- умение применять интерактивные методы обучения и воспитания, современные информационные технологии.

Несомненно, что педагогическая техника – один из важнейших элементов педагогического мастерства. Она детерминирована уровнем развития речи педагога, его аналитическим мышлением, педагогическим тактом и другими личностными качествами.

Социально-психологический характер взаимоотношений вузовского преподавателя и обучающихся складывается не сразу, а постепенно. Во многом характер взаимоотношений опосредован профессиональными навыками опытного педагога и жизненным опытом обучающегося. Молодой человек, став обучающимся вуза, не в одночасье превращается в опытного студента. Студенты проходят непростой период адаптации к новому коллективу и учебному процессу. Обучающиеся должны привыкнуть к своему новому социальному статусу, к новым нормам и требованиям, к специфике академической среды в целом. В этот период следует уделить особое внимание формированию социально-ориентированной системы взаимоотношений вчерашних школьников и профессорско-преподавательского состава. И в этом важна роль каждого преподавателя. Любые искривления и ошибки в педагогической работе могут стать серьезными барьерами на пути процесса формирования взаимоотношений в учебных коллективах, а порой и деформируют общую структуру педагогического взаимодействия.

Преподаватель высшей школы должен быть интересной личностью, а не просто транслятором определённого объема знаний и информации. В этой связи педагогическое общение является одним из важных факторов успешности его профессиональной деятельности. С одной стороны, оно выражает уровень теоретической и методической подготовки педагога, а с другой – является залогом эффективности педагогического взаимодействия с учебными коллективами в целях формирования в них здоровой духовно-нравственной атмосферы и социально-психологического климата. А это, в конечном счете, обуславливает качество подготовки будущих специалистов.

Таким образом, аккумулируя вышеизложенное, можно сказать, что многолетний социальный и педагогический опыт учит нас одной простой истине – работа с людьми, особенно с молодежью довольно сложная социальная проблема, требующая с одной стороны широкого спектра профессиональных умений, навыков, а с другой – личностных качеств, обеспечивающих педагогу уважение и авторитет в глазах обучаемых.

Литература:

1. Обухов А.С. Психолого-педагогическое взаимодействие участников образовательного процесса: под общей редакцией А. С. Обухова // Москва: Издательство Юрайт. 2020. 422 с.
2. Симонов В. П. Педагогика и психология высшей школы. Инновационный курс для подготовки магистров: учебное пособие / В.П. Симонов. — Москва: Вузовский учебник: ИНФРА-М, 2021. — 320 с. + Доп. материалы [Электронный ресурс; Режим доступа: <https://znanium.com/catalog/product/1839689> (дата обращения 20.11.2022)
3. Осадчук О. Л. Педагогика и психология профессионального образования. Практикум: учебное пособие / О. Л. Осадчук. — Омск: СибАДИ, 2020. — 288 с. — Текст: электронный // Лань: электронно-библиотечная система. — URL: <https://e.lanbook.com/book/149546> (дата обращения 10.11.2022)
4. Самойлов В. Д. Педагогика и психология высшей школы: учебник: / В. Д. Самойлов. — Москва; Вологда: Инфра-Инженерия, 2021. — 248 с.: ил., табл. — Режим доступа: по подписке. — URL: <https://biblioclub.ru/index.php?page=book&id> (дата обращения 09.11.2022)

ОБ АВТОРАХ:

Е.В. Когтева,
кандидат социологических наук, доцент кафедры иностранных языков, Государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования Московской области «Технологический университет имени дважды Героя Советского Союза, летчика-космонавта А.А. Леонова», Королев, Россия.

ABOUT THE AUTHORS:

E.V. Kogteva,
PhD {Sociology}, Associate Professor of the Department of Foreign Languages, State Educational Institution of Higher Education Moscow Region «Leonov Moscow Region University of Technology», Korolev, Russia.

УДК 378**ОБУЧЕНИЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНО ОРИЕНТИРОВАННОМУ АУДИРОВАНИЮ НА ФРАНЦУЗСКОМ ЯЗЫКЕ В НЕЯЗЫКОВОМ ВУЗЕ**

Когтева Е.В.

В данной статье рассмотрена роль профессионально ориентированного аудирования в системе обучения иноязычному общению в неязыковом вузе, а также трудности, возникающие в процессе преподавания, носящие как лингвистический, так и экстралингвистический характер. Отмечено, что не смотря на перцептивный характер аудирования, его стоит отнести к самому сложному виду речевой деятельности, обучение которому требует больших усилий, и что без освоения навыка понимания речи на слух нельзя говорить об иноязычной коммуникативной компетенции специалиста.

В статье рассматриваются условия методически грамотной организации процесса обучения аудированию, в том числе отбор аутентичного специально ориентированного материала, языковых средств адекватных ситуации, использование ИКТ и т.п.

Автором проанализирована специфика работы с франкоязычным материалом для аудирования на основе общеизвестной трехступенчатой модели обучения, особенности работы на каждом из трех этапов работы с аудитивным материалом, предназначенным для специальных целей, предложены конкретные примеры упражнений для каждого из этапов по одной из профессионально ориентированных тем.

Аудирование, неязыковой вуз, речевая деятельность, навык.

Для цитирования: Когтева Е.В. Обучение профессионально ориентированному аудированию на французском языке в неязыковом вузе // Социально-гуманитарные технологии. 2022. №4 (24). С. 79-84.

TEACHING PROFESSIONALLY ORIENTED LISTENING IN FRENCH AT A NON-LINGUISTIC UNIVERSITY

Kogteva E.V.

The article deals with the role of professionally oriented listening in the system of teaching foreign language communication in a non-linguistic university, as well as the difficulties encountered in the teaching process, which are both linguistic and extralinguistic in nature. It is noted that despite the perceptual nature of listening, it should be attributed to the most complex type of speech activity, the training of which requires great effort, and that without mastering the skill of understanding speech by ear, it is impossible to talk about the foreign language communicative competence of a specialist.

The article discusses the conditions of methodically competent organization of the process of teaching listening, including the selection of authentic specially oriented material, language tools adequate to the situation, the use of ICT, etc.

The author analyzes the specifics of working with French-speaking listening material based on the well-known three-stage learning model, the specifics of working at each of the three stages of working with

auditory material intended for special purposes, and offers specific examples of exercises for each of the stages on one of the professionally oriented topics.

Listening, non-linguistic university, speech activity, skills.

For citation: Kogteva E.V. Teaching professionally oriented listening in French at a non-linguistic university. *Sotsial'no-gumanitarnye tekhnologii*. 2022; 4 (24): 79-84. (In Russ.)

Введение.

Процесс обучения иноязычной речи в современных условиях имеет своей конечной целью овладение навыком коммуникации на изучаемом языке, причём предпочтительнее всеми её видами, как письменной, так и устной. Необходимым условием достижения поставленной цели со стороны обучающегося требуется готовность использования иностранного языка как эффективного инструмента общения, а со стороны обучающего способность профессионально и методически грамотно обеспечить эту готовность.

В независимости от изучаемого языка аудирование является наиболее сложным видом речевой деятельности, которому необходимо уделять большое внимание. Несмотря на то, что этот вид речевой деятельности относится к перцептивным, а не к продуктивным, его роль нельзя преуменьшать.

Восприятие текста, особенно на иностранном языке -это сложный процесс, предполагающий несколько фаз, таких как обнаружение, различение, идентификация, категоризация, узнавание и опознание, что требует от обучающегося особой концентрации внимания, мыслительной деятельности и напряжения многих психических функций. [1, с.15]

Кроме этого дополнительной сложностью выступают особенности языка, на котором воспроизводится текст: языковые и речевые, зависящие от ситуации, сферы и участников коммуникации.

Исходя из этого, стоит отметить, что качество обучения студентов иноязычному общению в неязыковом вузе в большой степени зависит от обучения восприятию иноязычной речи в ситуациях, приближенных к реальным, как в бытовой, так и в профессиональной сфере.

В последнее время значительно расширились возможности использования аутентичных материалов, прежде всего благодаря компьютерным технологиям, особенно сети Интернет, позволяющим свободно использовать подкасты, сайты организаций для профессиональных целей.

Обобщая накопленный опыт по проблеме обучения аудированию с использованием различных аутентичных материалов, нами был выделен ряд трудностей в обучении аудированию и намечены способы их преодоления; рассмотрена специфика обучения аудированию на французском языке в неязыковом вузе, апробированы упражнения на развитие навыков аудирования текста на французском языке.

Результаты и обсуждение.

По мнению целого ряда отечественных методистов, таких как Н.Ю.Абрамовская, Н.В.Елухина, Л.Ю.Кулиш и др. уровень сформированности навыка аудирования значительно уступает таковому в говорении, чтении и письме [4, с.80].

Основной целью обучения профессионально ориентированному иностранному языку является подготовка обучающегося к речевой коммуникации в естественной ситуации как бытовой, так и профессиональной, которая предполагает не только умение свободного говорения, но и навык восприятия иностранной речи на слух. Именно последнее представляет наибольшую трудность, так как слуховой канал восприятия намного медленнее зрительного, а также из-за того, что в отличие от остальных видов деятельности: письма, чтения и говорения, от обучающегося ничего не зависит, он не может воспользоваться справочными материалами, изменить скорость речи, а малейшее ослабление внимания может привести к утере смысла информации.

Существуют универсальные условия для понимания речи на слух, в том числе профессионально-ориентированной, на любом языке, даже на родном, такие, например, как слуховая чувствительность, достаточный уровень оперативной и долговременной памяти у слушающего.

Задачей последнего является не только прием фонологической информации, но и её перекодирование в концептуальную, гораздо более высокого уровня.

Однако, чаще всего препятствиями для успешности профессионально-ориентированного аудирования выступают трудности лингвистического и экстралингвистического характера. На первый взгляд кажется, что самый простой путь - это снятие трудностей, однако его можно считать тупиковым, так как в реальной ситуации профессионального общения обучающиеся окажутся беспомощными. Исходя из этого следует, что необходимо выявить возможные трудности при восприятии изучаемого языка и выстроить методику работы с материалом по их преодолению. По мнению Б.А. Лапидуса, автоматизм может свободно функционировать только в тех условиях трудности, в которых он был сформирован [3, с.74].

В последнее время возможности в организации обучения аудированию стали намного шире благодаря развитию информационно коммуникационных технологий. Так, например, глобальные сети делают возможным доступ к огромной базе данных, текстов, подкастов, информации в любой сфере, на любом языке, причём «в моменте»; дистанционные платформы, общение онлайн с носителями языка (студентами, изучающими тот же профиль, специалистами, работающими в данной области).

Интернет предоставляет доступ к различным видам подкастов на французском языке как полностью аутентичных, представляющих собой записи деловых встреч, кофе, ренций, совещаний, обсуждение проектов, предполагающих высокую скорость коммуникации и наличие помех, так и дидактические, записанные педагогами-носителями языка с обучающими целями. Среди наиболее часто используемых франкоязычных платформ, подкастов стоит отметить France Info, FrenchPod 101, Learn French by podcast и др.[1, с.16]

ИКТ также предоставляют больше возможностей для организации самостоятельной системной работы обучающихся по аудированию при условии их мотивированности, так как на занятиях в вузе не всегда хватает времени для системных и регулярных тренингов этой компетенции.

Очень важным в обучении профессионально ориентированному аудированию как компоненту устного речевого общения представляется развитие у будущих специалистов специфических умений, которые позволят им не просто пассивно слушать коммуниканта, но и активно добиваться понимания: озвучивать помехи, возникающие в момент разговора, задавать уточняющие вопросы, переспрашивать, просить повторить, объяснить, перефразировать мысль [2, с.102].

Для достижения достаточно сформированного аддитивного навыка, аудированием нужно заниматься специально и регулярно с использованием аудиозаписей разных голосов, разного темпа, различных коммуникативных ситуаций, различных речевых регистров, в форме монолога, диалога и возможно полилога при высокой форсированности аддитивных навыков у обучающихся [7, с.179].

Организуя учебный процесс по формированию навыка профессионально-ориентированного аудирования, преподавателю необходимо учитывать особенности профессионального контекста, в том числе большой объем специальной лексики, аббревиатур, терминов, представляющих дополнительную сложность.

Очень важным представляется отбор материалов для аудирования, из учебников, специальных изданий, подкастов, с учетом их предметно-содержательной стороны т.е. соответствия их содержания потребностям конкретной профессиональной направленности: типичные коммуникативные ситуации, терминология, профессиональная лексика, условия общения, коммуникативные задачи, ролевой репертуар участников общения и отношения между ними. Необходимо помнить о том, что аудиовизуальные материалы воспринимаются легче, чем аддитивные и стараться, особенно на начальном этапе или при изучении сложных тем, опираться на визуальную опору в виде схем, графиков, таблиц или видео [6, с.652].

С точки зрения использования в текстах языковых средств необходимо руководствоваться их частотностью и информационной значимостью.

Текст, предназначенный для аудирования, должен быть посильным, т.е. содержать уже известные явления, лексику, сведения, что будет облегчать понимание, создавать благоприятную атмосферу и предпосылки для прогнозирования, но, в то же время содержать около 3 % новой лексики, стимулирующей догадку, понимание по контексту. Слишком легкие, равно как и чересчур сложные тексты не будут способствовать мотивации в данном виде речевой деятельности.

Не стоит упускать из вида адекватность объема предлагаемого текста, длительность звучания которого не должна превышать 3-5 минут, а также скорость звучания, соответствующую примерно 200 слогам в минуту.

Непременным условием для попадания текста в корпус для профессионально ориентированного аудирования является его аутентичность, являющаяся как его достоинством, так как представляет образец реальной коммуникации, так и трудностью, так как ему свойственны повторы, перебивы, недосказанность, менее четкая организация высказывания сточки зрения синтаксиса, грамматики.

К естественным ситуациям профессионально ориентированного аудирования можно отнести: международные конференции, дискуссии, дебаты по специальным вопросам, сообщения по актуальным темам; радиопередачи профессиональной направленности; рекламные ролики профессиональной ориентации; официальные визиты, прием должностного лица; интервью; беседы с целью обмена информацией о технических новинках по определенным специальностям, деловые встречи; переговоры (о продажах и поставках товаров, по поводу заключения договоров, контрактов с предварительным обсуждением деятельности фирмы, предприятия, переговоры по телефону, презентации экспонатов на международных выставках, представление доклада на иностранном языке и т.д.

Работа с профессионально ориентированными материалами как средством развития навыков аудирования у студентов может быть традиционно организована в три этапа. Учитывая, что речь идет о неязыковом вузе, необходимо определиться с выбором языка для заданий и инструкций во время работы по аудированию. В зависимости от уровня языковой и речевой компетенции группы, он может быть как французским, так и родным.

На первом этапе преподаватель погружает обучающихся в тему предстоящего прослушивания, не предъявляя сам материал, а демонстрируя только заголовок или сопровождая его иллюстрацией. Так, например, работая с текстом *Une expédition pour l'Autriche* преподаватель показывает фото кабинета, за столом которого сидят мужчина и женщина. Обучающиеся могут предположить, что речевая ситуация будет в виде диалога, его участники (мужчина и женщина) ведут переговоры о поставках какого-то товара в Австрию. Вероятностное прогнозирование на французском языке вводит в контекст и облегчает восприятие речи на слух. Для того, чтобы фамильяризовать опыт, знания обучающихся и тему аудирования, преподаватель предлагает вопросы для небольшой беседы по теме, например: о том, какие виды транспорта они знают, какие товары экспортируются из Франции в Россию и из России во Францию, на чём можно перевозить товары, какие французские товары они покупают?

На данном этапе разбираются языковые сложности, которые могут явиться препятствием для понимания текста на слух: вводится и отрабатывается новый вокабуляр, лексические особенности, грамматические конструкции (хотя предполагается, что с грамматическими конструкциями обучающиеся уже знакомы).

Так как предлагаемый текст относится к формальному стилю, то отмечается, что в нем будут преобладать вопросительные конструкции с инверсией, возможно изменяющей звучание слов, а также с оборотом *est-ce que*.

Отличительной особенностью французского языка является большое количество омофонов, представляющих огромную трудность в их дифференциации, так как их цепочки могут состоять из четырех слов и более. Примером могут служить: *ou* (или) и *où* (где), *a* (глагол *avoir*) и *à* (предлог); [вэр] *un verre* (стакан)-*vert* (зелёный) – *un ver* (червь) – *vers* (к).

В предлагаемом тексте среди новых ЛЕ тоже присутствуют омофоны: *le fret* (доставка) – *les frais* (расходы) – *je ferai* (я сделаю), на которые преподаватель обращает внимание.

Исходя из содержания текста, предлагаемого к аудированию, составляются предтекстовые упражнения на составление цепочек однокоренных слов (*assurer*– *un assureur* – *une assurance*), образование новых слов при помощи префикса *dé*– (*embarquer*–*débarquer*, *charger*–*décharger*, *bloquer*–*débloquer*, *chiffrer*–*déchiffrer*; *la douane*– *le dédouanement*, *le dommage*– *le dédommagement*). В упражнении на составление словосочетаний из слов в двух колонках одно слово является новым, а второе уже знакомо обучающемуся (*les frais de transport*, *mettre à l'abri*, *un délai de livraison*, *une caisse*

en bois, une flotte de camions, une station de correspondance, un contrat d'assurance). На данном этапе предлагаются упражнения на заполнение пропусков нужными артиклями, грамматическими конструкциями, лексикой по теме, а также на соответствия концептов и их дефиниций.

Объём предтекстовых упражнений зависит от уровня знаний обучающихся и, если он достаточно высок, то количество упражнений сокращается.

Второй этап представляет собой непосредственное прослушивание текста и выполнение упражнений. К концу обучения желательно, чтобы обучающиеся научились воспринимать практически полную детальную информацию из прослушиваемого текста за одно прослушивание, но в процессе преподаватель может предлагать материал несколько раз, каждый раз усложняя вопросы, обращая внимание на подробности и нюансы.

Среди предлагаемых упражнений возможны: заполнить *une fiche* (Таблица 1);

Таблица 1. Образец упражнения

<i>Destination:</i>		<i>Documents:</i>	
<i>Transport:</i>		<i>Délais:</i>	
<i>Emballage:</i>			

найти предложение несоответствующее тексту, либо отсутствующее в нем, дополнить фразы из текста и т.п.

В процессе работы над упражнениями обучающиеся учатся анализировать услышанную информацию, находить и выделять из всего массива текста нужные детали, выполнять компрессию.

Так как согласно принципам компетентностного и коммуникативного подходов информация, получаемая при аудировании извлекается с какой-то целью, для дальнейшего использования, то нецелесообразно ограничиться только этими этапами.

Работа на третьем этапе будет зависеть от того, какая цель ставилась перед обучающимися: фрагментарное, общее, полное или критическое понимание текста.

Общее понимание предполагает ответы на общие вопросы, выполнение тестов с множественным выбором, краткий пересказ содержания на родном или французском языке, выбор правильной последовательности фактов или действий и т.п.

Если целью аудирования было полное понимание, то предполагается, что обучающиеся смогут составить схемы, графики, развернутый, детальный план на основе услышанного, выписать ключевые слова и на их основе выполнить детальный пересказ на французском языке.

Форсированные аддитивные навыки и богатый речевой опыт может позволить обучающимся высказать критическое суждение об услышанном, составить реферат или аннотацию, разыграть аналогичный диалог с иными вводными данными, организовать дискуссию по теме, разработать собственную стратегию средствами французского языка, при этом возможно использование уже выполненных ранее текстовых упражнений.

Примерно такой же подход использован авторами учебника по аудированию французского издательства CLE international Мишель Барфети и Патрисии Божуэн, также предлагающих три этапа работы: *repérer* (обнаружить), *comprendre* (понять), *réagir* (отреагировать). На каждом этапе предполагается четыре прослушивания, после каждого из которых предусмотрены упражнения.

На первом этапе работы с обязательной визуальной опорой, обучающиеся должны распознать основные элементы услышанного текста и выполнить упражнения на ассоциацию, лексическую и фонетическую дискриминацию или порядок высказывания, не предполагающие никакого письма. Например, после первого прослушивания предлагается найти картинку, относящуюся к диалогу или найти ошибки в изображении, выбрать среди трёх вариантов, резюмирующий суть услышанного. Упражнение *"vrai ou faux"* служит проверочным после второго прослушивания, а после третьего прослушивания обучающимся предлагается соединить две части фразы по смыслу. После четвертого прослушивания нужно выбрать из двух похожих по звучанию фраз именно ту, которая прозвучала. (*C'est ça à mon âge/ C'est ça ou le chômage; Je n'ai pas le droit/ Je n'est pas le choix; On ne dort jamais le soir/ On ne sort jamais le soir*)

Второй этап предполагает общее понимание смысла документа с помощью упражнений на переформулировку, а также письменных упражнений типа: найдите неправильную часть предложения

и исправьте её; напишите, что случится если... (*Si elle a le poste de directeur d'embauche, elle...*); ответьте письменно на вопросы; укажите какое из этих действий было в прошлом, а какое только произойдет; подобрать к словам синонимы, прозвучавшие в тексте.

На последнем этапе от обучающегося требуется детальное понимание услышанного, позволяющее ему осмыслить, интерпретировать ситуацию, воображая неявные сопутствующие ей обстоятельства. В качестве упражнений могут быть использованы ответы на вопросы, заполнение таблиц (*qualités et défauts des candidats*), составление графиков, запись услышанных вопросов с каким-то вопросительным словом (*quel, quelle et lequel, laquelle*), ответы на вопросы, с использованием в качестве аргумента услышанную информацию.

Выводы

В настоящее время лингвистическая компетентность перестала быть роскошью, и стала важным критерием при трудоустройстве [7, с.173].

Устное общение на иностранном языке в профессиональной деятельности невозможно без понимания речи на слух, поэтому нельзя не отметить важность аудирования в обучении и обучения аудированию.

Успех аудирования зависит от сформированности лингвистических компетенций, лексических, фонетических, грамматических автоматизмов, так как только в этом случае внимание слушающего будет направлено на содержание [5, с.105].

Очень важно, чтобы степень трудности материала, предназначенного для понимания на слух была чуть выше языковых возможностей слушающего, а упражнения - посильными. Большую роль играют оперативная память обучающегося и его способность к вероятностному прогнозированию.

Стоит отметить, что аддитивный навык является неременным условием устной коммуникации, в том числе профессиональной, так как процесс общения -двусторонний, предполагающий не только говорение, но и понимание.

Используя коммуникативный подход в обучении профессионально-ориентированному аудированию нельзя забывать о том, что любая полученная информация должна быть использована в дальнейшей деятельности для развития коммуникативных умений и способствовать развитию профессиональных навыков.

Многолетний практический опыт преподавания французского языка в неязыковом вузе подтверждает, что аудирование относится к тем видам речевой деятельности, которые требуют использования специальных методов и средств, больших усилий, более тщательной методической разработки. Усилия, затрачиваемые на обучение и формирование навыка понимания речи на слух, в высшей степени оправданы, так как именно аудирование чаще всего обеспечивает адекватность речевого поведения в различных ситуациях иноязычного речевого общения, в том числе в профессиональной сфере.

Литература:

1. Досковская М.С., Шнейдман Е.Л. Подкасты как средство развития навыков аудирования при обучении французскому языку в неязыковом вузе // Образовательный вестник "Сознание". - 2021. - Т.23. - №11. - С. 13-19. Doi: 10.26787/nydha-2686-6846-2021-23-11-13-19.
2. Колесникова И.Л., Долгина О.А., Англо-русский терминологический справочник по методике преподавания иностранных языков. – СПб., 2001.
3. Лапидус Б.А. Интенсификация процесса обучения иноязычной устной речи (пути и приемы). – М., 1970.
4. Мещерякова, Е. В. Развитие аудитивной компетенции с использованием информационно- коммуникативных технологий / Е. В. Мещерякова, Ю. В. Мещерякова // Вестник Пермского национального исследовательского политехнического университета. Проблемы языкознания и педагогики. – 2016. – № 3. – С. 79-87
5. Михайлова О. В. Обучение профессионально ориентированному аудированию специалистов технических вузов // Вестник ТГПУ. 2013. №9 (137). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/obuchenie-professionalno-orientirovannomu-audirovaniyu-spetsialistov-tehnicheskikh-vuzov> (дата обращения: 16.11.2022).
6. Соколова Э. Я. Использование аудиовизуальных средств для формирования навыков профессионально-ориентированного аудирования // Известия Самарского научного центра РАН. 2013. №2-3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ispolzovanie-audiovizualnyh-sredstv-dlya-formirovaniya-navykov-professionalno-orientirovannogo-audirovaniya> (дата обращения: 16.11.2022).
7. Шахар Ш. Этапы обучения аудированию // Этнодиалоги. 2019. №1 (57). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/etapy-obucheniya-audirovaniyu> (дата обращения: 26.01.2023).
8. www.cle-inter.com

ОБ АВТОРЕ:

П.С. Романов,
доктор педагогических наук, доцент, профессор кафедры иностранных языков, Государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования Московской области «Технологический университет имени дважды Героя Советского Союза, летчика-космонавта А.А. Леонова», Королев, Россия.

ABOUT THE AUTHOR:

P.S. Romanov,
Doctor of Pedagogy, associate professor, professor of the Department of Foreign Languages, State Educational Institution of Higher Education Moscow Region «Leonov Moscow Region University of Technology», Korolev, Russia.

УДК 378**ОБЗОР ЛИТЕРАТУРЫ В ДИССЕРТАЦИИ КАК ЭВОЛЮЦИОНИРУЮЩИЙ ОБЪЕКТ РАССМОТРЕНИЯ ЗАРУБЕЖНЫХ ИССЛЕДОВАТЕЛЕЙ**

Романов П.С.

Обзор литературы традиционно рассматривается как фундаментальная тема в диссертационных исследованиях (в России на присвоение ученой степени кандидата наук и доктора наук, в англоязычных странах – ученой степени Philosophy Doctor). В последние двадцать лет значительно возрос интерес ученых США, Канады, Австралии именно к этой теме. Обзор литературы как важнейшая составная часть диссертационного подвергся всестороннему комплексному анализу с целью установить закономерности выбора критериев при определении тематического поля.

Тесно связаны с этим процессом такие аспекты как общая компетенция диссертанта, профессиональная грамотность, начитанность, информационная грамотность и способность работать в современных компьютерными технологиями при поиске литературных источников.

Науковедение, обзор литературы, диссертационное исследование, информационная грамотность.

Для цитирования: Романов П.С. Обзор литературы в диссертации как эволюционирующий объект рассмотрения зарубежных исследователей // Социально-гуманитарные технологии. 2022. №4 (24). С. 85-90.

LITERATURE REVIEW IN THE DISSERTATION AS AN EVOLVING OBJECT OF FOREIGN RESEARCHERS CONSIDERATION

Romanov P.S.

The literature review is traditionally considered as a fundamental topic in dissertation research (in Russia for the assignment of the degree of candidate of sciences and doctor of sciences, in English-speaking countries - the degree of Philosophy Doctor). Over the past twenty years, the interest of scientists from the USA, Canada, Australia has significantly increased in this topic. The review of the literature as the most important component of the dissertation underwent a comprehensive comprehensive analysis in order to establish the regularities of the choice of criteria when determining the thematic field. Closely related to this process are aspects such as the general competence of the dissertation, professional literacy, reading, information literacy and the ability to work in modern computer technologies when searching for literary sources.

Science research, literature review, dissertation research, information literacy.

For citation: Romanov P.S. Literature Review in the dissertation as an evolving object of foreign researchers consideration. *Sotsial'no-gumanitarnye tekhnologii*. 2022; 4 (24): 85-90. (In Russ.)

Зарубежные исследователи единодушны в том, что обзор литературы, посвященной заявленной теме докторского (PhD) исследования, занимает центральное место в структуре докторской диссертации. Функции обзора, его роль в диссертационном исследовании, критерии отбора опубликованных и неопубликованных работ четко определены в научных сообществах естественных и точных наук, обобщены и подробно проанализированы в такой дисциплине как

науковедение. Наличие в диссертации глубокого анализа и подробного описания существующих в науке точек зрения на предмет и объект диссертационного исследования свидетельствует о серьезном и всестороннем подходе диссертанта к разработке заявленной темы, является предтечей раскрытия его научных взглядов на заявленную тему, обоснование его научной позиции [8; 10]. Несмотря на важность обзора существующей литературы для диссертационного исследования, в современной литературе насчитывается достаточно ограниченное число работ подобной тематики, не затрагиваются вопросы методологии изучения публикационного поля, не выявлены критерии подбора подобной литературы для реализации в тексте диссертационного исследования. В начале данной статьи следует сразу же отметить, что все последующие статистические данные, выводы зарубежных авторов и автора статьи отнесены целиком и полностью к докторским исследованиям на присуждение ученой степени PhD или Philosophy Doctor.

Традиционно обзор литературы в докторской диссертации делился на два отдельных этапа: подбор соответствующей литературы и написание непосредственно обзора, содержащего анализ точек зрения ученых прошлого и современности по предмету диссертационного исследования. Тем не менее по этому вопросу нет единства во взглядах на структуру обзора, критерии подбора источников. Например, Rosemary Green из университета Дикина (Австралия), считает, что процесс создания обзора литературы представляет собой многоступенчатый процесс, который проходит по сложному пути от начала написания диссертации до заключительного суждения о предмете диссертационного исследования [9, p.4]. В процессе написания докторской диссертации все аспиранты и соискатели неизбежно сталкиваются с проблемой сбора источников, их аналитической обработки и необходимостью сделать заключение о состоянии степени исследования разрабатываемой научной проблемы. Причем обзор литературы необходим не только для создания докторской диссертации как некое традиционное действие, но и для докладов, рефератов, презентаций, отчетов. Громадную ошибку допускают те соискатели, которые недооценивают роль обозрения источников или обзор литературы. Во-первых, обзор литературы стал традиционной неотъемлемой частью любого научного исследования, будь-то докторская или магистерская диссертация, дипломная работа. Во-вторых, после проделанной работы с первоисточниками, соискатель приобретает устойчивую научную позицию в заявленной диссертационной теме, четкое понимание путей ее анализа и установления тенденций в дальнейшем ее развитии.

Таким образом, функции и роль обзора источников нашли свое четкое понимание и выражение в самых различных научных и учебных дисциплинах, в профессиональных сообществах. Тем не менее, существуют некоторые оттенки и нюансы в определении обзора литературы как важнейшей составной части диссертационного исследования в зависимости от специфик той или иной академической дисциплины. Единодушие проявляется лишь в том, что наличие профессионально проведенного анализа имеющихся в научном поле публикаций и неопубликованных работ служит яркой характеристикой соблюдения диссертантом не только процедурных условий в оформлении своей работы, но и признаком глубокого проникновения им в сущностные характеристики выбранной для исследования проблемы, полного погружения в профессиональное поле. По мнению американских и австралийских исследователей соискатель должен усвоить все содержание выбранных и прочитанных источников, затрагивающих заявленную проблему; проявить четкое понимание того знания, которое накоплено в данном профессиональном поле, и также границ нового знания, точек роста этого знания; установить все спорные моменты в знании указанного предмета исследования, по которым ведется обсуждение профессионалов-теоретиков в данном вопросе; установить критерии четкого качественного понимания той или иной проблемы, степень изученности этой проблемы; суметь обобщить то знание, которое демонстрировали в своих публикациях предыдущие исследователи, пропуская несущественные моменты [8, p.344]. Зарубежные исследователи считают, что наличие в докторском исследовании профессионально выполненного обзора источников служит признаком научной зрелости соискателя; признаком завершенности проведенного им исследования; соотносительности рассмотренных источников с предметом проведенного диссертационного исследования [6, p. 143]. Синтез суждений по исследуемой теме должен войти органичной составляющей или стать базой для последующей аргументации соискателя, выдвигаемой в процессе исследования, обоснованием его выводов.

Вместе с тем ряд зарубежных специалистов признают недостаточность аналитических разработок роли обзора литературы в проводимых докторских исследованиях, указывают на недостаточное внимание к этому вопросу в научных дискуссиях и научных коммуникациях. Признавая этот факт, исследователи задаются вопросом, почему это происходит и каким образом следует добиться полного научного освещения этой проблемы в профессиональном поле. Частичный ответ на этот вопрос североамериканские исследователи видят в том, что современная педагогическая практика сосредоточивает свое внимание на отдельных выборочных методиках, анализе баз данных, ограниченном количестве научных методов исследования.

Здесь следует сделать отступление и попытаться провести точное разделение между такими важнейшими для исследователя понятиями, как метод, методика и методология. В научном сообществе отсутствует единая точка зрения на дефиниции этих категорий. Автор статьи предлагает исходя из собственной практики воспользоваться определениями, которые предлагает в своих трудах отечественный ученый К.П. Боришполец [1, с.29]. Например, метод — (греч. *methodos* — путь исследования, учение) способ достижения какой-либо цели, совокупность приемов или операций практического или теоретического познания действительности. Метод складывался в науке как результат осмысления неких комплексных совокупностей конкретного опыта и связан с операционализацией теоретического знания. В широком смысле под термином метод понимается сознательный способ достижения результата, решения поставленных задач. Метод предполагает последовательность действий на основе осознанного, четко сформулированного и контролируемого плана предпринимаемых в процессе познавательной деятельности.

Методика — направленно создаваемый на базе логики и научных методологических положений комплекс средств, предназначенный для решения определенного класса задач, как правило, часто повторяющихся. В научном познании методика играет особенно важную роль в эмпирических исследованиях. В задачи методики не входит теоретическое обоснование полученного результата, она концентрируется на технической стороне эксперимента и правилах, которые должен соблюдать исследователь.

Методология — особый тип рационального сознания и образ действий, направленный на разработку и совершенствование методов познания. С его помощью ученый обращается к изучению политической деятельности на основе того или иного теоретического подхода. Важно понимать, что ученые используют избранные методы в сочетании с любым теоретическим подходом.

Российский библиотековед В.В. Скворцов, посвятивший свою жизнь утверждению библиотечного дела и в том числе библиотечных исследований среди многих научно-учебных дисциплин, писал, что методологическую базу научного исследования составляет гносеологический аппарат современной мировой философии, прежде всего, законы, принципы, категории диалектики; законы и категории логики; принцип историзма; основные идеи и положения науковедения, культурологии, фундаментальной информатики, социальной информатики; требования объективности, научности, системности, достоверности и другие регулятивы всякого научного исследования[5]. Другой видный отечественный библиотековед В.С. Крейденко дает свое определение терминам «метод» и «методология». Он считает, что научный метод исследования - это способ изучения (упорядоченная совокупность простых приемов, шагов или действий), опирающийся на определенный понятийный аппарат и правила, соответствующие особенностям предмета исследования, цели и характеру решаемых задач. При этом под методикой научного исследования он понимает упорядоченную во времени, координированную и кооперированную систему действий, конкретную реализацию совокупности различных способов (методов, приемов, процедур, операций) достижения определенной цели и решения задачи, сбор и обобщение данных об объекте библиотечной действительности [3, с.19-20].

К сожалению, автору статьи не удалось установить наличие подобных определений у зарубежных исследователей заявленной темы. Другая особенность трактовки важности и значимости обзора первоисточников в диссертации зарубежных исследователей заключается в том, что это мнение разнится в зависимости от принадлежности исследователя к той или иной научной деятельности. Следовательно, весьма затруднительно проводить какие-либо обобщения полученного материала.

Современные зарубежные исследователи в области науковедения также рассматривают обзор существующих источников одновременно как процесс и как конечный интеллектуальный продукт диссертанта. При этом количество работ, посвященных данной теме, очень мало. В отдельных случаях есть попытки исследователей сделать определенные обобщающие выводы по особенностям обзора литературы и распространить эти выводы на другие научные и учебные дисциплины, полагая междисциплинарный характер сделанных выводов. Некоторые исследователи темы усматривают в структуре и функциях обзора источников определенную диалогическую структуру, где пересекаются воззрения и различные научные позиции цитируемых авторов и создателя обзора, при этом они считают, что диалог идет между различными поколениями исследователей, разрабатывавших данную тему, и каждый автор оценивает вклад своего предшественника в разработку данной темы. Таким образом, лейтмотивом высказываний по этому поводу становятся диалог и оценка. Вместе с тем некоторые зарубежные исследователи отмечают отсутствие такой персонифицированной связи между диссертантом и рассматриваемыми высказываниями предшествующих авторов. Более того, они непостижимым образом усматривают тенденцию таких диссертантов обособиться от позиций рассматриваемых авторов [9, p.20]. К сожалению, здесь трудно усмотреть солидную аргументацию выдвинутого тезиса, тем более авторы оговариваются, что существует тенденция в многих диссертационных исследованиях рассмотрения цитируемых авторов как неких участников профессионального сообщества, что, например, в отечественном науковедении принимается как неоспоримая данность. Сходную позицию продемонстрировал в 2006 американский исследователь Maxwell [11, p.30], предложивший рассматривать анализ существующий литературы в диссертационном исследовании как основополагающую структуру. Он утверждает, что поведенный надлежащим образом анализ точек зрения отдельных авторов, сопоставление их научных позиций позволит диссертанту успешно сформулировать свои собственные выводы и безусловно охватить целиком рассматриваемую проблему в ее полноте. Критики этой позиции выдвигают контраргумент, утверждая, что подобный подход будет представлять значительную трудность для диссертанта, как правило, не обладающим достаточным опытом в исследуемой области. И здесь вновь встает вопрос о тщательности и скрупулезности подбора необходимых источников. Тот же Maxwell считает, что в смежных научных и учебных дисциплинах существуют сходные построения определенных концепций, которые могут оказаться полезными при рассмотрении источников диссертации. Прием заимствования методов исследования в приграничных областях науки известен давно.

Другой исследователь данной темы Montuori еще в 2005 году обосновал тезис креативного подхода к исследованию обзора литературы в докторских диссертациях.[12] В этом подходе предлагается тщательно проследить различные связи между темами исследований в нескольких смежных научных и учебных дисциплинах и по возможности за счет такого анализа увеличивать число рассмотренных источников. Его последователями такой подход стал носить название «мультивокальный», что отражало в целом желание исследователя как можно полнее очертить как само дисциплинарное поле, так и все многообразие высказываемых мнений, учесть все стороны и малейшие оттенки знания по данному вопросу.

Традиционно в англоязычной литературе, посвященной изысканиям в науковедении и диссертативедении, обзор литературы обсуждался в двух основных аспектах. Это демонстрация диссертантом навыков информационной грамотности и приверженности каноническим правилам написания академического труда. Методы научного исследования, как правило, носили характер расходящихся процессов, рассматривая процесс создания обзора литературы как чисто литературный процесс или же как поиск литературы в библиотечных депозитариях. Современные исследователи отходят от данной точки зрения [9, p.23] считая процесс создания обзора литературы комплексным, соединяющим в себе эти указанные тенденции и некоторые другие. Они не считают процесс создания обзора литературы в диссертационном исследовании как набор отдельных проявлений профессионализма автора диссертации, как подтверждения его следования академическим канонам написания диссертации или как чисто писательский труд, имеющий проходное значение. Современные исследователи задаются вопросом, может ли этот процесс отражать более емкое понимание информационной грамотности диссертанта, и следует ввиду этого

более скрупулезно подойти к анализу этого явления, дав ему адекватное научное объяснение, соответствующее реалиям сегодняшнего дня. Они отождествляют понимание информационной грамотности диссертанта с различными стадиями создания обзора литературы. Первым шагом в создании нового видения роли обзора литературы является представление о нем как о сложном, комплексном явлении, о чем уже упоминалось ранее в данной статье. Это позволит рассматривать обзор литературы одновременно и как интеллектуальный продукт и как процесс познания. Стадии сбора информации по исследуемой проблеме, критическое рассмотрение или анализ, обобщение выводов в ходе этого анализа и непосредственно литературное оформление научной мысли тесно увязаны между собой и неразделимы. Примечательный вывод был сделан американским исследователем Cooper [7] еще в 1989 году, внимание научного сообщества было привлечено к повышению роли обзора источников в канве диссертационного исследования, к необходимости задать рамки диссертационного исследования качеством созданного обзора источников в тематическом поле. При этом зарубежные исследователи основным методом исследования процесса создания обзора источников считают феноменологический подход. Вспомним, что в зарубежной науке под феноменологическим анализом понимают анализ любого явления, понятия, ставшего реальностью и вошедшего в систему человеческой жизнедеятельности. Он включает в себя анализ явления со всех сторон: с позиций прошлого, т.е. истории возникновения, смыслов и значений, формы и структуры, видов и типов проявления и функционирования, в аспекте связей с другими и взаимного влияния их друг на друга. Феноменологический анализ «раскладывает» на составные то, что свободно проявляется, существует, самоопределяется.

Одной из существенных составляющих общей грамотности докторанта зарубежные исследователи считают информационную грамотность и останавливаются на ней достаточно подробно. В зарубежном науковедении и в других научных дисциплинах, а также и в отечественной науке за последние двадцать-тридцать лет оформился довольно таки большой массив научных публикаций по теме информационной грамотности. Из числа отечественных публикаций можно выделить, например, монографию доктора педагогических наук, профессора Рязанского государственного университета, почетного работника высшего образования Т.В. Еременко [2]. Взгляд на информационную грамотность, на информационную культуру научной работы она продолжила развивать в своих последующих работах.

Точка зрения зарубежных исследователей заключается в том, что они рассматривают информационную грамотность наравне с такими составляющими общей компетенции диссертанта как литературная грамотность и профессиональная грамотность, грамотность в области объекта диссертационного исследования. В понимание литературной грамотности входит умение читать (напоминаем—это точка зрения зарубежных авторов!) и писать. В таких рамках информационная грамотность выражается в подборе необходимых источников и умении диссертанта распорядиться собранным массивом информации. Поэтому в представлении зарубежных исследователей информационная грамотность выступает в роли первой ступени общей академической грамотности диссертанта. Обобщение накопленного опыта в развитии информационных технологий и научной коммуникации позволяет повестит четкое разделение между понятиями информационной образованностью и умением взаимодействовать с современными компьютерными приборами и технологиями, от знания которых во многом зависит успех поиска нужной информации. Обзор литературы за последние десятилетия эволюционировал как механизм со значительным педагогическим потенциалом.

Другой составляющей общей компетенции диссертанта является умение читать, причем в этот термин зарубежные исследователи вкладывают смысл научного чтения, чтения специальных профессиональных текстов, а не умения общего чтения или грамотности. Оно носит всеобъемлющий характер по отношению к другим компетенциям диссертанта. По этой причине разделение, идентификация и объяснение тех или иных свойств общей компетенции представляют настоящую трудность при проведении исследования. Цели чтения подразделяются на многие составляющие в зависимости от того, какие задачи ставит перед собой диссертант приступая к чтению текстов по своей профессиональной дисциплине. Например, приобщиться к научным и культурным нормам своей дисциплины, овладеть умением и знаниями по выбранной профессии, овладеть техникой

проведения научных изысканий в профессиональной области, научиться методам научного исследования, чтение для получения информации по различного рода справкам и библиографическим сведениям, чтение для овладения лучшими образцами академической речи в профессиональном поле. Составление обзора источников не может быть эффективно осуществлено без экстенсивного чтения. Экстенсивное чтение – это вид учебного чтения; предполагает умение читать значительные по объему тексты с общим охватом содержания. Внимание читающего при этом сосредоточено на содержании текста, а не его форме, а синтез преобладает над анализом. Важное значение при экстенсивном чтении имеет смысловая догадка, с помощью которой преодолеваются трудности понимания смысла текста. Этот вид чтения рекомендуется для самостоятельной работы студентов с текстом с последующим контролем на классных занятиях преподавателем. С этой целью проводится обсуждение прочитанного и письменные задания в виде изложения, сочинения, реферирования текста. Это общеизвестные истины в педагогической литературе, посвященной в целом проблеме чтения.

В целом если подвести итоги рассмотрения взглядов зарубежных авторов на проблему создания обзора источников в диссертации, то можно резюмировать отсутствие серьезных разночтений авторов зарубежной и отечественной научной школы. Первой важнейшей стадией процесса создания обзора является выявление и признание ряда факторов, которые по сути являются граничными условиями для определения научного поля, принадлежащего предмету диссертационного исследования. После определения границ информационного поля начинается стадия отбора источников, оценка с точки зрения актуальности и принадлежности к предмету диссертационного исследования. После установления массива источников начинается процесс чтения работ авторов и вновь включается механизм оценки этих источников, процесс установления, насколько объективно и актуально отражают они исследуемую проблему [4].

Литература:

1. Боришполец К.П. Методы политических исследований: учебное пособие для студентов вузов/К.П. Боришполец, 2-е изд., испр. и доп., Москва, Аспект-Пресс, 2010. – 230 с.
2. Еременко Т.В. Информатизация вузовских библиотек в России и США: сравнительный анализ: монография. – М.: Пашков Дом, 2003. – 297 с.
3. Крейденко В.С. Библиотечные исследования: учеб.-метод. пособие. – М.: Русская школьная библиотечная ассоциация, 2007. – 352 с.
4. Романов П.С. Аналитическая характеристика документного потока англоязычных диссертаций в области библиотековедения (по материалам США и Канады): дис... канд. пед наук / П.С. Романов // Моск. гос. ун-т культуры и искусств. – М., 2006 – 220 с.
5. Скворцов В.В. Автореферат докторской диссертации на тему «Библиотековедение: Сущность, методология, статус». - Москва, МГУКИ. -1997.
6. Bruce, C. Supervising literature reviews, in O Zuber-Skerritt & Y Ryan (eds), Quality in postgraduate education, Kogan Page, London, 1994. - P. 143–155.
7. Cooper, H. Integrating research: a guide for literature reviews, Sage, London. – 1989.
8. Golde, C.M. Signature pedagogies in doctoral education: are they adaptable for the preparation of education researchers? // Education Researcher, - 2007. -vol. 36, pp. 344–51.
9. Green R. American and Australian Doctoral literature reviewing practices and pedagogies, PhD thesis, Deakin University, 2009. – March. – 271 p.
10. Kamler, B. & Thomson, P. Helping doctoral students write: pedagogies for supervision, Routledge, London. – 2006.
11. Maxwell, J.A. Literature reviews of, and for, educational research: a commentary on Boote and Beile's "Scholars before researchers"// Educational Researcher. – 2006. - vol. 35, pp. 28–31.
12. Montuori, A. Literature review as creative inquiry: reframing scholarship as a creative process // Journal of Transformative Education. – 2005. - vol. 3, pp. 374–93.